

[Polaris]

Æopa ðorh

Æ ƿƿƿƿƿƿƿ
ƿ ƿƿƿƿƿƿƿ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

II

Salamandra P.V.V.

Георг Борн

ГУЛЛИВЕР У АРИЙЦЕВ

Повести

Salamandra P.V.V.

Борн Г. (Штерн Д. Г.)

Гулливер у арийцев: Повести. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 250 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. II).

Книга включает лучшие фантастическо-приключенческие повести видного советского дипломата и одаренного писателя Д. Г. Штерна (1900-1937), публиковавшегося под псевдонимом «Георг Борн».

В повести «Гулливер у арийцев» историк XXV в. попадает на остров, населенный одичавшими потомками 800 отборных нацистов, спасшихся некогда из фашистской Германии. Это пещерное общество исповедует «истинно арийские» идеалы...

Герой повести «Единственный и гестапо», отъявленный проходимец, развратник и беспринципный авантюрист, затевает рискованную игру с гестапо. Циничные журналистские махинации, тайные операции и коррупция в среде спецслужб, убийства и похищения политических врагов-эмигрантов разоблачаются здесь чуть ли не с профессиональным знанием дела.

Блестящие антифашистские повести «Георга Борна» десятилетия оставались недоступны читателю. В 1937 г. автор был арестован и расстрелян как... германский шпион. Не помогла и посмертная реабилитация – параллели были слишком очевидны, да и сейчас повести эти звучат достаточно актуально.

ГУЛЛИВЕР
У
АРИЙЦЕВ

ГУЛЛИВЕР У АРИЙЦЕВ

Носле одиннадцати месяцев отсутствия, насыщенных самыми разнообразными приключениями, я, профессор Эдинбургского университета Гулливер, вновь оказался в кругу своих товарищей, заставивших меня подробно рассказать все пережитое и виденное мною в стране арийцев. Мой рассказ был, конечно, сфотографирован, и мне почти не пришлось его отшлифовывать.

Мое возвращение привлекло к себе внимание всего мира, и сотни миллионов людей узнали повесть о моих приключениях на острове Арии.

Еще недавно я слушал собственный рассказ и видел на матовом экране идеовизора все образы, запечатлевшиеся в моем мозгу. Я видел себя, видел Угольфа, хитрую физиономию Зигфрида, бессмысленные тупые лица производителей.

На рассвете 9 числа месяца героев 541 года нашей эры, датирующей Октябрьской революцией в России, я с пятью другими историками вылетел на стратоплане с лондонского стратодрома в направлении Мельбурна, где на 11 число был созван международный конгресс историков, посвященный великой эпохе войн и революций. Я полулежал в откидном кресле, наслаждаясь спокойствием и тишиной. Через шесть часов мы пролетели над Каиром, — так, по крайней мере, показала красная табличка прибора, соединявшегося с кабиной водителя. Еще несколько часов, — и мы спустимся в Мельбурне.

Я думал о своем докладе, посвященном великой германской революции, и вспоминал сцены, запечатленные на экране нашими лучшими писателями-мыслителями, тщательно изучавшими все документы, сохранившиеся от этой эпо-

хи. Особенно сильное впечатление произвел на меня Риолан, могущественное воображение которого дало нам ряд ярких картин кровавой гражданской войны и победоносной революции. Образы, возникшие в мозгу Риолана, с поразительной четкостью воспроизводились на экране идеовизора. Я вспоминал отвратительные сцены фашистской реакции, существовавшей несколько столетий назад в некоторых странах. Я вновь увидел, как на экране, сцены казни революционеров, толпу обманутых людей, неизвестно куда ведомых бессовестными демагогами. Я живо представил себе преступников и убийц, стоявших в то время у власти в этих странах.

Одновременно с этим у меня в мозгу возникли чудовищные расовые теории, лишь с трудом воспринимаемые мыслительным аппаратом современного человека. Имена авторов этих теорий занесены на самую позорную страницу истории человечества.

Я пытался представить себе, во что превратилась бы Европа, а возможно и весь мир, если бы эти варвары и преступники получили возможность осуществить свои теории и не были своевременно раздавлены революцией.

Я сравнивал нашу прекрасную и светлую жизнь с мрачной кровавой эпохой конца старого мира и невольно с облегчением вздохнул. Все отвратительное, жестокое, грязное исчезло и отошло: в область прошлого. Мне, специально изучавшему историю этой эпохи, многое казалось нереальным, и напоминало порождение чьей-то мрачной кровавой фантазии.

Я нажимаю кнопку — на табличке появляется новая надпись: 90° 35' 28" южной широты, 30° 14' 31" восточной долготы. Вдруг я чувствую страшный толчок; еще секунда, я лечу в бездонный колодезь и теряю сознание.

Я так никогда и не выяснил, что произошло с нашим стратопланом; вероятнее всего, катастрофа была вызвана действием космических лучей на аппарат стратоплана.

Очнувшись, я во всем теле чувствовал ноющую боль, сердце билось неравномерно, с перебоями. Мне казалось, что у меня не хватит сил пошевелиться. Через несколько

минут я попытался коснуться лба, но не мог шевельнуть ни правой, ни левой рукой. Та же история повторилась при попытке приподнять ногу. Сначала мне показалось, что у меня перебиты кости, но потом я сообразил, что я не то связан, не то скован.

С большим трудом я приподнял голову и увидел на своих руках заржавленные металлические кольца, соединенные короткой цепью; я вспомнил, что видел этот предмет в музее великой революции и что он назывался наручниками; ими широко пользовалась полиция во всех странах. Как я позже убедился, мои ноги были закованы в кандалы.

Я решил, что все это является странным сном, и попытался проснуться, но при первом же движении почувствовал острую боль. Все больше приходя в себя, я вспомнил о путешествии и происшедшей со стратопланом катастрофе, но никак не мог уяснить себе, почему я лежу скованный.

В этот момент я услышал шаги и, с трудом повернув голову, увидел человека самой странной и необычайной внешности: это был старик с хитрыми черными глазами, острыми чертами лица, густой бородой и длинными волосами, спускавшимися на плечи и стянутыми металлическим обручем. У него были несколько оттопыренные уши, поражавшие полным отсутствием мочек.

Старик был одет в широкий халат серого цвета, сделанный из грубой ткани. Он был опоясан мечом, на рукоятке которого я увидел какой-то странный знак. Присмотревшись, я увидел тот же знак, но большего размера, висевший у него на груди на цепочке. Вслед за этим я вспомнил, что этот знак назывался свастикой и являлся в свое время эмблемой фашизма; на рукаве старика был пришит сделанный из черной материи череп, а под ним перекрещенные кости. От изумления я не мог оторвать глаз от старика, совершенно фантастического в наше время.

Я вновь подумал, что у меня галлюцинация, но призрак доказал мне свою реальность, сильно ударив меня в бок ногой, обутой в странной формы сандалию.

Совершенно пораженный, я спросил старика по-английски:

— Где я? Кто вы такой?

Старик, судя по выражению лица, замысловато выругался. Мне показалось, однако, что он говорит по-немецки. Я расслышал слова «швайн» и «доннер веттер», произнесенные с каким-то странным акцентом. Тогда я повторил сван вопрос уже по-немецки.

Старик вздрогнул и с изумлением спросил: «Как! Ты говоришь по-арийски? Кто ты такой?»

Я объяснил ему происшедшее со мной, но старик прервал меня и, язвительно усмехнувшись, заметил:

— Ты лгун и мошенник, ты ниоткуда не упал, но приплыл на лодке на берег нашего великого острова. Там лежат остатки твоей лодки, а ты должен знать, что у нас, в стране арийцев, всякому, кто построит лодку, отрубят голову, либо его кровью поят псов Валькирий.

Страна арийцев? Псы Валькирий? Что это за бред? — с изумлением спросил я сам себя.

Старик продолжал что-то говорить, но я ничего уже не понимал. Его слова совершенно не воспринимались моим ослабевшим от падения мозгом.

Через несколько минут, однако, я почувствовал себя несколько лучше и спросил старика, как его зовут. Он ответил — Зигфрид. Вслед за этим он, нагнувшись надо мной, тихо сказал:

— Слушай, чужеземная собака, через два дня состоится великое судилище, на котором будет решена твоя судьба. Тебе, по всей вероятности, отрубят голову, но я попробую тебя спасти. Только ты должен мне во всем повиноваться.

Сказав, это, Зигфрид вынул из мешка какие-то предметы, которых я не мог рассмотреть в полутьме, и спросил меня: «Что это такое?» Я повернул голову и увидел в руках старика мои электрические часы. Я объяснил Зигфриду, что этот прибор служит для точного определения времени.

Он был разочарован и заметил:

— У нас все это проще и лучше. У нас есть двойная тыква: когда песок высыпается из верхней половины в нижнюю, это значит, что прошел час; тогда бесплодный раб

ударяет молотком в железный лист, и все на острове это слышат.

— А это что такое? — спросил он, показав мне полуразбитый телевизор.

Я попытался объяснить ему устройство аппарата, но Зигфрид ничего не понял. Затем у него в руках появился барометр. Я пояснил, что это прибор для определения погоды. Старик презрительно сжал губы и заметил:

— У нас о погоде узнается гораздо проще: когда зеленая лягушка вылезает по лестнице из горшка, значит, будет хорошая погода, когда у меня ноет поясница, значит, будет дождь.

Вслед за этим у него в руках оказался, по-моему, совершенно уцелевший фоностат, небольшой аппарат, дающий возможность увеличивать звук человеческого голоса в десятки раз. Им пользуются в тех случаях, когда стратоплан опускается на некотором расстоянии от стратодрома. Этот аппарат немного устарел, и им почти не пользуются, так как техника стратосферного транспорта сделала такие успехи, что точка спуска стратоплана может быть определена почти с математической точностью.

Последним предметом, показанным мне стариком, явился урано-радиоаппарат, при помощи которого стратостат всегда поддерживает связь с землей и который может быть использован для отправки радиogramм на ультракороткой волне, принимаемых всеми станциями мира. Я по интуиции сообразил, что не должен объяснять старику назначение этого прибора, так как мне показалось, что он не потерпел повреждений при падении.

Старик, видимо, был разочарован результатами моих объяснений, так как презрительно плюнул. Вслед за этим он сказал:

— Ну, что ж, я попробую тебя спасти. В крайнем случае придется тебя сделать бесплодным.

Я сначала не понял смысла этих слов, потом, однако, вспомнил о применявшейся несколько столетий назад стерилизации, являвшейся основой расовой политики, проводившейся фашизмом. Эта перспектива меня мало обрадо-

вала, и я решил вырваться на свободу как можно скорее. Я, правда, не представлял себе тогда, куда я попал и в чьих руках нахожусь.

Я решил, однако, воспользоваться словоохотливостью Зигфрида и спросил его, кто такие арийцы, о которых он все время говорит.

— Слушай, чужеземец, — торжественным тоном начал старик: — Много веков тому назад наши предки правили великой страной и хотели завоевать весь мир, потом, однако, победили низшие расы, и вождь арийцев посадил четыреста лучших арийцев и столько же ариек на большую лодку, которая, как говорят старики, сама двигалась по воде. Они плыли сорок дней и сорок ночей, пока пристали к берегу нашего великого острова, приготовленного для них богами. Эта лодка была сожжена, и наши вожди завещали нам не строить больше лодок, чтобы никто не мог покинуть остров и привезти сюда людей низшей расы. Наши боги охраняют здесь наше племя, и мы выращиваем здесь чистокровных арийцев, выполняя волю приведшего нас сюда вождя.

Я не выдержал и заметил Зигфриду, что он очень мало похож на тот человеческий тип, который в прежнюю эпоху назывался арийским. Я несомненно больше похож на арийца, хотя в моих жилах утечет кровь самых разнообразных рас и народов. Старик вместо ответа пробормотал какое-то ругательство, смысл которого я так и не понял.

Я решил прекратить дальнейшие расспросы, видя, что имею дело с непостижимо грубым человеком. Чувствуя сильный голод, я попросил у моего тюремщика чего-либо поесть. Тот сначала извлек из кармана своего халата две лепешки грязного вида, но потом раздумал, и лепешки вновь вернулись в карман.

— Завтра состоится великое судилище, и оно решит твою судьбу. Если тебе в полночь отрубят голову, то все, что ты съешь, напрасно пропадет; если же ты останешься жив, то сможешь нажраться сразу за два дня.

Меня удивило, что на острове Арии вопрос о предоставлении мне двух лепешек решается под углом зрения моей

дальнейшей судьбы; очевидно, здесь царит настоящий голод. Убедившись в бесполезности дальнейших просьб, я попросил воды. На этот раз старик ничего мне не возразил, но принес выдолбленную тыкву и приложил ее край к моим губам. Я с отвращением выпил несколько глотков дурно пахнувшей, отвратительного вкуса жидкости. Зигфрид, увидев у меня на лице выражение брезгливости, злобно зашипел: «Ничего, привыкнешь, проклятый метис!»

Старик вышел, и я остался один. Наступила ночь, самая тяжелая в моей жизни. Я — спортсмен и достаточно физически закаленный человек, но наручники и кандалы причиняли невыносимую боль, еще больше ныли поясница и шея; к этому присоединились дополнительные неприятности — по мне бегали какие-то небольшие серые животные, которых я никогда в жизни не видел, по всему телу ползали мелкие насекомые, очень больно кусавшие.

Лежа с закрытыми глазами, я представлял себе, какие страдания переносили много столетий назад революционеры, и старался этим себя утешить. Затем я начал вспоминать жизнь наиболее известных из них. Потом мои мысли вновь вернулись к действительности, и я стал задавать себе вопрос, где я нахожусь и каким образом осталось неизвестным миру существование этого острова, населенного, по видимому, странными и непонятными людьми.

Наступило утро. Мне стало немного легче. Я с трудом огляделся и увидел, что нахожусь в пещере. Сквозь небольшое отверстие в потолке, затянутое рыбьим пузырем, в пещеру проникал тусклый свет. Я лежал на куче старых листьев, со стен стекали капли воды, воздух был настолько сперт, что я с трудом дышал. С правой стороны я разглядел выход из пещеры, но он, очевидно, делал поворот, так как сквозь него не проникал свет.

Неожиданно раздались шаги. Я увидел нескольких людей. Все они были одеты в серые халаты, на груди у них, как у Зигфрида, висел знак свастики, на рукаве был нашит череп, у пояса висел меч. Один из вошедших опирался на топор странной формы. Я пересчитал моих гостей — их было не то семь, не то восемь. Все это были люди в возрасте пя-

тидесяти лет и старше, со злобными и лукавыми лицами. Наибольшее впечатление на меня произвел самый старый из всех, опиравшийся на посох. У него были уродливые черты лица, оттопыренные уши, узкий, вытянутый лоб и провалившийся нос. Мне показалось, что это не то главный жрец, не то их начальник, так как остальные оказывали ему исключительные знаки внимания.

Человек с посохом подошел ко мне и стал ощупывать грязными липкими руками мое лицо и череп. Потом эту же операцию повторили и его спутники.

Зигфрид рассказал о том, что я просил у него пищу. Старики злобно захихикали. После этого пещера опустела.

Перед уходом один из гостей ударил меня по лицу рукой. Я был настолько слаб, что не мог пошевелинуться. От всего пережитого, а также от голода я погрузился в состояние оцепенения; благодаря этому я не заметил, как прошел день.

Неожиданно я вздрогнул от грубого прикосновения и увидел перед собой при свете факела трех людей очень странной внешности. Это, видимо, были мужчины, но лица их скорее напоминали старушечьи. У них были короткие кривые ноги, на которых покоилось толстое и бесформенное туловище. Все они были почти голыми, только их бедра были обтянуты какими-то тряпками. Двое из них бросили меня на носилки и понесли к выходу. Впереди шел третий человек неопределенного пола, освещавший дорогу факелом.

Через несколько секунд я с облегчением вздохнул, наслаждаясь свежим воздухом. На небе ярко горели южные звезды, слышно было, как по песку шуршали набегавшие волны.

Мы приблизились к ярко освещенному месту. Это была большая площадка, окруженная скалами, на ней был выложен из камней огромный знак свастики, у каждого из концов которой горел костер. Посреди этого креста с согнутыми концами на чем-то, вроде грубо сделанного трона, сидел уже знакомый мне старик с посохом и провалившимся носом. Вокруг него на земле внутри свастики сидело че-

ловек двадцать стариков страшного вида, среди них ближе всего к центру я увидел Зигфрида, который, однако, на меня не смотрел.

Принесшие меня рабы поднесли носилки к столбу, стоявшему между двумя кострами, подняли носилки так, что я оказался в вертикальном положении, и привязали веревками к столбу. От боли, причиняемой железными кольцами на руках и ногах, я застонал.

Через несколько минут я увидел, что в трех остальных промежутках между кострами стояли такие же столбы, к каждому из которых был привязан человек. Один из привязанных людей был карликом.

В этот момент один из стариков, которых я считал жрецами, поднял рог и пронзительно в него затрубил. Рабы, несшие меня, немедленно убежали, все присутствующие вскочили и, вытянув вперед и вверх правую руку, громко закричали: «хайль». Старик, сидевший на троне, тоже встал, опираясь на посох, протянул руку и тихо ответил: «хайль».

После этого все стихло, и главный жрец, каковым я его тогда считал, торжественным голосом провозгласил: «Слушайте голос расы и трепещите». Немедленно вслед за этим откуда-то донесся вой и вопль ужаса.

— Великие арийские боги да пребудут с нами. Помните ли вы, братья, закон?

— Помним! — ответили хором жрецы.

— Что говорит закон?

Один из стариков закричал:

— Тот, кто построит лодку, да будет казнен!

— Да будет казнен! — повторил хор.

— Тот, кто изменит расе, да будет казнен! Тот, кто заставит заговорить камни, кору деревьев и песок, да будет казнен!

Так продолжалось минут десять. Эта дикая картина, восклицания и вопли так подействовали на меня, что я был близок к потере сознания. В этот момент наступило молчание, и главный жрец сказал:

— Сядьте, братья вожди, и будем судить, как нам скажет голос крови. Кто первый предстанет перед великим тайным судилищем?

Зигфрид встал и, указав пальцем на того, кого я считал карликом, торжественно произнес:

— Первым мы судим испытуемого Адальберта, глаза которого двенадцать раз видели сбор урожая; руководимый своей нечистой кровью, этот предатель тайно от всех сделал из обрубка дерева лодку. Братья, помните, что говорит закон?

Немедленно вслед за этим раздался общий крик: «Малая смерть!»

— Брат Герман, исполни свой долг, — сказал главный жрец.

Тогда поднялся человек с топором, на которого я обратил внимание еще в пещере и который ударил меня по лицу. Это был широкоплечий человек, лет пятидесяти, с жестоким лицом и выдающимся подбородком. Он отвязал карлика и подвел его к костру. Я с ужасом увидел, что это был не карлик, а мальчик лет двенадцати, который дрожал и всхлипывал. Человек, которого называли Германом, бросил его на землю, поднял топор, и голова мальчика покатилась в костер.

— Благословит тебя бог Вотан, брат Герман, — сказал старик с трона. — Кого мы судим вторым, братья?

— Предателя Ахаза, три месяца назад удостоившегося принятия в число производителей-самцов и нарушившего закон расы. Ахаз разделил ложе не с арийской самкой, а с одной испытуемой смешанной крови.

— Что говорит голос расы? — спросил главный жрец.

— Большая смерть! — отвечал хор.

Через несколько минут я понял, что означает «большая смерть».

— Брат Рудольф, приведи псов Валькирий.

Высокий, темноволосый человек, лет сорока пяти, с торчащими ушами и сросшимися бровями, вернулся со сворой овчарок, ничем не отличавшихся от настоящих волков. Человека, которого называли Ахазом, развязали и велели ему

бежать, но он не шевелился; тогда один из жрецов поднял плеть и нанес ему сильный удар по груди и по лицу. Несчастный с воплем бросился бежать, ему вслед были спущены псы, через несколько мгновений раздались вопль человека и вой собак.

— Кого мы судим третьим? — спросил старик в центре свастики.

— Женщину, соблазнившую предателя Ахаза, — ответил Зигфрид.

— Большая смерть ей! — закричали жрецы. Поднялся Зигфрид и сказал:

— Братья, голос расы говорит мне, что эта женщина — хорошая работница. У нас недавно издохло пять бесплодных женщин, голос расы говорит поэтому, что ее следует обесплодить, и пусть она работает.

Главный жрец встал и, подняв руку, сказал:

— Ты прав, брат Зигфрид. Мы передаем женщину тебе, брат Иозеф.

Женщина у столба зарыдала, Иозеф же, низкого роста прихрамывавший человек, подошел к женщине и, схватив ее за волосы, куда-то потащил.

Главный жрец спросил: «Кого мы судим четвертым?» Человек с топором, которого называли Германом, закричал:

— Шпиона, приплывшего в нашу страну на лодке. Я требую для него большой смерти.

Часть жрецов поддерживали его криками:

— Отдать его псам Валькирий!

Тогда медленно поднялся мой тюремщик Зигфрид и сладким голосом начал свою речь:

— Вождь вождей и братья! Мы знаем, что закон крови должен быть выполнен; всякий, кто построит лодку, должен быть казнен.

Герман перебил его:

— Не только кто построит лодку, но и приплывет на ней.

— Я рад, что брат Герман так хорошо помнит закон, это тем более похвально, что у него, как известно, рука гораздо сильнее головы, но я, братья, хотел бы знать, кто видел лодку, на которой приплыл чужеземец. Мы все знаем, что

лодка делается из дерева, которое не тонет. Я же опускал в воду куски того, что вы называете лодкой чужеземца, и они шли ко дну. Эти куски по цвету похожи на те маленькие блестящие кружки, которые хранятся у нас в храме и на которых изображен наш вождь, поведший наше племя сюда и находящийся теперь в Валгалле. Конечно, лодки тяжелее воды нет и не может быть, а если так, то зачем казнить чужеземца?

Водворилось молчание, нарушенное Германом, который спросил:

— А как этот шпион попал сюда?

Главный жрец направил в мою сторону свой костлявый палец и сказал:

— Говори.

Я успел лишь сообщить, что пролетал над воздухом и упал вниз, как Зигфрид меня перебил и закричал:

— Видите, братья, я был прав. Закон, однако, требует, чтобы чужеземцу под страхом смерти было запрещено разговаривать с кем-нибудь, кроме меня.

— Почему тебя, хитрая лиса? — заорал Герман.

— Потому что я умнее тебя.

Поднялся неопиcуемый рев. «Братья» вытащили мечи из ножен и готовы были броситься друг на друга; тот же, которого называли вождем вождей, закричал громким голосом:

— Замолчите, грязные свиньи, чужеземец будет жить, как сказал брат Зигфрид.

Тогда поднялся хромой Иозеф и сказал:

— Вождь вождей, ты, как всегда, прав, и мы преклоняемся перед твоей мудростью. Но я думаю, что на всякий случай чужеземца нужно сделать бесплодным, чтобы он нам не испортил расы.

Это предложение вызвало одобрение. У меня по спине поползли мурашки. Я кинул умоляющий взгляд на Зигфрида.

Тот встал и сказал:

— Зачем нам спешить, я знаю лучше всех закон расы. Мы всегда успеем сделать его бесплодным, а пока оставим его испытываемым.

Это предложение встретило, однако, возражения. Вождь, которого звали Йозефом, заявил:

— Закон говорит, что испытываемым может быть только тот, кто не видел семнадцатого урожая, а эта чужеземная собака видела их не меньше тридцати.

Тогда Зигфрид закричал:

— Сколько бы урожаяев он ни видел, это никого не касается; в нашей стране он не видел ни одного урожая, поэтому он может быть испытываемым.

— Это правильно, — сказал вождь вождей, — так говорит закон: освободите чужеземца и приведите его ко мне.

Через несколько мгновений я с облегчением расправлял онемевшие конечности, но я не мог стоять, и двое вождей потащили меня за локти.

— Как тебя зовут? — спросил старик, сидевший на троне.

— Гулливер, — ответил я.

— Так слушай, великое судилище дарит тебе жизнь, но если ты попробуешь построить лодку, ты будешь казнен; если ты заговоришь с кем-нибудь, кроме брата Зигфрида, ты будешь казнен; если ты приблизишься к самке, ты будешь казнен. А теперь иди.

Я понял, что в настоящий момент не время задавать какие-либо вопросы и, шатаясь, поплелся по тропинке, которая вела вниз. Меня, признаться, несколько смущала перспектива встречи с милыми существами, носившими громкое название «псов Валькирий». Как я позже узнал, мои опасения не были беспочвенными, так как в случаях, когда выпускают этих псов, все жители залезают в пещеры: псы разрывают всякого, не носящего серый халат жрецов или — правильное сказать — вождей, как они себя называют.

Пройдя шагов двести по крутой тропинке, я свалился в неглубокую яму, но не имел силы оттуда выбраться. Приблизительно через час раздался новый звук рога, — очевидно, судилище кончилось. Мимо меня прошел один из вождей, я его окликнул, но он бросился бежать. Я вспомнил о

том, что мне запрещено с кем бы то ни было говорить, кроме Зигфрида, и решил быть осторожнее.

Вскоре один за другим начали спускаться вожди. Старика с посохом четверо рабов несли на носилках. За ними шествовал Зигфрид, величественная походка которого должна была подтверждать его высокое положение.

Я его окликнул. Он подошел ко мне и, увидев, что я лежу в яме, приказал своему рабу вытащить меня. Я поплелся за своим тюремщиком и спасителем.

Откровенно говоря, я не понимал, какие мотивы им руководили. Во всяком случае, поддержка, оказанная им мне, не была продиктована человеколюбием и жалостью: глаза Зигфрида выдавали беспощадную жестокость, коварство и хитрость. Зигфрид, очевидно, хотел меня использовать для определенной цели, но чем ему я мог быть полезен, я себе не представлял.

Через десять минут мы подошли к скале, возвышавшейся в стороне от тропинки. Зигфрид открыл грубо сделанную дверь и, потянув меня за руку в темный проход, тщательно запер дверь на засов, и мы оказались в темноте. Зигфрид извлек из кармана какой-то предмет, я услышал удар камня о камень, вспыхнула искра, от которой загорелся шнурок. При помощи этого шнурка Зигфрид зажег нечто вроде фитиля, опущенного в небольшой горшок с жиром. Этот фитиль горел тускло и сильно чадил. Не говоря ни слова, старик вытащил из кармана две лепешки и сказал мне: «Жри».

Позже я убедился, что у арийцев слово «есть» не употребляется. Вообще, если бы я не был историком, специально изучавшим язык периода фашизма, я бы не понял огромного большинства слов и выражений, преобладавших в языке арийцев. Я с жадностью съел обе лепешки, несмотря на их сомнительный вкус и внешний вид. Зигфрид, видя, что я еще голоден, после некоторого колебания достал из дыры в полу полуобглоданную баранью кость и протянул мне. Я подавил в себе чувство брезгливости и начал есть. Мой покровитель, решив, видимо, показать максимум щедрости, протянул мне еще две печеные картофелины. Когда я кончил, он сказал мне:

— Слушай, ты видел, что я тебя спас. Если бы не я, ты был бы уже в желудках псов Валькирий, которых, как ты должен знать, кормят только человеческим мясом. Помни это и повинуйся, ибо стоит мне шевельнуть пальцем — и ты мертв. А теперь дрыхни.

Я с величайшим удовольствием последовал этому приказанию, так как чувствовал себя совершенно обессиленным. Мне казалось, что как только я лягу, то немедленно засну мертвым сном. Но мои нервы были распатаны, и перед моими глазами проносились сцены кровавого судилища. Я видел огромный знак свастики и горящие по его концам костры, слышал пронзительный звук рога, передо мной снова пронеслась свара псов с оскаленными зубами, как в калейдоскопе промелькнуло беспощадное лицо вождя, которого называли Германом, взмах его топора. Я вспомнил дрожавшего и всхлипывавшего мальчика, окаменевшего от страха Ахаза, рыдавшую женщину, которую тащила за волосы рука Иозефа.

Меня ужасала холодная и кровавая жестокость этих людей, творивших расправу на странной площадке, окруженной мрачными скалами. Я чувствовал, что мною овладевают отвращение и отчаяние.

Никогда в жизни не видавший проявления жестокости, выросший в обстановке гармонии и счастья, я оказался в руках изуверов. Почему казнили мальчика, сделавшего себе игрушечную лодку? Почему был растерзан юноша, нарушивший какой-то закон расы? Что значит бесплодный раб? Кто такие самцы и самки? Все мои усилия понять это были тщетными: я блуждал, как в лабиринте, постоянно возвращаясь к исходной точке.

Мне в то же время была непонятна вся обстановка, окружавшая меня: каким образом люди, которых в старую эру называли бы дикарями, говорят на испорченном немецком языке, очень напоминающем тот, который я изучал по старым книгам начала XX века прошлой эры? Каким образом на этом языке говорит странное племя, живущее на острове между Индией и Австралией?

Почему здесь роль священного знака играет крест с согнутыми концами, служивший некогда эмблемой фашизма? Откуда на этом острове знают древнюю германскую мифологию с ее Валгаллой и Валькириями? Все эти вопросы терзали меня в течение большей части ночи и только под утро я заснул тяжелым сном, полным кошмаров.

Я проснулся от грубого толчка и с недоумением увидел склонившееся надо мной злое бородатое лицо старика, глядевшего на меня с любопытством. Я с трудом пришел в себя и вспомнил события двух последних дней, потом встал и осмотрел пещеру, в которой находился. Пещера была значительно просторней моей тюрьмы, стены выложены пластинками из обожженной глины, с них не капала вода. Пол устлан грубо сделанными циновками, в одном из углов лежала шкура не то козы, не то барана; на ней, очевидно, спал мой хозяин. В другом углу стоял грубо сколоченный стол и довольно гладко обструганный чурбан, служивший стулом. В стене были выдолблены небольшие ниши. В одной из них я заметил несколько безобразных глиняных горшков и такие же миски. В другой нише я увидел небольшую кучу картофеля и две выдолбленные тыквы, наполненные кукурузой.

Не успел я осмотреться, как Зигфрид издал непонятный мне гортанный звук, и в пещеру вбежал странный человек, как две капли воды похожий на тех людей, которые несли меня на носилках. Я видел в наших музеях изображения людей всех народов и племен, населявших землю в разные эпохи, но такой разновидности человека я, признаться, не встречал: его толстое туловище с поразительно широкими бедрами покоилось на кривых коротких ножках. Бледное безбородое лицо этого человека напоминало старушечье, глаза у него были водянистые и тусклые.

Он с нескрываемым страхом посмотрел на Зигфрида и, низко поклонившись, спросил:

— Что должен сделать бесплодный раб?

Меня поразил его тонкий и пронзительный голос, напоминавший по своему тембру не то детский, не то женский.

— Где Эска? — спросил Зигфрид.

— Она пошла к ручью.

— А ты что делал?

Лицо раба перекошилось, и он, заикаясь, начал бормотать: «Я... я...» Зигфрид, не спуская с него глаз, приблизился, ухватил костлявыми пальцами за щеку и начал ее щипать, потом схватил его за ухо и ударом ноги в спину выбросил из пещеры.

Я был удивлен, как старик сумел нанести такой ловкий и сильный удар ногой. Потом он повернулся ко мне:

— Ты видел, как я наказал ленивого раба? Помни, что ты такой же раб, как и эта бесплодная собака. Если ты попробуешь мне не повиноваться, ты увидишь, что я сумею содрать с тебя живого шкуру; и притом не сразу, а лоскутами.

Я думал, что Зигфрид выражается аллегорически и, желая показать, что понял его, улыбнулся. Моя улыбка привела старика в бешенство, он бросился ко мне, схватил рукой свисавший с шеи металлический знак свастики и нанес мне им глубокую царапину от уха до угла рта. Я, пытаясь защищаться, прикрыл щеку рукой, затем увидел на руке следы крови.

Я почти не чувствовал боли, так как мной овладело .еще никогда не испытанное чувство, для которого я не мог даже найти подходящего названия: мне хотелось громко кричать, схватить старого зверя за горло, плакать. Люди, жившие много столетий тому назад, вероятно, имели специальное название для этого состояния. Я же не мог найти нужного выражения.

Зигфрид, видимо удовлетворившись моей окровавленной щекой, сказал:

— Я еще не знаю, что буду с тобой делать. Пока ты будешь помогать Кору и Эске. Убирайся!

Я был совершенно ошеломлен, вышел из пещеры и увидел там раба, которого звали Кором. Через несколько мгновений появилась женщина, несшая на голове большой, неправильной формы кувшин с водой. Она была худа и костлява, истощенное лицо пересечено морщинами к складками; на первый взгляд ей можно было дать лет пятьдесят.

Кор, назвавший женщину Эской, сказал ей шепотом несколько слов, из которых я понял только одно — «бить». Женщина вздрогнула и опустила кувшин. Кор показал (ей на меня пальцем и сказал: «Новый раб». Затем они отошли в сторону и стали шептаться, не спуская с меня глаз.

В этот момент из пещеры вышел Зигфрид, погрозил нам кулаком и сказал мне:

— Ты сегодня будешь варить обед.

Я был в полном недоумении, так как у нас приготовление пищи является в высшей степени сложным делом, ввиду необходимости правильного сочетания синтетических питательных продуктов с вкусовыми возбуждателями. Я спросил тогда, где приборы для варки. Старик посмотрел на меня и презрительно плюнул. Я решил больше ничего не спрашивать и положиться на свое знание химии.

Вскоре я нашел в пещере два глиняных горшка, несколько горстей молотой кукурузы, десяток картофелин; Эска откуда-то притащила кусок мяса, издававший весьма неприятный запах. Я его несколько раз вымыл в воде и опустил в горшок, насыпал туда же крупу и хотел очистить картофель, но Эска с ужасом схватила меня за руку, сказав: «Нельзя портить». Не возражая, я опустил картофель в воду неочищенным. В это время появился Кор и принес небольшой горшок, в котором тлело несколько кусков раскаленного угля. Эска принесла охапку хвороста, бросила ее между двумя стоявшими вертикально камнями и зажгла костер. Горшок был поставлен на камни, и вскоре моя похлебка закипела.

Кор взял небольшую сеть, сделанную из грубых волокон, и направился к берегу. Часа через два он принес десяток небольших рыбешек, одну из них он начал жевать, другую протянул Эске.

Раздались шаги, и Кор с выпученными глазами старался проглотить застрявшую у него в горле рыбу. У пещеры вновь появился Зигфрид. Он осмотрел нас пристальным взглядом, подошел к Эске и Кору, всунул им в рот два пальца и вытащил оттуда остатки рыбы. Вслед за этим он отвесил каждому из них по пощечине.

Наведя порядок, Зигфрид приказал дать себе обед. Моя похлебка, очевидно, ему понравилась, так как он ел, причмокивая и облизываясь. Он съел почти все, оставив мне лишь немного на дне горшка. Кроме того, он бросил Кору, Эске и мне по небольшой рыбке. Несмотря на голод, я не стал есть сырую рыбу, но попытался ее испечь на раскаленном камне. Она, однако, с одной стороны осталась сырой, с другой же обуглилась.

После обеда я с Эской получил поручение принести с поля картофель. Мы спустились по тропинке в направлении берега. С каждым шагом воздух делался все более влажным и горячим, начали подниматься испарения.

Я увидел несколько людей, работавших на поле; когда мы подошли ближе, я с изумлением убедился, что мужчины были как две капли воды похожи на Кору, а женщины — на Эску. Среди двух десятков работавших на поле я не увидел ни одного молодого лица. Они выкапывали картофель, пользуясь большими деревянными лопатами с тупыми краями.

Неуверенные движения людей говорили о физической слабости, близкой к изнеможению. Мужчины с трудом вдавливали лопаты в землю и с еще большим трудом их подымали. Женщины нагибались со стоном и едва несли корзины, наполненные картофелем.

Я подошел к работающим, они в страхе от меня отшатнулись. Эска схватила меня за плечо и сказала несколько слов, из которых я только понял: «Младший вождь будет бить». Я оглянулся, но никого не заметил, кроме работавших. Вскоре некоторые из них начали опускаться и подыматься все медленнее, с трудом распрямляя спины. Часть присела на кучи выкопанной земли.

Вдруг из-за толстого дерева показался человек лет двадцати пяти, одетый в халат, с мечом у пояса, но без знака свастики на груди и без черепа на рукаве. Он держал короткую палку, от которой, как я позже заметил, отходило десять ремешков, заканчивавшихся утолщениями.

Эска с ужасом прохрипела: «Младший вождь».

Человек, скрывавшийся за деревом, подошел к пытавшимся отдохнуть рабам и нанес им несколько ударов плетью. Затем он посмотрел меня подозрительным взглядом, подошел ближе, ощупал мою одежду, сделанную из серебряистой ткани, и грубым голосом о чем-то спросил меня.

Эска, кланяясь до земли, пролепетала:

— Вождь послал нас за картофелем.

После этого мы наполнили мешки и отправились в обратный путь. Мой мешок был тяжелее, но я нес его легко, Эска же совершенно изнемогала, так что я в конце концов понес оба.

На другой день я с Кором отправился за новым халатом для нашего хозяина. Мы прошли картофельное поле, которое я видел накануне, и приблизились к невысокому холму, покрытому кустарником.

У подножия холма я неожиданно заметил отверстие в земле, похожее на вход в большую нору. Из него вылезла женщина, которой можно было дать на первый взгляд лет двадцать пять, но у нее было истощенное и пепельно-бледное лицо. Она держала в руках большой кувшин.

Присмотревшись, я увидел по соседству с этой норой другие такие же отверстия и понял, что они вели к землянкам, где жило население деревни. Эти землянки были так низки, что в них с трудом можно было стоять на коленях. Я не мог представить что человек способен прожить в подобном логовище несколько дней. Позже я узнал, что в таких землянках жило большинство населения острова.

Мы прошли шагов двести, и я увидел большую скалу, внутри которой, очевидно, находилась пещера, так как ее охранял младший вождь — молодой человек с лицом хищной птицы. У подножия скалы стояло несколько женщин разного возраста, обвязанных вокруг бедер тряпками. Они, видимо, чего-то ждали.

Скоро в отверстии, ведущем в пещеру, показалось двое рабов, несколько отличавшихся от виденных мною прежде: они были моложе, и тело их приближалось к нормальному. Эти рабы несли по мешку, наполненному кукурузой. Затем каждая из женщин насыпала несколько горстей зер-

на в овальное отверстие, выдолбленное в камне, и начала крошить зерна ударами каменного песта. Ударяли они все одновременно и тихо напевали монотонную и грустную мелодию.

Кор потянул меня за рукав и прошептал:

— Уйдем дальше, вождь будет бить.

Действительно, человек, охранявший пещеру, уже внимательно к нам приглядывался.

В сотне шагов от пещеры мы увидели большой шалаш, покрытый камышом, в нем четыре женщины ткали на каких-то странных приспособлениях серую ткань из толстых нитей. Кор сделал одной из женщин знак и сказал ей несколько слов, которых я не разобрал. Женщина ему что-то ответила, и Кор пошел обратно к пещере. Я последовал за ним.

Приблизившись к младшему вождю, он низко поклонился.

Вождь спросил резко: «Зачем пришел?»

Узнав, в чем дело, он втокнул Кора в пещеру. Через несколько минут Кор вернулся с халатом, затем, пятясь назад, спустился на тропинку и предложил мне возвратиться домой другой дорогой.

Вскоре мы натолкнулись на пять безбородых стариков, обжигающих у костров неуклюжую глиняную посуду.

Раздался свисток; рабы извлекли из разных укромных мест пищу. Я сам почувствовал голод и хотел было попросить их поделиться со мной, но увидел, что у каждого из них было по две картофелины и по три сырых рыбешки. Съев это, они вырвали из земли несколько кореньев, очистили их ногтями и начали жевать.

Меня удивило, что я не видел нигде детей. Кроме того, все работавшие, виденные мною за эти два дня, производили впечатление искалеченных и больных людей.

Так прошло еще несколько дней, в течение которых я не отходил далеко от пещеры. Наконец, Зигфрид разрешил мне походить по острову. Начало моего путешествия едва не кончилось для меня плачевно. Не успел я пройти и тысячи шагов, как увидел двух бегущих рабов, что-то в ужа-

се кричавших. Я еще не сообразил, в чем дело, как мимо меня промчался огромный пес, похожий на волка. Он не обратил на меня никакого внимания, по догнал одного из рабов, схватил за горло и подмял под себя. Я поспешил от-вернуться от этого ужасного зрелища и пошел своей доро-гой. Как я позже убедился, псы Валькирий довольно часто вырываются из пещеры, но бросаются только на рабов, ко-торых они узнают по почти полному отсутствию одежды.

Подавленный виденным, я продолжал свой путь и, обог-нув группу скал, приблизился ко входу в ущелье. В этот момент мимо меня пробежало несколько странных людей в коротких штанах. Они бежали гуськом и издавали звуки, похожие на ржание жеребцов.

Я не успел разглядеть их лиц, но мне бросилась в глаза резкая диспропорция между крошечной головой и широ-кими плечами и грудью этих бегунов. Меня заинтересова-ли эти люди, резко отличавшиеся по внешности от виден-ных мною вождей и рабов.

«Это, верно, племя микроцефалов» — подумал я.

Войдя в ущелье, я увидел человек двадцать таких же субъектов, с сосредоточенным и тупым видом прыгавших через веревку, протянутую между двумя кольями. Теперь я получил возможность присмотреться к ним ближе и, откро-венно говоря, испытал желание смеяться. Это были люди среднего роста, с хорошо развитой мускулатурой, у боль-шинства тело было покрыто рыжими волосами, такие же курчавые волосы покрывали крошечную круглую голову. Черепная коробка почти отсутствовала, в глаза бросались большие челюсти, благодаря чему нижняя часть лица ка-залась значительно шире черепа. Под редкими бровями си-дели маленькие голубые водянистые глаза, выражавшие трусость, жадность и похотливость. Эта безобразная и неес-тественная голова со складками на затылке сидела на толс-той короткой шее.

Кроме бегунов и прыгунов, я заметил в ущелье еще не-сколько люден с такой же внешностью. Один из них держал в руках лягушку, отрывал у нее лапки и клал себе в рот. Другой глодал сырое баранье бедро, третий, находивший-

ся рядом с ним, занимался отправлением физических потребностей, что ничуть не отражалось на аппетите его соседа. Когда я приблизился к сидевшим микроцефалам, часть из них прорычала по моему адресу какие-то ругательства, другие же сделали странные жесты, носившие в достаточной степени гнусный характер.

Я старался не привлекать к себе внимания этих странных людей, напоминавших мне производителей-животных, с той лишь разницей, что последние импонируют своей силой и красотой, мои же микроцефалы внушали чувство, близкое к отвращению. Мне казалось, что я никогда не забуду эти круглые головы, покрытые курчавыми рыжими волосами.

Оглянувшись, я увидел до обеим сторонам ущелья несколько отверстий, достаточных для того, чтобы в них мог пролезть человек. Побуждаемый любопытством, я влез в одно из отверстий и вскоре оказался в пещере, из которой поспешил выбраться, так как там было невыносимо душно и омерзительно пахло. Я насчитал семь таких отверстий. В каждой пещере, по-видимому, жило восемь-десять человек.

Когда я собирался уходить, в ущельи появилось шесть рабов, тащивших носилки с кусками сырого мяса и рыбы, за ними шел человек в халате, с мечом на поясе и с плетью в руке. Немедленно из всех пещер вылезли микроцефалы, окружили носилки и издавали урчащие звуки. Человек с плетью отогнал двоих, пытавшихся подойти ближе к носилкам, и стал бросать каждому по куску.

Вид этих странных людей, жадно пожиравших дурно пахнущие куски мяса, вызвал у меня чувство отвращения, и я поспешил дальше. Вскоре ущелье начало суживаться и окончилось каменной стеной, в которой я увидел небольшие деревянные ворота.

Я постучал. Посредине ворот находилось отверстие, в котором я увидел чей-то глаз. Ворота открылись, и передо мной оказался младший вождь; он с любопытством посмотрел на меня и спросил:

— Это ты упал с неба?

Я кивнул головой.

— Ты хочешь видеть самок?

Я не понял вопроса, но утвердительно кивнул. Младший вождь пропустил меня в ворота; вслед за мной попытались проникнуть двое микроцефалов, но охранявший прогнал их ударом плети.

Когда я оглянулся, то заметил в ущельи несколько десятков женщин, производивших не более благоприятное впечатление, нежели их соседи мужского пола. Действительно, термин «самки» к ним прекрасно подходил. Это в большинстве были толстые, широкобедрые женщины со свисающей грудью и животом. Среди них, правда, я заметил нескольких, казавшихся менее уродливыми и более молодыми.

Головы у них были еще меньше, чем у только что виденных мною жителей первого ущелья. У всех были рыжие волосы удивительной длины, покрывавшие спилу и спускавшиеся до колен. Единственное их одеяние составляли короткие фартуки. Часть женщин кормила ребят грудью, вокруг копошилось много детей разного возраста; все они были грязные, покрыты струпьями и волдырями.

Некоторые женщины перебирали пальцами волосы на голове других, извлекали насекомых и давили их ногтями. Несколько женщин сидело перед пещерами, одни из них ковыряли в носу, другие перебирали висевшие у них на шее на шнурке разноцветные ракушки.

Я попробовал заговорить с ними, но они, видимо, поняли мои слова совершенно превратно, и я поспешил отойти в сторону, отнюдь не соблазненный такими красавицами.

Влез в одну из пещер, служивших им жильем, но немедленно выбежал оттуда, задохнувшись от невыносимого зловония. Такой запах я наблюдал лишь в зоологических парках, где живут большие обезьяны.

Вскоре я подошел к выходу из ущелья. На этот раз мне не повезло. Сторожем оказался младший вождь очень злобного характера. Он в течение получаса издевался надо мной, угрожая мне казнью за то, что я проник в ущелье самок. Я пытался объяснить ему, что меня туда пропустили и что я и теперь не понимаю, куда я попал. Тогда он начал обви-

нять меня в том, что я нарушил закон, заговорив с ним. В конце концов сторож, решив, что я достаточно напуган, ударом ноги выбросил меня за ворота.

Это незаслуженное оскорбление возмутило меня, но я чувствовал себя бессильным как-нибудь на него реагировать и, сжав зубы, начал искать дорогу к нашей пещере. Это оказалось очень нелегкой задачей; я потерял направление и начал блуждать. Вскоре я нашел тропинку, ведущую, как мне показалось, к берегу, и решил пойти по ней. Тропинка привела в долину, окруженную довольно высокими скалами.

Я почувствовал сильный запах падали и увидел стаю ворон, летавших низко над землей. Когда я приблизился и всмотрелся, мной овладели ужас и отвращение: котловина была усеяна столбами, на которых висели трупы и скелеты, большинство из них было подвешено за ноги, головы же были отрублены. На некоторых столбах были прибиты руки и ноги. Почувствовав тошноту и головокружение, я поспешил вперед.

Вскоре с правой стороны я заметил нечто вроде каменного храма. Как я понял, этот храм был вырублен в скале, которой была придана симметрическая форма. Посреди скалы над входом на камне был выбит большой знак свастики. Под ним я с трудом разобрал надпись, гласившую:

«Да благословит нас бог Вотан».

Я хотел войти внутрь, но какой-то инстинкт заставил меня вместо этого отойти в сторону. Действительно, через мгновение в дверях показался человек с мечом. Увидев меня, он поднял с земли камень, и я поспешил укрыться за небольшой скалой. Решив избежать столкновения, я продолжал свой путь и вскоре выбрался из котловины, которую, как я узнал позже, называли «долиной смерти».

Минут через десять я перешел на другую тропинку и вскоре, усталый и голодный, подходил к скале, где находилась пещера Зигфрида. Последний вышел мне навстречу, злобно на меня посмотрел и, ничего не сказав, толкнул меня плечом по направлению к пещере.

Перед сном я съел несколько лепешек и лег очень голодным. Откровенно говоря, я за недели, проведенные мною на острове Ария, очень ослабел и похудел; мой желудок, привыкший к концентрированной пище, плохо воспринимал недоброкачественные и неудобоваримые продукты. Но даже и для неизбалованного желудка мою диету нельзя было назвать иначе, как голодной.

Я решил сказать Зигфриду, что никогда не бываю сыт. Он сначала пробормотал какое-то ругательство, потом, посмотрев на меня, сказал сам себе: «Еще действительно протянет ноги», затем полез в свою кладовую в углу пещеры, к которой никто не имел права приближаться, и бросил мне кусок копченой свинины. Я с наслаждением вонзил в нее зубы.

С этого дня старик начал меня прикармливать, бросая в то же время на меня злобные взгляды. Для меня оставалось загадкой, почему он меня бережет и стремится сохранить живым.

За истекшие дни я имел возможность присмотреться к вождям, приходившим к Зигфриду. Их было пять человек. По именам я знал лишь Рудольфа и Теодориха. Раз два я заходил в пещеру во время их беседы: они сидели на скамьях у стен, Зигфрид же восседал посередине. Они по очереди пили из рога какую-то жидкость, принесенную Кором. В ней, очевидно, содержался алкоголь, так как у вождей блестели глаза, и они разговаривали все громче и громче.

Мне удалось расслышать лишь несколько фраз. Первая из них исходила от Зигфрида:

— Братья-вожди, нужно готовиться, иначе Герман всем нам отрубит головы.

Один из стариков ему ответил:

— За Германом идут почти все младшие вожди.

— Но ведь Иозеф обещал их привлечь на нашу сторону.

— Я не верю этой лисе со змеиной готовой, — закричал один из вождей.

После этого вожди начали говорить шепотом, и до меня перестали долетать даже обрывки фраз. Когда я вышел, мне показалось, что за камнем спрятался один из младших

вождей и наблюдал за нашей скалой. Я пробовал проверить это и приблизился к камню, но, никого там не застав, услышал лишь чьи-то быстрые шаги невдалеке.

К вечеру гости перепились, шатаясь, вылезли из пещеры и, взявшись за руки, пошли по тропинке. Они при этом пели какую-то песню с рефреном: «Хайль, хайль, тра-тра-тра».

Когда серые халаты исчезли в темноте, я вошел в пещеру и лег, но не мог заснуть, и, ворочаясь на своей циновке, вспоминал виденные мною лица вождей. Я пришел к выводу, что они принадлежат к другому племени, нежели рабы и рыжие жеребцеподобные люди. У них у всех были жестокие и хитрые лица, глаза выражали сообразительность, коварство и лживость. Среди них изредка встречались люди со светлыми волосами, но преобладали смуглые и черноволосые.

Я чувствовал, что начинаю гораздо лучше понимать их язык, и решил, что он действительно похож на язык старой Германии. Все их имена несомненно были древне-германского происхождения. Сначала мне пришла в голову мысль, что на этот остров случайно попало какое-нибудь германское племя еще в начале прошлой эры. Однако, потом я отбросил это предположение. Непонятно было, откуда взяли у них культ свастики.

Эта эмблема, правда, была широко распространена в свое время на Востоке, в особенности среди семитских племен; я сам видел в лондонском музее древнееврейскую церковную утварь со знаком свастики. Этот знак у некоторых племен является символом солнца, у других — плодородия. Каким образом, однако, свастика попала на этот остров, оставалось для меня загадкой.

Я по-прежнему не понимал мрачной жестокой жизни, которую наблюдал на Арии. В течение всего времени, прошедшего с тех пор, как катастрофа выбросила меня на этот остров, я не видел здесь ни одной улыбки и не встретил ни одного человека, похожего на тех, которых я видел в течение всей своей жизни.

Меня по ночам преследовали кошмары, передо мной проносились тупые, отвратительные лица микроцефалов,

коварные физиономии вождей, измученные одутловатые лица рабов. Мне снилось, что меня травят псами, что я прибит к столбу в «долине смерти». Проснувшись, я часто не мог сообразить, где нахожусь, и мне стоило некоторых усилий вспомнить происшедшее со мной.

В течение последующих долгих дней я оставался дома, выполняя всевозможные поручения Зигфрида; и начал чувствовать, что мною овладевают тоска и состояние, близкое к отчаянию. Мне казалось, что я нахожусь не месяц, а целую вечность на этом ужасном острове. Наконец, я не выдержал и заявил Зигфриду, что не могу вместе с Кором и Эской заниматься мытьем посуды и стиранием, что мне все это надоело и опротивело.

Старик сначала зашипел, но, вопреки моим опасениям, воздержался от репрессий, лишь пробормотал:

— Кажется, прав был брат Иозеф, говоривший, что тебя надо обесплодить. Надо будет придумать, что с тобой сделать. Пока же иди с Кором на гору испытываемых и принеси хворосту.

Я обрадовался возможности осмотреть новую часть острова и поспешил исполнить приказание.

Мы с Кором отправились по неизвестной еще мне тропинке, шли около часа и приблизились к высокому холму, покрытому довольно густым лесом и кустарником. Вскоре я услышал шум голосов, крики и визг. Когда мы подошли ближе, я убедился, что в лесу, находится несколько сот ребят и подростков в возрасте от восьми до пятнадцати лет.

Когда я показался на полянке, ребята уставились на меня глазами, полными любопытства и страха. Дети были совершенно голыми, у подростков обоего пола вокруг бедер шла повязка. Сначала мне показалось, что у всех ребят одинаково забитый и запуганный вид, однако, через некоторое время я пришел к выводу, что среди них имеется несколько категорий.

Меньшинство, — я насчитал их человек семь, — составляли мальчики с рыжими курчавыми волосами и маленькой головой и девочки с преждевременным физическим развитием, обладающие длинными рыжими волосами. И те, и

другие поражали бессмысленным выражением лица и невероятно тупым взглядом. Они смотрели на меня, не мигая, и когда я отходил в сторону, поворачивали не только голову, но и все туловище. Некоторые из них стояли неподвижно, всунув палец в нос, другие чесали под мышками и ковыряли в ушах. Видно было, что другие ребята держатся от них на расстоянии.

Основную массу составляли дети или подростки различных типов и пигментации: встречались светловолосые и шатены, но явно преобладали темноволосые со смуглым цветом кожи и курчавыми волосами.

Меня удивило, что среди них крайне редко встречались долихоцефалы, но явно доминировали брахицефалы с поразительно круглыми головами. Я вспомнил, что у наших ребят, являющихся продуктом смешения самых разнообразных рас, очень часто встречаются продолговатые черепа. Здесь же, у племени, называющего себя арийским, круглый череп являлся правилом. Меня очень заинтересовала эта антропологическая проблема, но для того, чтобы сделать какие-либо выводы, необходимо было больше видеть и знать. Я по существу не имел еще даже общего представления об острове и его жизни, в особенности же об его социальном устройстве.

Бегло осмотрев окружавших меня ребят, я начал приглядываться к отдельным лицам, и мне бросился в глаза подросток лет пятнадцати с энергичным и смелым выражением лица, смуглой кожей и стройным телом. Я услышал, что ребята называли его Угольфом и относились к нему, как к вожаку.

Вскоре Угольф отодвинул других ребят в сторону, подошел ко мне и пристально на меня посмотрел. Я чуть было с ним не заговорил, но вспомнил о законе, предписывавшем мне молчание, и сдержал себя.

К нам приблизилась группа подростков в пять человек. Они отличались от других ребят самоуверенным видом, у каждого в руках была короткая, но, видно, тяжелая дубинка. Один из них подошел быстрыми шагами к Угольфу и грубым голосом сказал:

— Ты опять, проклятый метис, призываешь к неповиновению! Давно тебя не секли. Скоро будет твоя очередь, и на празднике расы тебя сделают бесплодным.

Угольф сжал кулаки и закусил нижнюю губу.

В это время из толпы ребят отделился другой подросток лет четырнадцати со светлыми волосами на круглой большой голове. Он подбежал к подростку с дубинкой и закричал:

— Ты не смеешь бить Угольфа, он ничего не делал и не говорил.

— А, это ты Олаф? — сказал подросток. — Получай, — и ударил его дубинкой по голове.

Один из его спутников сунул два пальца в рот и издал пронзительный свист. Через три-четыре минуты прибежали два младших вождя в серых халатах, с плетями в руках. Один из них ударил рукояткой плети по лицу Угольфа, так что тот облился кровью, другой начал избивать несколько подростков, видимо, заранее наметив свои жертвы.

Девушка-подросток лег пятнадцати, прижавшись к толстому дереву, горько плакала. Часть ребят пыталась скрыть свое негодование, зато некоторые с патологическим возбуждением наблюдали за сценой порки; другие сохраняли тупое спокойствие и невозмутимость, большинство же, руководимое чувством страха, спешило подальше укрыться.

Ко мне подошел один из младших вождей и грубо закричал:

— Убирайся! Здесь тебе нечего делать.

Тогда появился Кор и, низко сгибаясь, сказал:

— Вождь нас послал за хворостом.

Мы начали собирать сухие ветки, перевязали их веревками и двинулись в обратный путь.

Когда мы отошли несколько в сторону, из кустов кто-то меня потянул за одежду. Я оглянулся и увидел спрятавшегося в кустах Угольфа а, который сказал:

— Я хочу с тобой говорить, приходи вечером, когда все будут спать.

Я не успел ему ответить, так как раздался какой-то шорох, и Угольф исчез. Мы продолжали наш путь, спускаясь

вниз по тропинке. Я помогал Кору нести хворост, так как он с трудом тащил свою ношу. Наблюдая за ним и другими рабами, я убедился в том, что они были очень неплохие люди: добродушные и услужливые; женщины были, правда, крикливы и раздражительны.

Ночью, размышляя об острове, на который меня забросил несчастный случай, я пришел к некоторым обобщениям, правда, предварительного характера. В первую очередь я решил, что на острове Арии, очевидно, производится какой-то искусственный отбор по определенному признаку; далее, я установил наличие определенной иерархии; наконец, по-видимому, с рабами предварительно продлевается какая-то операция, так как среди детей и подростков я не видел ни одного, похожего по внешности на Кора и его товарищей.

Вся власть несомненно принадлежала вождям, состав которых пополнялся путем отбора: подростки с дубинами, младшие вожди с плетью, арийские вожди со свастикой были, очевидно, звеньями одной и той же иерархической ступени.

По какому принципу, однако, производился этот отбор, мне оставалось неясным.

Далее, несомненно, что на острове преднамеренно выращивались определенного типа люди, которых я назвал микроцефалами, вожди же называли их самцами и самками. По-видимому, они являлись производителями, и от них происходило все детское население острова. В этом случае, однако, оставалось непонятным, почему среди детского населения преобладали люди другого типа и другой пигментации.

Проснувшись на другой день, я поспешил выкупаться в море и вернулся с волчьим аппетитом в пещеру. В этот день у моего старика опять собралось несколько вождей. Они громко разговаривали, и я услышал фразы:

— Брата Эрнеста убил Герман. Если бы он действительно сорвался со скалы, у него не мог бы быть раскрыт череп; я убежден, что это рука проклятого Германа. Я узнаю его топор.

Я понял, что на острове произошло какое-то событие, и с любопытством ждал дальнейшего. Через час вожди во главе с Зигфридом вышли из пещеры и направились по тропинке к площадке, где заседало великое судилище. Я заметил, что они сняли металлические кольца, стягивавшие волосы, — очевидно, это должно было служить символом траура. Всколоченные и растрепанные волосы не делали их лиц более привлекательными. Я, побуждаемый любопытством, догнал Зигфрида и тихо спросил, можно ли мне сопровождать его. Он сначала посмотрел на меня с подозрением, но потом пошептался с другим вождем и сказал мне:

— Иди.

Я шел в десяти шагах от вождей, стремясь не отставать от них. Вскоре я увидел площадку с огромным знаком свастики, остатками костров по концам ее и столбами в промежутках между ними.

Вожди уже собирались, шли они группами по четыре-пять человек. Через несколько минут на носилках принесли старика с посохом, которого называли вождем вождей. Его посадили на трон, стоявший в центре свастики.

Этот трон по форме напоминал седло и был обит пластинками из желтого металла, — возможно, это было золото; к этому седлу была приделана спинка, очевидно, для удобства восседающей на троне персоны. Вскоре показались четыре раба, несших носилки, покрытые серым покрывалом, на котором были нашиты большие черные знаки свастики.

Этот крест с согнутыми концами преследовал меня повсюду на острове. Мне начало казаться, что он всю жизнь мелькал у меня перед глазами.

Носилки опустили на землю, все вожди протянули правую руку, но ничего не произнесли. Я решил держаться в стороне и присел за камнем. Однако, один из вождей, сидевших рядом с Германом, меня заметил, протянул руку к тому, кто сидел на троне и сказал ему:

— Вождь вождей, что здесь делает этот проклятый метис, упавший на наш остров?

Часть вождей подняла крик: «Смерть ему!»

Тогда поднялся Зигфрид и сказал:

— Братья арийские вожди, я знаю закон лучше всех. Закон говорит, что на собрании вождей никто из непосвященных не может присутствовать, Чужеземец, однако, был на последнем судилище и остался жив. Я за всю свою долгую жизнь не помню случая, чтобы человек, привязанный к столбу, еще жил после этого. Значит, чужеземец уже является посвященным в наши тайны, почему бы ему не остаться и сегодня здесь?

Тогда встал Иозеф и возразил:

— Мы не допускаем сюда младших вождей, а для какого-то чужеземного пса делаем исключение. Пусть брат Зигфрид мне это объяснит.

— Ты прав,— сказал Зигфрид,— но можешь ли ты сюда позвать одного младшего вождя, чтобы другие его не закололи? А чужеземец один, он даже не сможет никому ничего сказать, так как ему запрещено говорить. Так говорит закон.

— Довольно, братья-вожди, — раздался голос старика с посохом.— Пусть чужеземец остается, за него отвечает брат Зигфрид. Мы должны заменить сегодня ушедшего в Валгаллу брата Эрнста кем-либо из числа младших вождей.

Герман поднялся и закричал:

— Я предлагаю Гагена — чистокровного арийца.

Я заметил, как Зигфрид при этом толкнул локтем Рудольфа, тот встал и заявил:

— Вождь вождей, пусть раньше брат Герман объяснит, почему у брата Эрнста, упавшего со скалы, череп расколот топором?

У Германа на губах показалась пена, он вскочил и, размахивая кулаком, прокричал:

— Эрнст разбился об острый камень, кроме того, он был развратник и предатель. Он нарушил закон расы.

После этого заявления обстановка начала раскаляться. Раздались угрожающие крики, замелькали кулаки.

Вождь вождей, однако, ударил посохом и закричал:

— Кто заменит брата Эрнста?

— Гаген, — раздался голос Германа.

— Гаральд, — закричали хором Зигфрид и сидевшие вокруг него вожди.

В этот момент Зигфрид обратился к восседавшему на троне:

— Раньше, чем решать, нужно выполнить то, чего требует старый закон. Пусть Герман подойдет к брату Эрнсту и тронет рукой его грудь.

Вождь вождей подумал и сказал:

— Это верно, так говорит закон.

Герман с явной неохотой приблизился к носилкам, поднял покрывало и положил руку на грудь убитого.

Не успел он этого сделать, как несколько вождей закричали:

— Видите, показалась кровь, это убийца!

Другие в то же время кричали:

— Ложь! Крови нет!

Я видел, как в руках вождей заблестели мечи, и понял, что в такой обстановке я очень легко могу попасть под удар. Мне показалось даже, что один из приятелей Германа пристально на меня поглядывал, поэтому я счел благо разумным отправиться восвояси.

Часа через два в пещеру вернулся Зигфрид. У него по кисти правой руки стекали капли крови, лицо было в кровоподтеках. Я предложил ему свои услуги, промыл водой неглубокую рану в плече и забинтовал ее лоскутом материи. Воспользовавшись случаем, я спросил Зигфрида, что случилось. Он мне буркнул, что, кроме Эрнста, завтра будут сжигать еще одного вождя.

— Хуже всего, что проклятый Герман уцелел.

Я решил пока больше не расспрашивать, убедившись, что Зигфрид настроен не особенно разговорчиво.

Вечером, однако, когда мы уже легли, старик сказал мне:

— Расскажи, откуда ты прилетел и как у вас живут?

Я постарался описать Зигфриду в самых простых выражениях нашу жизнь, обстановку, людей, завоевания науки и техники, общий расцвет человечества. Я увлекся и забыл, с кем имею дело. Опомившись, я посмотрел на Зиг-

фрида и убедился, что он ничего не понял и смотрит на меня с недоумением, смешанным с презрением.

— Есть ли у вас вожди, рабы и самцы? — спросил он.

Я ответил отрицательно.

Тогда Зигфрид пробормотал:

— Выродки и метисы, — повернулся лицом к стенке и захрапел.

На следующий день я решил вечером пойти на холм, называвшийся горой испытуемых. Я сообразил уже, что испытуемыми на острове называют детей и подростков. Самому старшему из виденных мною на этой горе можно было дать шестнадцать-семнадцать лет. Мне очень хотелось встретиться с Угольфом и побеседовать с ним. Я поднялся по тропинке и стал бродить по холму, наблюдая жизнь испытуемых. Одни из них жили в дуплах деревьев, другие — в небольших пещерах, третьи — в неглубоких землянках.

Приближался вечер, последние лучи солнца освещали верхушку холма. Я шел очень осторожно, не желая наткнуться на кого-нибудь из вождей, так как даже подросток с дубинкой мог мне доставить неприятности.

Прошло около часу, и я собирался было уже возвращаться, как вдруг услышал за собой шорох, обернулся и увидел Угольфа.

— Я тебя жду уже третью ночь, — сказал он, — и почти не сплю. Идем.

Он схватил меня за руку и потащил в чащу кустарников. Я оцарапал себе руки и лицо. Наконец, мы остановились и сели.

— Слушай, — сказал он, — кто ты такой и как ты попал к нам?

Я, помня опыт с Зигфридом, рассказал Угольфу о себе и о нашей планете так, как говорят с маленькими детьми, но убедился, что Угольф многое понял. У него заблестели глаза и покраснели щеки.

— Значит, у вас нет вождей и рабов, у вас не делают людей бесплодными?

Я утвердительно кивнул головой и спросил:

— А кого у вас делают бесплодными?

— Кого? Меня, всех, кто не достоин быть вождями или самцами и самками. Вот меня хотят сделать бесплодным: за то, что я не повинуюсь.

— А женщин тоже делают бесплодными?— спросил я.

— С ними дело обстоит немного иначе. На празднике расы вожди берут себе в пещеру девушек и держат их там, сколько хотят, а потом отдают их Иозефу, и он делает их бесплодными, а вожди берут себе новых.

Угольф сжал кулаки и пробормотал:

— Пусть Иозеф попробует взять в пещеру Геллу!

Я тогда вспомнил девушку-подростка, плакавшую, когда младший вождь избивал Угольфа. По-видимому, это и была Гелла.

— Через несколько дней состоится праздник расы, — сказал Угольф.— Я на нем еще не буду, моя очередь наступит через один урожай.

Я спросил его:

— Чего же, ты будешь спокойно ждать, пока тебя превратят в бесплодного раба?

— Нет, я живым не дамся, пусть мне лучше отрубят голову!

— Нужно бороться, — сказал я.

— Бороться? — с изумлением посмотрел меня Угольф.

— Да, бороться, — повторил я. — Слушай, — и я рассказал Угольфу, как много столетий назад революционеры боролись с поработителями и после кровавых боев свергли их господство.

Угольф внимательно меня слушал и сказал:

— Я понимаю, ты прав, приходи сюда еще, только не скоро, а то нам будет плохо. Сегодня тебя никто не заметил, но в другой раз нас могут проследить.

Я протянул Угольфу руку, он сначала не понял, что означал этот жест, но я ему объяснил.

Через несколько минут я спускался с горы испытуемых, чувствуя подъем и радость. Я впервые встретил на острове Арии существо, с которым мог говорить, как с полноценным человеком. Я был очень доволен, что пробудил в Угольфе новые мысли.

Я понимал, что рискованно жизнью: стоит Угольфу проболтаться, и я погиб. Но нельзя же было равнодушно смотреть на то, что происходит на острове. Довольно пассивности и изоляции! Мне необходимо попытаться сблизиться с испытуемыми.

Я попытался открыть дверь в пещеру, но она была заперта на засов. Мне пришлось постучать. Зигфрид с раздражением открыл мне и почему-то обругал меня «собачьей свиньей».

Лежа на циновке, я подводил итоги моему разговору с Угольфом. Теперь я понял, что рабов предварительно подвергают кастрации; это накладывает специфический отпечаток на их психику и превращает их в искалеченных людей. Я вспомнил, что в старую эпоху существовали секты скопцов, а также евнухи, которые, вероятно, точно так же выглядели, как Кор и другие рабы.

Последовавшие дни протекли без каких бы то ни было событий. Мной начали овладевать уныние и тоска. Я часто думал о своем безвыходном положении: я лишен возможности сообщить, где я нахожусь. Остров Ария никому не известен, и, быть может, я осужден провести всю свою жизнь в этом аду.

Однажды утром, когда я сидел, углубившись в свои размышления, меня кто-то тронул за плечо. Я обернулся, и увидел Зигфрида. Он был на этот раз почти любезен со мной; вообще за последнее время его отношение ко мне изменилось.

Старик сказал мне:

— Сегодня состоится праздник расы; если хочешь, пойдем со мной. Видишь, что я все для тебя делаю, помни это и цени.

Я поблагодарил Зигфрида, он сделал величественный жест и сказал:

— Когда надо будет, я с тобой поговорю о большом деле, а теперь идем.

Я пошел за стариком, стараясь держаться как можно ближе к нему. По дороге мы встретили других арийских вождей, на этот раз также и младших. Вскоре мы оказались на

хорошо известной мне площадке великого судилища. Арийские вожди уже занимали свои места внутри свастики, младшие вожди, — я насчитал их человек двадцать пять-тридцать, — стояли у концов эмблемы. Еще дальше, ближе к скалам, разместились кругом человек пятьдесят девушек и юношей в возрасте шестнадцати лет. У большинства были бледные и испуганные лица, многие старались держаться ближе друг к другу. Некоторые, однако, поражали безразличием и подавленностью.

Наконец, появился вождь вождей, все приветствовали его криками «хайль». Воцарилось молчание.

Старик встал со своего трона и, опираясь на посох рукой, сказал:

— Споем гимн расе.

Я не разобрал слов этой песни, расслышал лишь припев: «Смерть евреям и французам». Меня поразило, откуда на острове Ария известно существование этих народов.

Вождь вождей указал пальцем на худого старика с седой бородой и выпученными глазами и сказал ему:

— Брат Гюнтер, скажи, что говорит закон?

Тот встал и гнусавым голосом забубнил:

— Закон расы говорит, что боги ждут крови.

Старик с посохом спросил:

— Есть ли у вас кровь?

— Есть.

— Где она?

— Вот.

В этот момент показались четыре младших вождя, каждый из них тащил по козленку.

Вождь вождей надел на голову шлем с рогами, поднял посох и закричал:

— Да прольется кровь!

Козлята были положены спиной вниз на изогнутые концы каменного креста, младшие вожди по знаку Гюнтера перерезали им горло. После этого вожди подходили к концам свастики, обмакивали палец в кровь и прикладывали ко лбу.

Когда эта церемония закончилась, вождь вождей спросил:

— Что еще говорит закон расы, брат Гюнтер?

Гнусавый голос опять прокричал:

— Закон расы говорит: да будут отобраны вожди! Да будут отобраны чистокровные самцы и самки! Оставшиеся да будут обеспокоены!

— Так говорит закон, — резюмировал вождь вождей. — Брат Гюнтер, кто здесь, по-твоему, достоин быть младшим вождем?

— Четверо, — сказал старик с выпученными глазами.

— Да приблизятся они ко мне!

Из круга вышли четверо юношей с дубинками в руках, они подошли к центру свастики и поклонились старику, сидевшему на троне.

— Спрашивайте, братья! — сказал он.

Первым спросил Герман:

— Что такое раса?

Один из испытуемых ответил:

— Миф народа.

— Что такое миф народа? — спросил Рудольф.

— Голос крови.

— Что такое кровь? — спросил неизвестный мне вождь.

— Чистая кровь — самое святое, смешанная кровь — самое грязное.

— Кто должен жить на земле?

— Арийцы.

— Кто должен издохнуть?

— Все остальные.

Так продолжалось около часа. Наконец, вопросы были исчерпаны, и четверо испытуемых встали на колени перед вождем вождей, который дал каждому по серому халату и по поясу с прикрепленным к нему мечом.

После этого он три раза произнес: «Да благословят вас боги Вотан и Один». Лица новых вождей сияли от восторга; они, уже в халатах и с мечами, отошли в сторону и присоединились к стоявшим у конца свастики младшим вождям. Старик с посохом опять спросил:

— Кого, брат Гюнтер, ты считаешь достойным быть продолжателями арийской расы?

Гюнтер ответил:

— Чистокровных самцов и самок.

— Сколько в этом году мы их имеем?

— Трех самцов и пять самок.

— Пусть они предстанут перед нами.

Я уже достаточно хорошо разбирался в терминологии этих изуверов и нисколько не удивился, увидев приближавшихся микроцефалов с рыжими волосами и бессмысленным выражением лиц.

— Проверим их, братья, — сказал вождь вождей.

После этого началось нечто вроде ветеринарного осмотра, детали которого я не хочу описывать. В результате всей этой малопривлекательной процедуры, кандидаты были признаны отвечающими всем расовым требованиям и уведены в ущелье. Провожали их два младших вождя под звуки рога. Все остальные кричали им вдогонку: «Хайль».

Опять поднялся старик с посохом и сказал:

— Брат Гюнтер, что говорит закон расы об остальных?

— Они должны быть обеспложены, этого требует голос крови.

— Да будет так, — резюмировал вождь вождей.

Тогда встал сидевший недалеко от Германа вождь лет сорока и заявил:

— Прошу продлить срок испытания для одной самки смешанной крови, так как я беру ее в свою пещеру.

— Покажите самку, — сказал старик с посохом.

Вождь вытащил за руку из группы испытуемых девушку, которая закрыла глаза рукой и опустила голову.

— Уведи ее, брат, — предложил вождь.

С аналогичными заявлениями выступило еще несколько вождей, после чего старик с посохом, сидевший в центре свастики, спросил:

— Сколько всего испытуемых должно быть обеспложено после праздника расы?

— Двенадцать самцов и двадцать одна самка, — ответил Пантер.

— Передай их брату Иозефу.

Если я прежде догадывался, то теперь я ясно понимал, откуда берутся рабы и почему, они так странно выглядят. Очевидно, их подвергали не стерилизации, а полной кастрации. Я почувствовал нестерпимое отвращение и если бы имел малейшую возможность, то набросился бы на людей, называвших себя арийскими вождями. Я, однако, понимал, что подобного рода поступок с моей стороны был бы самоубийством.

В состоянии крайнего возмущения я покинул площадь великого судилища. Ночью я не мог спать, так как на площади, очевидно, происходила какая-то оргия: беспрерывно раздавались хохот, крики и визг. Утром пришел Зигфрид и был совершенно пьян. Я его уложил на шкуру, где он обычно спал, и вышел из пещеры.

На небе уже сияло солнце, но воздух еще дышал прохладой. Я хотел не думать об окружающем меня, но, увидев двух шедших рабов, вновь почувствовал бесконечную тоску.

К концу дня Зигфрид проснулся; у него глаза были налиты кровью, лицо вспухло. Настроен он, однако, был благодушно и обратился ко мне:

— Что ты так на меня смотришь и отчего ты вчера удра? Тебе за это хотели отрубить голову, так как вожди считали, что ты оскорбил нашу расу, но я тебя опять спас. Ты никогда не сможешь отплатить мне за то, что я тебе сделал. Слушай, что я тебе теперь скажу. Ты знаешь, что без меня тебя убьют. Ты должен мне во всем помогать. Как ты мне можешь помочь, я еще не знаю, но буду думать. Наш вождь стар и скоро умрет, тогда будет выбран новый повелитель. По возрасту самым старшим из нас является Гюнтер, я иду вслед за ним, но он, кроме закона расы, ничего не понимает. Если он будет вождем вождей, то за его спиной всегда будет стоять Герман, который давно хочет убить меня. А убив меня, он расправится и с тобой. Нам нужно либо раньше убить его, либо сделать так, чтобы я стал вождем вождей, и тогда я сумею отправить его в Валгаллу. Видишь, как я тебе все прямо говорю. Это потому, что ты не раб мой, а друг.

Я, откровенно говоря, не испытывал большого удовлетворения от такого изменения своего положения, так как чувствовал, что старая лиса хочет меня использовать, а в случае надобности легко отдаст под топор Германа или псам Рудольфа. Я решил, однако, извлечь пользу из создавшегося положения и сказал Зигфриду:

— Если ты мне друг, то ответь мне на некоторые вопросы.

— Говори, — сказал Зигфрид.

— Каким образом ваше племя попало на этот остров?

Старик, после некоторого раздумья, сказал:

— Наши предки много веков назад прибыли сюда на большой лодке, которая, как говорили деды, двигалась сама по воде; в этой лодке было шесть вождей и пятьсот чистых арийцев и ариек. Вожди нам оставили законы, мы же являемся их прямыми потомками, — правильнее, не всех шести, а четырех: один из вождей несколько отличался от обычных людей и поэтому не мог иметь потомства; в другого же, вскоре после прибытия, на наш великий остров, вселился бес: он плевался, кусался и, наконец, утопился в большой яме для нечистот. Его звали Альфредом. Поэтому еще и теперь у нас на острове, если в человека вселится бес, его называют Альфредом. Таким образом мы, вожди, являемся потомками четырех великих предков, которые давно находятся в Валгалле и сидят там вокруг арийского бога Одина. Нас, вождей, не должно быть никогда больше двадцати. В случае, если какой-либо арийский вождь умирает, его место занимает самый старший из младших вождей, которых не может быть больше двадцати пяти. Далее, наши великие предки запретили нам покидать остров и дали нам закон, наказывающий смертью всякого, кто построит лодку: если кто-либо уплывет, он приведет низшие народы, которые нахлынут на наш остров и уничтожат нашу великую арийскую расу.

— Знаешь ли ты, — сказал я, — что арийцами много веков назад считали высоких людей со светлой кожей, голубыми глазами и длинными черепами? Среди вас же, называющих себя арийцами, я таких и не встречал.

Зигфрид оглянулся и сказал шепотом:

— Ты прав, на нас тяготеет какое-то проклятие. Вот уже много веков мы отбираем лучших производителей, а получается черт знает что. Неужели ты думаешь, что я не вижу, что эти рыжие жеребцы и кобылы ничего не стоят?

— Но зачем же вы делаете их производителями?

— Нам нужно, чтобы они по внешности отличались от рабов. Нам нужно, чтобы они могли исполнять только свои непосредственные обязанности, иначе они захотят власти, а мы не намерены ни с кем ею делиться.

— Но ведь вы делаете бесплодными самых способных юношей?

— Нет, это не так. Мы сначала отбираем еще с детского возраста тех, кто годится в вожди, — самых хитрых, безжалостных и сильных. А тех, кто не подчиняется, и всех остальных мы делаем бесплодными. Наши предки завещали нам, что главной угрозой для арийской расы являются те, кто работают. Именно они заставили наших предков бежать из великой страны, которой они прежде правили. Наши учителя, находящиеся давно уже в Валгалле, говорили: всякий, кто обеспложен, должен работать, и всякий, кто работает, должен быть обеспложен. Чем больше бесплодных, тем больше послушных рабов. Среди испытываемых есть много таких, которые нас ненавидят и хотели бы от нас избавиться, но потом приходит праздник расы, брат Иозеф их делает бесплодными, они успокаиваются, делают свою работу и молчат, — старик при этом, видимо, довольный своими рассуждениями, потер руки.

— Почему же вы ждете до шестнадцати лет, а не делаете их бесплодными сразу после рождения?

— Ты, чужеземец, ничего не понимаешь. Во-первых, до шестнадцати лет не видно, кто годится в вожди, а во-вторых, если обесплодить рабов до шестнадцати лет, они плохо растут и еще хуже работают. А нам нужны рабы!

— Ответь мне еще на один вопрос, — спросил я, — разве вожди рождаются тоже от рыжих самцов и самок?

— Что ты, — отвечал Зигфрид, — всякий вождь может взять себе в пещеру девушку из испытываемых и держать ее у

себя, сколько захочет. От этих-то девушек родятся будущие вожди и часть тех ребят, которых приходится делать бесплодными. Когда женщина больше не нужна, мы ее передаем брату Иозефу, он делает ее бесплодной, и она отправляется вместе с ребенком в ущелье самок. Я уже стар и не беру больше никого к себе в пещеру, но прежде это делал, конечно, и я.

— Ну, а от рыжих самцов и самок родятся только такие же, как они? — спросил я.

— В том-то и горе, что нет, — с горечью сказал Зигфрид. — Сначала наши производители выглядели совсем иначе, у них были не рыжие, а светлые волосы, и не круглые, а длинные головы. Потом постепенно они начали изменяться и превратились в людей, которых ты видел в обоих ущельях. Кроме того, у них часто рождаются смуглые дети. Именно в этом я и вижу проклятие богов.

Я понял, что вряд ли сумею многого добиться от Зигфрида. Мои наблюдения и его сообщения дали мне, однако, возможность нарисовать себе довольно яркую картину устройства острова Арии.

Население острова распадается на несколько каст. На самом дне социальной пирамиды арийского племени стоят рабы, создающие все материальные ценности. Их труд является единственным источником существования всех остальных каст.

Следующей группой можно считать самцов и самок, занимающихся исключительно процессом деторождения. Как я позже установил, на каждую самку приходится от двадцати до двадцати пяти рождений, однако, свыше двух третей рождаемых умирает в младенческом возрасте.

Далее следует группа испытуемых, в которой уже имеются элементы иерархии, затем младшие вожди, постепенно превращающиеся в арийских вождей. Во главе всей системы стоит избираемый пожизненно вождь вождей.

Эта организация, несомненно, тщательно продуманная во всех своих деталях, вызвала у меня удивление. Я не понимал, как столь примитивный мозг мог создать эту изумительную систему подавления всего живого и самостоя-

тельного. При помощи кастрации, возведенной в закон крови, группа вождей получает возможность держать в повиновении сотни рабов, не способных не только на восстание, но и просто на сопротивление.

Я вспомнил формулу Зигфрида: «Кто работает, должен быть обеспокоен; кто обеспокоен, должен работать». Эта примитивная формула являлась логическим завершением тех теорий, на основе которых делались попытки построить в Европе фашистское государство много веков назад.

Таким образом общее устройство острова перестало быть для меня загадкой.

Я понял, что передо мной стоит задача: во что бы то ни стало вырваться отсюда и освободить наш прекрасный мир от отвратительного пятна, носящего название острова Арии. Однако, эта проблема пока представлялась мне неразрешимой. Здесь не было ни одного плавучего средства. Здесь нельзя было бы даже построить самой примитивной лодки. Несомненно, надо было искать более сложных путей.

Единственным слоем, представляющим для меня положительный интерес, являются только испытуемые, среди которых несомненно должны существовать полноценные индивидуумы. Что касается арийских вождей, то это были мои злейшие враги, со стороны которых мне постоянно грозила опасность. Младшие вожди представляли собой нечто вроде полицейского аппарата в руках руководящего звена иерархии. Самцы и самки, превратившиеся в производителей, по-видимому, не способны даже на самозащиту. Рабы являются физическими и духовными калеками, от которых, конечно, я не мог ждать ни малейшей поддержки. Исходя из этого, я твердо решил сблизиться с некоторыми испытуемыми. Первый шаг в этом направлении уже был мною сделан, так как мне удалось установить дружественные отношения с Угольфом, который от меня, видимо, чего-то ждет.

Не одну ночь я провел в мучительном раздумьи, перебирая возможности спасения. Неожиданно я вспомнил о радиостате, который, как будто, уцелел после катастрофы;

так, по крайней мере, мне показалось, когда я его видел в руках Зигфрида, лежа скованным в моей пещерной тюрьме. Если он действительно уцелел, и я мог бы в течение нескольких минут им распоряжаться, проблема, вероятно, была бы разрешена. Я мог бы дать радиogramму, которая была бы принята всеми станциями мира. В моей памяти запечатлелась табличка водителя стратоплана с указанием долготы и широты места, на котором находился стратоплан за секунду до катастрофы. Я понимал в то же время, что не должен проявлять ни малейшего интереса к этому аппарату: если эти варвары до сих пор его не уничтожили, то, узнав, что он мне нужен, они несомненно поспешили бы это сделать. Мне нужно было, таким образом, вооружиться терпением и выдержкой. Я вспомнил о своем последнем разговоре с Зигфридом и решил ждать его дальнейших шагов.

Прошло несколько дней. Я буквально изнемогал от тоски. Однажды, когда я сидел у входа в пещеру, по тропинке быстрыми шагами опустился Зигфрид. Он почти бежал, что мало соответствовало его почтенному возрасту и обычной величественной манере держать себя. Старик схватил меня за плечо, втащил в пещеру и увлек в самый отдаленный угол. Заставив меня сесть на шкуру, он взволнованно заговорил шепотом:

— Слушай, чужеземец, скоро придут дни тяжелого испытания. Некоторые вожди хотят тебе отрубить голову. Они говорят, что ты слишком много бродишь по нашему великому острову. Когда младшие вожди секли одного мальчишку, он все время кричал: «Чужеземец зам покажет».

Я почувствовал, что у меня к голове прилила кровь; с одной стороны, меня обрадовало впечатление, произведенное мною на испытуемых, с другой стороны, однако, я видел, что Зигфрид не преувеличивает и что мне угрожает большая опасность. Он продолжал:

— Слушай, чужеземец. Пока жив вождь вождей, я никого не боюсь, но он плох, и не сегодня-завтра умрет. Он не может ни говорить, ни двигаться, я и два вождя никого не выпускаем в его пещеру, но наши враги скоро соберут вели-

кий совет расы, и тогда они придут посмотреть на вождя вождей. Либо он сам умрет, либо они его добьют, и тогда наступит тяжелое время.

— Что же, — спросил я, — после смерти вождя вождей немедленно будет избран новый?

— Нет, — ответил Зигфрид. — Закон расы говорит, что вождь вождей должен быть избран через сорок дней после смерти своего предшественника, так как последнему нужно именно столько времени, чтобы добраться до Валгаллы. До тех пор, пока он не постучится у ворот этого чертога, он считается нашим повелителем.

— Кто же будет его замещать?

— Я, — ответил Зигфрид, — как хранитель закона. За это время надо что-нибудь придумать. Я должен доказать вождам, что достоин быть вождем именно я, а не Гюнтер.

Мне пришло в голову, что теперь следует попытаться получить доступ к радиостату. Поэтому я спросил Зигфрида, решил ли он что-либо сделать с предметами, уцелевшими при падении стратоплана; я берусь научить его пользоваться ими. Зигфрид с ужасом закрыл мне рот:

— Ты потерял разум и стал Альфредом. Ведь закон расы говорит, что всякий, у кого в руках будет найдена вещь, о которой не знали наши отцы и деды, должен быть убит. Если Герман узнает, что я спрятал эти предметы в храме, он потребует моей головы. Но довольно. Я сам должен думать, что нужно сделать.

Из слов Зигфрида я понял, что все сохранившиеся приборы спрятаны им в храме, и решил воспользоваться его благодушным настроением, чтобы попросить его показать мне эту святыню арийцев.

Зигфрид сначала заколебался, но потом сказал:

— Хорошо, мы туда пойдем завтра, но ты будешь идти за мной в качестве раба и будешь нести ношу.

Я с нетерпением ждал наступления утра, так как связывал с посещением храма кое-какие расчеты. Проснувшись, я напомнил Зигфриду об его обещании. Он ничего не ответил, однако, через час, приказав взять с собой несколько толстых сухих веток, велел следовать за ним. Дорога была

знакомая. Неприятно лишь было то, что приходилось идти через «долину смерти». Жутко было смотреть на столбы, где висели трупы и скелеты.

Я заметил, что на двух столбах висели новые тела: одно из них, по-видимому, принадлежало рабу, другое подростку. Указав на столбы, я спросил Зигфрида, почему казнили этих людей.

Тот ответил:

— Испытуемый ударил палкой одного из будущих вождей, раб же дважды украл мясо, принадлежавшее его хозяину.

У меня сразу испортилось настроение и ослабел интерес к храму; я вспомнил, что на этом острове жизнь состоит из непрерывных преступлений, истязаний и жестокостей. Раздумывая на эту тему, я плелся за Зигфридом.

Мы подошли к скале, и к нам навстречу поспешил младший вождь, охранявший храм. Он приветствовал Зигфрида поднятым мечом, тот протянув руку и трижды произнес «хайль». После того, как эта церемония была закончена, Зигфрид сказал:

— Я пришел в храм, дабы бросить несколько веток на алтарь наших великих арийских богов. Я привел с собой своего раба.

Двери открылись, и Зигфрид, подождав меня жестом, величественно направился в храм, я же смиренно следовал за ним, таща на плечах свою ношу. Вначале я почти ничего не мог разобрать, так как в храме было совершенно темно. Зигфрид, однако, вскоре зажег факел и осветил внутренность большой пещеры, высеченной в скале. Она представляла собой подобие призмы, расстояние от центра которой до грани составляло около пятнадцати шагов. Напротив входа у стены я увидел нечто вроде очага, в котором горел огонь. К очагу или, правильно, алтарю, вело несколько ступенек.

Над алтарем на невысоком пьедестале возвышалась грубо высеченная из камня статуя. Она изображала человека, одетого в кольчугу и державшего в руках обоюдоострый меч. Лицо этого божества поражало своей бессмысленной

жестокостью, а также длиной опущенных вниз усов; голова завершалась чем-то вроде шлема с двумя крыльями по бокам. Подойдя ближе и подняв факел, я увидел надпись, выбитую в камне. С большим трудом я ее разобрал.

Надпись гласила: «Хайль, бог арийцев Вотан, хайль». Под ней я заметил еще одну строку, в которой было сказано: «Ты требуешь крови, ты ее получишь».

Рассмотрев статую, я заметил с обеих сторон пьедестала два изображения, смысл которых сначала не понял, но в дальнейшем я уяснил себе, что они являлись символами фаллического культа. Одновременно я вспомнил, что такой же характер носили некоторые из знаков свастики. Придя к этому выводу, я с удовольствием констатировал, что хорошо ориентируюсь в истории примитивных культур.

В этот момент Зигфрид стал на колени, взял у меня несколько веток и поднялся по ступенькам, ведущим к алтарю. Затем он бросил сучья в огонь, который вспыхнул ярче и осветил внутренность пещеры; при этом старик пробормотал несколько слов, которых я не разобрал. Закончив этот ритуал, он дал мне в руки факел и сказал:

— Ну, смотри.

Я в течение получаса осматривал предметы, находившиеся в храме, и, признаться, был чрезвычайно изумлен виденным. В первую очередь мне бросился в глаза большой якорь, покрытый ржавчиной и толстым слоем пыли. Освободив часть якоря от осевшей на него пыли, я с трудом прочел обрывок слова «.....ланд».

Недалеко от якоря были расставлены предметы, которые я сперва не узнал, но потом вспомнил, что они назывались пулеметами и широко применялись в эпоху войн и революций. Далее, я, к своему удивлению, увидел несколько пробитых и смятых предметов, в которых я узнал ночную посуду. На стене было прибито более двух десятков винтовок и револьверов, подобные которым я видел в музее в Берлине. Все эти предметы с трудом можно было узнать, так как они очень заржавели.

Случайно я заметил на земле несколько небольших предметов яйцевидной формы. Я настолько основательно изучил

все, что уцелело от великой, но суровой эпохи, что сразу узнал в них ручные гранаты. Совершенно машинально я поднял одну из них и незаметно спрятал в карман.

Мое внимание было привлечено к нише, выбитой в стене. В ней было несколько книг, но как только я к ним приоткрылся, они рассыпались, и я с трудом прочел лишь несколько букв, сохранившихся на одном из переплетов: «Миф...» Я был очень разочарован, так как рассчитывал найти в этих книгах разъяснение многих загадок.

Вскоре, однако, я заметил в соседней нише несколько десятков твердых глиняных табличек, на которых, по-видимому, стилетом было что-то написано. Я с жадностью схватил одну из них, лежавшую с краю, поднес факел и попытался ее расшифровать. В этот момент ко мне подошел Зигфрид и с нескрываемым раздражением спросил, долго ли я еще буду возиться. Дрожащим голосом я сказал ему, что хотел прочесть написанное на табличке.

— Разве ты можешь заставить говорить эти таблички? — с недоверием спросил старик.

Я ответил утвердительно.

— Ну, попробуй. Последний вождь вождей, который умел слушать эти дощечки, ушел в Валгаллу еще задолго до того, как я увидел солнце.

Я стал на колени, опустил глиняную дощечку и, держа в руке факел, с волнением начал разбирать готические буквы:

«Я, вождь вождей великого арийского племени Эрих, пишу на священной дощечке то, что слышал от ушедших в Валгаллу вождей, и то, что видел собственными глазами в течение своей долгой жизни. Прошло уже тридцать лет с того дня, как задрожала земля и рухнули стены великого храма, из-под развалин которого нам удалось спасти некоторые памятники. Я, вождь вождей Эрих, перед уходом в Валгаллу пишу для будущих поколений арийского племени: наша раса более века назад владела великой страной, имени которой я не могу назвать, так как боги предали ее вечному проклятию и наши великие вожди запретили вспоминать ее имя. Арийские вожди, правившие этой стра-

ной, хотели завоевать весь мир, уничтожить низшие расы и выполнить волю бессмертных богов. Эти великие надежды не были осуществлены: благодаря бесхарактерности и предательству многих, арийская раса была раздавлена миллионами рабов нечистой смешанной крови. Тогда шесть великих вождей, во главе со своими повелителями, отобрали восемьсот светловолосых и длинноголовых арийских юношей и девушек, посадили их на большой корабль и, положившись на волю богов, отправились в долгое странствие. Сорок дней и сорок ночей их корабль плывал по морю, пока рука великого вождя не остановила корабль у берега острова, сохраненного для нашего племени Вотаном и Одином. Этот остров носит название Арии и должен быть на вечные времена пристанищем для нашего племени.

Наши вожди оставили нам вечные законы крови и расы, которые мы должны выполнять и которым всякое живое существо обязано повиноваться.

Первый закон говорит: берегите чистоту расы и делайте бесплодным всякого человека смешанной крови.

Второй закон гласит: да будет казнен всякий, кто попытается покинуть великий остров Арию или хотя бы построить лодку.

Третий закон требует смерти всякому, кто придумает новый предмет, которого не знали наши арийские предки.

Четвертый закон гласит, что племенем арийцев должны править вожди.

Пятый закон требует слепого повиновения приказаниям вождей.

Увы, через десять лет часть ведомых возымела дерзость начать борьбу с арийскими вождями. Эти ослепленные безумные люди говорили, что вожди, приведшие арийцев на великий остров, принадлежат к низшей расе, что явствует из их смутного цвета кожи, темных волос и неарийских черт лица.

Эти одержимые бесом требовали обеспокоения всех вождей.

Арийские вожди вместе с преданными им сторонниками заперлись в своих укрепленных жилищах, и началась кро-

вавая борьба. Однако, в самую тяжелую минуту вышел престарелый хранитель чистоты расы Ахим и сказал: «Братья, прекратите братоубийственную борьбу. Моими устами говорит голос крови». Все уцелевшие арийцы собрались на площади великого судилища, Ахим протянул руку и, приветствовав вождей криком «хайль», изрек: «Слушайте, братья, голос расы говорит мне, что кроме северной арийской расы, к которой принадлежите вы, простые арийцы, существует еще избранная богами динарская раса. Дух нашего народа дал ей все внешние признаки, совпадающее с таковыми низших рас, в особенности семитов. Это было сделано для того, чтобы спасти их от покушений и сделать незаметными для врагов. Однако, за этой внешностью скрывается великая раса господ; под смуглой кожей течет чистая арийская кровь; под круглым черепом, покрытым темными волосами, скрывается мозг властителей. Помните это и повинуйтесь».

После речи Ахима, большинство арийцев закричало «хайль», и наступил мир. Великим вождям было чуждо чувство мести, они поэтому лишь отрубили головы десяти зачинщикам мятежа и сделали двенадцать других бесплодными. Потом был объявлен новый закон, по которому потомки вождей не должны были подвергаться обеспложению, как бы они ни выглядели. Вожди управляли арийским племенем, жившим в простоте и сохранявшим воинские доблести. Прошло, однако, несколько десятилетий, и динарская раса вождей начала так быстро размножаться, что возникло новое недовольство. Тогда внук Ахима — Рейнальд — объявил новый закон, говоривший, что число арийских вождей никогда не должно превышать двадцати человек. Тогда же впервые появились младшие вожди, которых также не должно быть больше двадцати пяти человек. Все же остальные должны подвергаться обеспложению.

Вскоре наступил великий голод. Привезенные с собою запасы давно окончились, чистокровные же арийцы не желали работать, так как работа является делом низших рас; ариец должен знать лишь два занятия: войну и размножение. Голод продолжался недолго, так как сначала на ра-

боту были посажены женщины, а потом нашему племени помогли великие боги: среди потомства чистокровных арийцев все чаще стали появляться круглоголовые и темноволосые, не принадлежавшие к динарской расе господ. Руководствуясь законом крови, вожди делали этих метисов бесплодными, а потом заставляли их работать. С тех пор на нашем острове установился твердый порядок, и каждый знает свое место».

На этом дощечка заканчивалась. Я пытался найти продолжение, но не успел, так как Зигфрид торопил меня.

Воспользовавшись тем, что он отвернулся, я схватил первую попавшуюся табличку и спрятал ее под одежду, после чего мы покинули храм.

Ночью, вспоминая виденное и прочитанное, я, наконец, почувствовал, что знаю почти все, относящееся к острову Арии и его населению. Все мои недоумения рассеялись, и я отчетливо представил себе историю этого единственного в мире карликового государства.

Подобно тому, как на бульоне разводятся чистые культуры бактерий, так по капризу истории на заброшенном острове, вдали от цивилизованного мира, были претворены в жизнь и доведены до логического завершения дикие расовые теории.

Здесь с предельной последовательностью осуществлялся искусственный отбор, продуктом которого является каста жадных и жестоких вождей, несколько десятков потерявших человеческий облик производителей и, наконец, несколько сот кастрированных рабов. В течение ряда поколений изменилась форма черепа и цвет волос у потомков людей, считавших себя чистокровными арийцами. При помощи систематического отбора удалось лишь создать новый тип человекоподобных существ, которыми являлись самцы и самки. Таким образом, биологическая и антропологическая загадка острова Арии была мною разрешена.

Утром я поспешил уйти из пещеры и скрыться за ближайшей скалой для того, чтобы прочесть унесенную мною глиняную табличку. Она несколько стерлась и лишь с большим трудом поддавалась расшифровке. Видно было, что ее

писал человек, плохо владевший искусством письма, и я с большим напряжением разобрал кривые разбегающиеся строки. В них говорилось:

«Мои глаза видели семьдесят урожаев. Великий арийский бог Вотан дал мне долгую жизнь, я своей рукой отрубил головы восьми врагам и вот уже тридцать урожаев держу в руках великий золотой знак свастики. Я, вождь вождей арийцев, Адольвин, дал своему племени новый закон, который гласит, что только тот, кого я назначу своим наследником, должен уметь писать; всякий же остальной, кто заставит заговорить песок, кору деревьев или камни, избрав на них хотя бы одну букву, будет беспощадно наказан: ему будет отрублена правая рука, и он будет обеспокоен. Мой наследник, в свою очередь, научит писать своего преемника, и так будет продолжаться вечно во славу великих арийских богов.

Я, вождь вождей Адольвин, указал нашему племени священную скалу, с которой голос крови велит сбрасывать самцов и самок, непригодных для дела очищения расы, а также бесплодных рабов, не могущих работать. Ни один вождь, однако, не может быть сброшен со скалы и должен умереть своей смертью. Имя мое останется сохраненным для будущих времен, Хайль!»

Прочитанное вызвало у меня ряд новых мыслей. В первую очередь я понял, почему даже среди вождей не было ни одного, владевшего искусством письма. Очевидно, один из преемников Адольвина, умевший писать, был убит другими вождями до того, как успел научить этому искусству своего наследника; закон же, запрещавший «заставлять говорить песок, камни и кору деревьев», оставался в силе. Далее, я только теперь сообразил, что значит эта sacramентальная формула в отношении песка, коры и камней. Повидимому, дощечка, которую я прочитал только что, была составлена лет сто-сто пятьдесят тому назад.

Меня удивило, что я до сих пор ничего не слышал о скале, с которой сбрасывают всех старых и больных, исключая вождей. Я решил попытаться выяснить, где находится эта прословутая скала. Кстати, я вспомнил, что прообраз

этой скалы существовал у античных народов. Убедившись, что я извлек из таблички все, что можно было разобрать, я бросил ее в трещину в скале.

В течение нескольких дней мои мысли были поглощены историей острова Арии, и я благодаря этому несколько отвлекся от угнетавших меня мыслей. Как-то раз, вернувшись после экспедиции, в которой, кроме меня, участвовал Кор, я натолкнулся у входа в нашу пещеру на Зигфрида. К моему величайшему удивлению, он приветствовал меня поднятием руки и восклицанием «хайль».

Я был настолько поражен, что не знал, что ответить. Тогда старик, ударив меня по плечу, сказал:

— Помнишь, я тебе недавно говорил, что ты мне не раб, а друг. Теперь я тебе скажу, что ты мне не друг, а брат. Сейчас мы обменяемся кровью.

Не успел я опомниться, как Зигфрид поцарапал себе свастикой руку выше локтя, а затем тем же концом оцарапал мою руку; потом он приложил палец к выступившей у него на руке капле крови, затем тронул пальцем мою царапину.

Откровенно говоря, эта трогательная процедура привела меня в большое смущение, так как я давно уже заметил, что у очень многих арийцев были язвы и прыщи; у некоторых же из них были провалившиеся носы. Я подумал, что обмен кровью может мне дорого обойтись. У нас подобные болезни совершенно исчезли, но я знал, что в прежнюю эпоху они часто являлись причиной вырождения.

Зигфрид заметил мое замешательство, и лицо его приняло обычное злобное выражение. Я поспешил поблагодарить его, но потом, при первой возможности, я прижег свою царапину раскаленным камнем очага.

Когда наша беседа возобновилась, я спросил Зигфрида, где находится священная скала. Он бросил на меня подозрительный взгляд и спросил, кто мне о ней сказал. Я ответил, что заставил заговорить камни, бывшие в храме. Зигфрид испуганно оглянулся и зашипел:

— Замолчи! Ты, кажется, стал Альфредом.

Я сначала не понял, в чем дело, но потом вспомнил, что на острове «Альфредами» называют безумных. Мое заявле-

ние действительно было неосторожным, и я мог за него поплатиться, если бы нас кто-нибудь услышал. Убедившись, что вблизи нас никого не было, Зигфрид сказал мне:

— Священной скалы ты не увидишь, так как кто на нее взойдет, тот больше не возвращается. Только арийские вожди, да и то не все, могут это безнаказанно сделать.

— Расскажи мне об этой скале, — попросил я.

— Тут нечего и рассказывать. Когда младшие вожди замечают, что самка уже два года не рожала, или что самец перестал быть производителем, они передают их брату Герману, тот отводит их на скалу, а потом сбрасывает вниз в море. Чтобы они случайно не выплыли, им связывают руки и ноги.

— С большими и старыми рабами вы поступаете так же? — спросил я.

— Нет, не всегда. Обычно мы бесплодных рабов со скалы не сбрасываем, это делалось раньше. Теперь же, если кто-либо из них больше не может работать, его отдают псам Валькирий: те ведь другого мяса, кроме человеческого, не едят.

Я вздрогнул от этих слов и вспомнил Рудольфа, тащившего свору этих страшных животных, так подходящих к этому отвратительному острову. Пересилив себя, я спросил, сколько тут псов всего?

— Теперь их осталось только десять; прежде было двадцать пять, но недавно пятнадцать издохло, так как среди них появилась какая-то болезнь: они перестали пить воду, из пасти у них текла пена, и они кусали друг друга, а потом издыхали. Тот вождь, который до Рудольфа был «другом псов», тоже сделался Альфредом, он искусал двух вождей, сам же потом бросился со скалы. Так как эти двое вождей начали кусаться, то мы их сбросили в море. Все это произошло потому, что Валькирии были нами недовольны. Мы по глупости давно не давали им испытуемых, мясо же бесплодных рабов, как ты понимаешь, невкусно и плохо пахнет. Мы тогда бросили псам Валькирий двух испытуемых, и, действительно, Валькирии успокоились, а псы перестали болеть.

— Скажи, брат Зигфрид, — спросил я, — а тебе не бывает жаль людей?

Зигфрид сначала не понял моего вопроса, но потом захохотал и сказал мне:

— Чужеземец, мне бывает жаль только одного человека.

— Кого?

— Себя. Мне поэтому очень не хочется отправиться в Валгаллу, и лучше будет, если я пошлю туда Германа и его людей, а сам за них буду молиться на нашем острове.

— А ты веришь в Валгаллу? — спросил я.

Зигфрид сморщился:

— Я думаю, что мне выгоднее верить в Валгаллу; если она есть, то все арийские вожди, а следовательно и я, там будем; а если нет, тогда никто не будет, и я ничего на этом деле не потеряю. В случае же, если я не буду верить, а она все-таки существует, то я могу остаться ни с чем.

— А скажи мне, брат Зигфрид, был ли ты когда-нибудь к кому-нибудь привязан?

Старик явно не понял меня.

— Ну, хотя бы к тем женщинам, которых ты брал в пещеру?

— Я не помню ни одной из них.

— А к детям, которые от них рождались?

— Ты говоришь об испытуемых, так я их всех терпеть не могу.

— Почему?

— Из них выходят младшие вожди, а те потом часто убивают старых вождей.

Все мои попытки найти в этом человеке хотя бы намек на любовь, сострадание, сочувствие оказались тщетными.

Кончился наш разговор тем, что Зигфрид в свою очередь обратился ко мне:

— Все ли твои братья задают такие глупые вопросы? Вы, видно, действительно грязные метисы.

Вслед за этим Зигфрид вытащил из своей кладовой кусок копченого мяса и несколько лепешек, дал часть мне и даже предложил выпить из тыквы несколько глотков его любимого напитка. Я из вежливости проглотил эту жидкость, но

почувствовал приближение рвоты. Старик, видя выражение отвращения на моем лице, вырвал тыкву и плюнул мне на ногу. Такой плевок означает выражение презрения. У арийцев существовало еще одно выражение высшего презрения, но я не решалось описывать этот весьма неэстетический способ.

Вскоре наступил вечер. Я вышел из пещеры и сел на камень. Возшедшая луна освещала мрачные скалы, отбрасывая густую тень, скрывавшую меня от постороннего взгляда. Я неожиданно почувствовал невыносимую тоску. Я подумал о своем безвыходном положении, о своем бессилии, об окружающих меня человекоподобных существах, из которых в течение столетии изгонялось все хорошее и в которых воспитывались самые дурные инстинкты. Последовательно проводимые в жизнь расовые теории и расовый отбор, дополненные систематическим кровосмешением, привели, по-видимому, к вырождению населения острова.

Как я позже убедился, эти мои выводы были несколько поспешными и не вполне точными. Действительными выродками в основном были лишь производители. Среди вождей очень часто встречались сильные личности, объединявшие в себе, однако, все пороки, жестокость и предельный эгоизм. Не подлежало сомнению, что и среди испытуемых должны быть сильные характеры, и только отвратительная операция кастрации, продельваемая над ними, превращала их в психических и физических калек.

В тот момент, однако, сидя на камне, я чувствовал себя совершенно одиноким и заброшенным. Моя жизнь целиком находилась в руках у жестокого и злобного Зигфрида, который щадил меня только в силу каких-то личных соображений, мне все еще непонятных.

Ежечасно могла произойти катастрофа, грозившая мне гибелью либо под топором, либо в зубах кровожадных псов. Гибель в борьбе с силами природы, во имя блага человечества, является, конечно, славной смертью, которая не может смутить члена мировой коммуны, но погибнуть на этом мрачном острове без пользы для кого-либо — эта перспектива казалась мне ужасной.

Мои грустные размышления были прерваны появлением Зигфрида. Он медленно спускался по тропинке и, видимо не заметив меня, сидевшего в тени, прошел в пещеру. Затем он вернулся и вполголоса сказал:

— Куда девалась эта чужеземная, собака?

Я поднялся со своего камня и окликнул старика.

Он подошел и сел со мной рядом.

— Ты все скучаешь? — спросил он.

Я молча кивнул головой.

— Ты хочешь, я сделаю так, что вожди разрешат тебе взять в пещеру женщину из испытуемых?

Я поспешил заверить Зигфрида в том, что предлагаемый им метод борьбы с моим плохим настроением не является эффективным. Воспользовавшись его благодушным настроением, я перевел разговор на тему о приборах, найденных Зигфридом после падения стратоплана.

Старик, однако, всячески уклонялся от ответа на вопрос, в какой части храма они спрятаны. Сначала он притворялся, что не понимает, о чем я говорю, а потом стал ссылаться на свою слабую память. При этом он все время посматривал на меня с плохо скрываемой подозрительностью.

Неожиданно Зигфрид переменял тон и перешел на шепот:

— Слушай, чужеземец, — сказал он, — не можешь ли ты сделать так, чтобы вожди решили, что я сильнее всех и что мне помогает бог Вотан? Ведь вы, чужеземцы, вероятно, умеете придумывать такие вещи. Ты мне сам рассказывал, что в твоих жилах течет смешанная кровь, подобная песку на берегу моря. Попробуй там отобрать песчинки разного цвета. Я знаю, что метисы всегда бывают хитрыми.

Это обращение Зигфрида пробудило во мне некоторые надежды. Я решил, что если сумею оказать услугу, то смогу добиться от него разрешения хотя бы коснуться радиостата. Я ответил старику, что подумаю.

— Только думай скорее, а то тебе отрубят голову, и тогда нечем будет тебе думать, — пробормотал Зигфрид.

После этого разговора прошел ряд недель, казавшихся мне бесконечными. Начался период дождей. Я несколько

раз промокал до мозга костей и, наконец, заболел. Много дней я бредил и лежал без сознания. В те минуты, когда я был способен что-либо соображать, я с ужасом думал о том, что в любой момент меня могут отдать на растерзание псам или бросить в море. Иногда, когда я раскрывал глаза, я видел перед собой Зигфрида, с любопытством наблюдавшего за мной. Я совершенно потерял счет дням и не знал, сколько времени продолжалась моя болезнь.

Не подлежит сомнению, что я болел тропической малярией в очень тяжелой форме и остался жив только благодаря той последовательной тренировке и закалке, которую я получил в детстве и в зрелом возрасте.

Наконец, наступил день, когда я проснулся со свежей головой и чувством сильного голода. Я настолько ослабел, что почти не мог говорить и шепотом дал понять Кору, сидевшему в углу, что я хочу есть. Он поспешно вскочил и убежал.

Через несколько минут показался Зигфрид. Он, видимо, был обрадован моим выздоровлением и любезно сказал:

— А я уже думал, что ты подохнешь.

Увидев, что я голоден, он велел Кору дать мне выдолбленную тыкву, наполненную козьим молоком, и печеное черепашье яйцо. Я, несмотря на голод, выпил лишь несколько глотков молока. Вскоре я почувствовал усталость и заснул.

На другой день Зигфрид, когда я проснулся, с чувством злорадства сказал мне:

— Какой ты, чужеземец, стал старый!

Я попробовал найти какой-нибудь блестящий предмет, способный заменить зеркало, но такого не оказалось.

В течение нескольких недель я медленно оправлялся после перенесенной болезни. Зигфрид как-то сообщил мне, что среди вождей есть два знахаря, которые умеют лечить все болезни, но он не позвал ко мне ни одного из них, так как оба знахаря поддерживают Германа.

— Если бы я к тебе подпустил их, — сказал Зигфрид, — они бы вселили в тебя беса или просто подсыпали какого-либо дьявольского зелья...

Я в душе был благодарен Зигфриду за то, что он оставил меня без этой сомнительной медицинской помощи.

Оправившись и окрепнув, я решил посетить гору испытуемых, по которой соскучился. Этот холм представлял собой единственное место на острове, где относительно легко дышалось. Мне к тому же хотелось переброситься несколькими словами с Угольфом, которого я очень давно не видел. Когда я подымался по крутой тропинке, ведущей к вершине холма, неожиданно почувствовал сильное головокружение и слабость, так что вынужден был на несколько минут присесть. Отдохнув и собрав силы, я продолжал свой путь.

В то время, когда я сидел на камне, мне пришла в голову мысль, меня ошеломившая: жив ли еще Угольф и не расправились ли с ним младшие вожди, наблюдавшие за испытуемыми. Если с Угольфом что-либо случилось, это будет означать, что я потерял единственное существо на острове, к которому питал искреннюю симпатию.

Подгоняемый нетерпением и тревогою, я забыл о своей слабости; минут через двадцать я приблизился к вершине холма и услышал обычный крик и шум. На этот раз многие испытуемые меня узнали, но никто не решился со мной заговорить. Я не показывал вида, что ищу кого-либо, и безучастно бродил по тропинкам, наблюдая окружающую меня жизнь.

В тени большого дерева я увидел группу подростков тринадцатн-четырнадцати лет. Один из них, видимо, принадлежавший к группе кандидатов в вожди, важно восседал на камне. Перед ним на коленях стояли двое ребят и с явным страхом смотрели на него.

— Эй, вы, грязные метисы, — закричал будущий вождь, — несите меня.

Ребята, стоявшие на коленях, вскочили и куда-то убежали. Через несколько секунд они вернулись с носилками, сделанными из двух палок, перетянутых лианами. Подросток, сидевший на камне, величественно встал, лег на носилки, и будущие рабы понесли будущего вождя. Из кустов показался Угольф. Его темные волосы были всклоко-

кочены, на щеке его я заметил глубокий шрам, которого прежде не было. Угольф мрачно посмотрел на лежавшего на носилках подростка и, видимо, собирался ему что-то сказать, но, увидев меня, сдержался. Я пристально посмотрел на него и, повернувшись, пошел по тропинке, ведущей к противоположному склону холма.

Через несколько минут я оглянулся, чтобы проверить, идет ли за мной Угольф; к моему величайшему разочарованию, я его не увидел. Сначала я решил было возвратиться той же дорогой, по которой пришел, ко потом передумал и предпочел спуститься с холма по неизвестной мне стороне. Вскоре тропинка свернула в сторону, и я оказался в скалистой местности, по которой протекало большое количество ручьев. Это оказалось весьма кстати, так как я испытывал чувство жажды, мучившее меня почти непрерывно после болезни. Я напился из одного из ручьев и, прежде чем продолжать путь, осмотрелся вокруг. В нескольких шагах от меня за высокой скалой я заметил Угольфа, который подозвал меня к себе рукой.

Как только я к нему приблизился, он схватил меня за рукав и, не говоря ни слова, потянул за собой. Мы приблизились к небольшой пещере, в которую проникли через очень узкий вход в скале. Я успел заметить, что эта скала стояла на самом краю очень высокого отвесного обрыва. Когда мы очутились в пещере, Угольф резким движением схватил меня за руку и сказал:

— Я рад, что ты жив, чужеземец. Младшие вожди говорили нам, что ты умер. Они, как всегда, лгали. Однако, берегись, — они тебя убьют.

— Я им ничего плохого не сделал. — возразил я.

— Все равно, они хотят тебя убить, так как все испытываемые, кроме будущих вождей и самцов, говорят только о тебе.

— Слушай, Угольф, — прервал я его, — мы здесь не можем долго оставаться, поэтому не будем терять времени. Как ты думаешь, найдется ли среди вас несколько десятков испытываемых, которые бы не испугались вождей?

— Если ты, чужеземец, скажешь, что надо делать, то за тобой пойдут почти все. Мы ведь не знаем, что нужно нам делать. Несколько урожаев тому назад один испытуемый убил камнем младшего вождя и хотел, чтобы другие помогли ему, но испытуемые, которым, правда, было очень жаль Эриха, боялись вождей и попрятались. Тогда младшие вожди схватили Эриха и отрубили ему голову. Если же ты теперь скажешь нам, что нужно делать, мы не будем бояться.

— Хорошо, Угольф, скажи нескольким своим друзьям, что ты говорил со мной, и пусть каждый из них поговорит с четырьмя-пятью другими испытуемыми, но не называя меня.

— Я понимаю, — сказал Угольф, — и знаю, с кем нужно говорить.

После этого мы выбрались из пещеры и условились еще раз встретиться.

Мне, однако, не удалось так скоро вновь посетить гору испытуемых. Дело в том, что Зигфрид сказал мне, что группа вождей вновь требует моей головы. В течение последнего времени, оказывается, погибло много коз, вожди объясняют это бедствие гневом богов, требующих моей крови.

На мой вопрос, как обстоит дело с вождем вождей, Зигфрид ответил, что он все еще жив, но что Герман и его люди, посетив пещеру повелителя, убедились в близости его конца. Теперь они готовят заговор против Зигфрида, и поэтому нужно быть очень осторожным. Действительно, я заметил, что мой покровитель никогда не выходит из пещеры один, а его всегда сопровождают двое младших вождей, вооруженных мечами.

При следующем разговоре я спросил Зигфрида, какое соотношение сил существует между его «движением» и «движением» Германа. Зигфрид после короткого раздумья ответил, что за Германом идут восемь арийских вождей и десять младших, его же поддерживают семь арийских вождей и шесть младших. Остальные выжидают, к кому присоединиться.

Через несколько дней после этой беседы я решил подняться на гору испытуемых, причем на всякий случай

сказал Зигфриду, что хочу найти себе подходящую палку. На этот раз я долго бродил по тропинкам, пока заметил Угольфа. Он сделал вид, что меня не заметил, но я понял, что он помнит о нашей договоренности. Сломав подходящую ветку, я очистил ее от коры и продолжал свой путь.

Скоро я увидел пещеру, в которой мы прошлый раз беседовали с Угольфом. Осмотревшись и убедившись, что за нами никто не следит, я проскользнул в нее. Через несколько минут, запыхавшись и задыхаясь от быстрого бега, в пещеру пробрался Угольф.

— Слушай, чужеземец, — сказал он, — я говорил с шестью испытуемыми, они сделают все, что ты им скажешь. Ты можешь им доверять. Если надо будет, они приведут еще не менее шестидесяти испытуемых, видевших четырнадцать-пятнадцать и шестнадцать урожаев.

В этот момент мы услышали у входа в пещеру шорох и немедленно замолчали. Шорох, однако, повторился. Мне показалось, что я слышал чьи-то осторожные шаги. Угольф решил проверить, в чем дело, и выполз из пещеры. Через несколько секунд я услышал чей-то резкий начальственный голос:

— Так, значит, ты прячешься в пещере с чужеземцем, грязная собака!

Я понял, что необходимо действовать, так как проследивший нас младший вождь несомненно сообщит о нашей встрече арийским вождям, и тогда мы оба бесповоротно погибли. Я почувствовал в себе твердую решимость идти до конца. У меня не было времени раздумывать, я вылез из пещеры и увидел у самой скалы младшего вождя, державшего в руках плеть. Он с злорадством и торжеством посмотрел на Угольфа, потом на меня, поднял плеть и изо всей силы ударил Угольфа.

Я понял, что нельзя терять ни одной минуты: младший вождь стоит на самом краю обрыва и, видимо, не ожидает с нашей стороны сопротивления. Я притворился испуганным и с поднятыми руками подошел к нему, сказав:

— Прости нас, мы не сделали ничего плохого.

Младший вождь с торжеством посмотрел на меня и поднял плеть. Сделав вид, что я еще более напуган видом поднятой плети, я пригнулся и через секунду, сделав неожиданный прыжок, нанес младшему вождю ошеломляющий двойной удар: в колено ногой и в голову кулаком. Совершенно оглушенный неожиданным нападением, младший вождь не удержался на ногах и полетел с обрыва вниз головой.

Я не испытывал ни малейшего сожаления, — наоборот, я чувствовал торжество: я спас себя и Угольфа и освободил остров от одного из правивших им негодяев. Одновременно с этим я понял, что моя спортивная тренировка сослужила мне большую службу. Взглянув на Угольфа, я увидел, что он смотрит на меня широко раскрытыми глазами, в которых я прочел целую гамму переживаний: ужас, восторг, изумление, преданность.

Угольф схватил меня за руку и сказал:

— Он был злее всех и всегда бил нас плетью.

На всякий случай я все же спросил Угольфа, как он считает: не мог ли сброшенный с обрыва младший вождь уцелеть?

Угольф улыбнулся и ответил:

— Не только человек, но и коза, упав отсюда, разбилась бы вдребезги.

Я понимал, что нам необходимо как можно скорее расстаться. Простившись с Угольфом, я быстрым шагом спустился с горы испытуемых, направляясь к нашей пещере.

На другой день Зигфрид с довольной гримасой сказал мне:

— Радуйся, чужеземец, одни из наших врагов вчера сорвался и упал в пропасть. Две бесплодные рабыни, работавшие внизу на поле, увидели, как младший вождь Энгельберт, стоявший у обрыва на горе испытуемых, вдруг взмахнул руками и полетел вниз. Не иначе, как его ужалила змея, либо он сделался Альфредом.

— Хорошо.

И старик, потирая руки, посмотрел на меня, ища сочувствия. У него при этом по бороде стекала струйка слюны. Я сделал вид, что отношусь равнодушно к этому сообщению,

однако почувствовал, что у меня гора свалилась с плеч. В то же время я понял, в какой опасности я бы находился, если бы женщины, видевшие, как полетел с обрыва этот проклятый Энгельберт, заметили меня. В этом случае я и Угольф могли бы считать себя погибшими. Несомненно, что моя болезнь и последующая слабость также должны были укрепить мое алиби. Все это, вместе взятое, меня совершенно успокоило.

Я, однако, сильно ошибался, полагая, что гибель Энгельберта не будет иметь для меня никаких последствий. Вечером того же дня раздался пронзительный звук рога, и Зигфрид, уже лежавший на своей шкуре, вскочил и в сопровождении обоих младших вождей, его охранявших, куда-то поспешил. Я, откровенно говоря, не думал, что эта тревога могла иметь какое-либо отношение ко мне, и объяснял ее исключительно борьбой, шедшей среди вождей.

Зигфрид вернулся очень поздно и выглядел крайне расстроенным.

— Слушай, чужеземец, — сказал он, разбудив меня, — Герман и Иозеф говорят, что ты был вчера на горе испытанных и что ты навел безумие на Энгельберта. Они дальше говорят, что у тебя дурной глаз и что ты поэтому можешь перепортить много народу. Они хотят тебя казнить или обезплодить, так как у бесплодных рабов никогда не бывает дурного глаза. Завтра жрец Вотана установит — дурной ли у тебя глаз или хороший. Это все, чего я мог добиться.

Я почувствовал, что теряю самообладание. Зигфрид прочел у меня на лице волнение и, видимо, был очень доволен. Насладившись моим беспокойством, он, наконец, сказал:

— Успокойся, чужеземец, жрец Вотана — мой друг и участвует в моем «движении». Этого, правда, никто не знает. Он, конечно, скажет, что у тебя хороший глаз. Ты только смотри: не делай глупостей. Откровенно говоря, я думаю, что Энгельберт свернул себе шею не без твоей помощи.

Зигфрид похлопал меня по плечу, лег и вскоре захрапел.

Как и следовало ожидать, я не мог заснуть и беспрерывно ворочался на своей подстилке, так как чувствовал, что,

несмотря на все заверения Зигфрида, мне угрожает непосредственная опасность. Кроме того, я полагал, что предстоящая завтра процедура будет носить унижительный для меня характер. Мне очень не улыбалась перспектива вновь предстать в качестве подсудимого на великом судилище.

Весь следующий день я провел в тревоге. Часа за два до заката солнца перед пещерой появились двое младших вождей, заставили меня стать между ними, обнажили мечи и тронулись в путь. На площади великого судилища уже сидели арийские вожди, только трон вождя стоял пустым. Зигфргид, однако, стоял у трона, опираясь на него рукой. Вскоре раздался звук рога, все прокричали «хайль», протянули руки, и воцарилось молчание.

Зигфрид начал:

— Братья-вожди, пред вами стоит чужеземец, упавший с неба, которого мы недавно судили. Говорят, что у него дурной глаз, наведший безумие на нашего дорогого Энгельберта, отправившегося в Валгаллу, где ему приготовлено почетное место. Закон говорит, что всякий, у кого дурной глаз, должен быть казнен или обеспожен. Мы обязаны выполнить закон, но для этого следует проверить, действительно ли дурной глаз у чужеземца. Что скажешь ты, друг великого Вотана?

«Другом Вотана» оказался небольшого роста старик с редкой бороденкой и почти лысым черепом. Он все же носил металлическое кольцо, которое за отсутствием волос часто спадало ему на переносицу, и он вынужден был постоянно его поправлять. У него были желтые костлявые руки с невероятно длинными когтями, к тому же неописуемо грязными. Рядом с ним стоял небольшой мешок, на котором был изображен знак свастики. Гнусавым пронзительным голосом «друг Вотана» завопил:

— Братья-вожди, закон требует двух испытаний, да будет исполнена воля богов. Затем он вынул из мешка черную птицу, в которой я узнал ворона, и сказал:

— Если священный ворон сядет на плечо чужеземца, это будет значить, что у него дурной глаз, так как черное идет к черному.

Старик подбросил ворона вверх, тот сделал небольшой круг и вернулся к старику, который с таинственным лицом сказал:

— Приступим ко второму испытанию.

При этом «друг Вотана» вытащил из мешка небольшую корзину, из которой выползла змея темно-желтого цвета, со странным узором на спине, напоминавшим местами знак свастики.

— Если священная змея, благословенная богом Одином, подползет к ногам чужеземца и вокруг них обовьется, — значит, у него дурной глаз.

Отвратительная змея сначала свернулась кольцами, потом поползла по направлению к моим ногам, затем, однако, вернулась и поползла обратно в корзину.

Старик поднял руки и завопил:

— Испытания, которых требует закон, говорят, что у чужеземца хороший глаз.

После этого старик опустил ворону и корзину со змеей в мешок и, видимо, готовился уйти со сцены. Не успел он, однако, договорить своих слов, как поднялся неописуемый шум и рев. Особенно отличился Герман, который закричал:

— Старый мошенник, твои ворона и змея делают то, что ты им прикажешь. Чужеземцу надо отрубить голову.

Тогда во весь рост встал Зигфрид и, подняв руки вверх, в позе библейского пророка, проклинающего нечестивых, провозгласил:

— Грязные собаки, вы посмели оскорбить бога Вотана, да поразит вас его меч. Я требую голову Германа, не верующего в священных животных.

Вожди разделились на две группы и, видимо, готовились к столкновению. Многие держали руки на рукоятке меча. Зигфрид, учтя неблагоприятное для него соотношение сил, опять влез в центр свастики и закричал:

— Бог Вотан сам накажет своих врагов, горе им!

После этого судилище закончилось, и я понял, что свободен.

После этого события наступило тоскливое для меня время. Временами я терял надежду на спасение и чувствовал,

что погружаюсь в состояние полной апатии. Я с большим трудом заставлял себя купаться в море и принимать пищу. Правда, такого рода состояние продолжалось у меня недолго, и я принуждал себя смотреть более оптимистически на будущее.

Я забыл отметить, что члены правящей касты арийцев уделяли очень много внимания военным упражнениям: почти каждое утро десять-пятнадцать младших вождей маршировали по площади судилища и по берегу, рубили мечом прутья, секли плетью мешки с песком, либо провинившихся рабов. Даже на горе испытуемых подростки и юноши, предназначенные в будущем стать младшими вождями, маршировали по тропинкам и пели примитивную песню с припевом: «Хайль, хайль, тра-тра-тра». Раз один из этих молодых людей напал на меня из-за угла и едва не разбил мне череп.

В течение более двух месяцев я влачил жалкое существование пленника. Только раз я спустился с Зигфридом к морю наблюдать за ловлей рыбы. Вследствие отсутствия лодок рыба на острове ловилась самыми примитивными способами: удочками, снабженными крючками, сделанными из рыбьих костей, и небольшими сетями, прикрепленными к палкам.

Широко применялось также выкапывание ям на берегу моря перед приливом. Когда вода спадала, прибегали рабы и извлекали из ям оставшуюся там рыбу: они при этом отчаянно толкались и давили друг друга, так как всякий раб, приносивший меньше десяти рыб, подвергался порке.

Я неоднократно думал о том, каким образом арийцы, предки которых прибыли сюда много веков назад из страны с очень высокой для того времени техникой, превратились по существу в пещерных людей. Ведь даже у примитивных народов почти во все эпохи наблюдался прогресс, принимавший те или иные формы. На острове же Арии, судя по всему, что я видел, имело место прозябание на жалком и необычайно примитивном жизненном уровне.

Сначала эта своеобразная эволюция представлялась мне загадкой, но после того, как я познакомился с государственным

ным и социальным устройством этого острова, я понял, что здесь прогресс был невозможен, и население острова было бесповоротно осуждено на вырождение и гибель.

В первую очередь необходимо было учитывать, что труд в Арии был делом кастрированных рабов, неспособных к интенсивной работе. Эти рабы при максимальном напряжении своих ничтожных сил могли обеспечить голодное питание себе, такое же испытываемым, несколько кусков сырого мяса в день самцам и самкам и, наконец, сравнительно благополучную жизнь вождям.

Закон расы, запрещающий какие-либо изобретения и открытия, сделал невозможным технический прогресс. Закон, жестоко каравший искусство письма, сделал невозможным накопление опыта. Таким образом, я видел перед своими глазами карликовое общество, неспособное ни к какому прогрессу и положительной эволюции. Это общество управлялось кастой жадных и жестоких вождей, опиравшихся на нелепые и кровавые «законы расы», состоявшие в беспощадном подавлении всего живого.

Я вспомнил отошедшие в область преданий фашистские расовые и социальные теории, столь последовательно проведенные в жизнь на острове Арии. Я с ужасом подумал о том, какая судьба постигла бы человечество, если бы полем для этих преступных экспериментов явился не жалкий остров, а земной шар.

Я вспомнил, с какой предельной четкостью и ясностью определили кровавую сущность фашизма руководители международного пролетариата, руководившие пять веков назад первым советским государством, своими победами и железной волей сломившие шею фашизму.

Мои размышления были прерваны возвращением Зигфрида, который в сопровождении своей лейб-гвардии откуда-то вернулся в пещеру. Он оглянулся и, убедившись, что охранники ушли, запер дверь на засов, подозвал меня к себе и предложил мне сесть с ним рядом на шкуру.

— Слушай, чужеземец, мы стоим накануне великих событий, больше нельзя ждать. Мой человек передал мне, что люди Германа хотят с нами расправиться. Десять уро-

жаев тому назад, когда вождь вождей был еще крепок, мы их усмирили, созвав великое судилище, которое отрубил головы трем вождям за то, что они брали к себе в пещеры молодых самцов вместо самок. Правда, они доказывали, что это делали многие вожди еще до них, однако, им это не помогло.

Теперь Герман хочет созвать судилище и обвинить некоторых моих друзей в том же грехе. Если ему удастся отрубить головы трем моим друзьям, — мы все погибли. Хуже всего то, что сегодня вождь вождей отправился в Валгаллу. Его дух уже подымается по высоким скалам, направляясь в сторону туманов. До судилища осталось еще три восхода солнца. Помни, чужеземец, что ты погибнешь со мной вместе, поэтому думай скорее.

Сказав это, Зигфрид протянул руку, произнес арийское приветствие и ушел, несмотря на поздний час. Оставшись один в пещере, я стал обдумывать создавшееся положение, понимая, что старик не преувеличивал опасности, угрожавшей нам. Я учитывал, что мне необходимо помочь ему, так как победа его клики давала мне выигрыш времени и шансы на спасение в будущем.

Я стал перебирать все возможности и неожиданно вспомнил, что при падении стратоплана уцелел фоностат — прибор, способный усиливать звук человеческого голоса в десятки раз. У меня возникла идея использовать его в качестве рупора для арийского божества Вотана, который таким образом получил бы возможность выступить в качестве покровителя милейшего Зигфрида.

Несмотря на то, что арийские вожди были продувными мошенниками, мощный голос божества, неожиданно раздавшийся ночью, должен был произвести на них достаточно сильное впечатление. Надо было использовать их суеверность и мистические настроения.

Утром, когда Зигфрид с тревогой спросил меня о результатах моих ночных размышлений, я сразу изменил тон в отношении его и заявил:

— Я могу сделать так, что вожди признают тебя любимцем Вотана, который громким голосом скажет свое слово так, что его услышит весь остров.

Старик был так ошеломлен, что не знал, как реагировать на мои слова.

Я к этому добавил:

— Если ты достанешь мне одну вещь, которую ты показывал мне, когда я лежал в тюрьме, ты увидишь, что я говорю правду.

После этого я объяснил Зигфриду, что речь идет о блестящем ящичке с короткой и широкой трубой. Зигфрид быстро вспомнил и даже спросил меня: эта труба похожа на ухо? Я подтвердил и иронически заметил, что у Зигфрида не так уж плоха память, как он мне недавно говорил.

Зигфрид улыбнулся и возразил:

— Я, видно, стал молодеть. А что ты сделаешь, когда получишь эту трубу?

— Это уж мое дело, — высокомерно ответил я.

Сначала Зигфрид пытался восстановить прежнее соотношение сил, прибегая к угрозам и запугиваниям, но я оставался непреклонным и даже намекнул, что пойду к Герману и предложу ему свою помощь. После длительной перебранки Зигфрид тяжело вздохнул и подчинился мне.

Вечером того же дня он незаметно исчез и вернулся поздно ночью, на этот раз без своей охраны. Войдя в пещеру, он тщательно запер дверь на засов и извлек из-под халата фоностат. Я осмотрел его и не увидел на нем следов каких-либо серьезных повреждений. Правда, в одном месте прибор был слегка помят, но мне казалось, что внутренняя конструкция его не была затронута падением.

Осмотрев фоностат, я обратился к Зигфриду:

— Брат Зигфрид, я согласен спасти тебя, но ставлю тебе некоторые условия: когда ты станешь вождем вождей, я должен получить полную свободу и в том числе право разговора, с кем захочу. Далее я получаю свободный доступ в храм в любое время дня и ночи. Наконец, всем вождям должно быть объявлено, что я нахожусь под защитой Вотана и, следовательно, являюсь неприкосновенным.

Старик сначала бурно негодовал, особенно решительно он возражал против последнего условия. После того, однако, как я прекратил с ним переговоры и лег на свое ложе лицом к стене, он сначала принялся осыпать меня руганью, половину которой я не понял, затем заявил, что согласен на мои условия.

Я, конечно, понимал, что принятие моих требований не может рассматриваться, как гарантия моей безопасности в будущем. Ожидать добросовестности и лояльности от этого старика было бы непростительной наивностью, но я все же рассчитывал, что сумею использовать обстановку и реализую свой старый план завладения радиостатом.

Уже под утро, ворочаясь на своей подстилке, я неожиданно понял, что допустил грубейшую ошибку: я должен был сказать Зигфриду, что мне необходим для выполнения нашего плана радиостат. В этом случае я смог бы отправить радиогамму на сверхдлинной волне, которая была бы принята всеми станциями мира, и я был бы спасен.

Я готов был кусать себе пальцы от сознания собственной несообразительности. Если старик согласился дать мне один прибор, он несомненно принес бы и второй, и проблема была бы решена. Ошибка была, однако, непоправимой, и приходилось с этим мириться.

Весь следующий день прошел в очень напряженной обстановке. К Зигфриду приходили его союзники и о чем-то шептались. Характерно, однако, что старик просил меня никому из них ничего не говорить о нашем плане, в который он и сам не был до конца посвящен.

Когда наступил вечер, Зигфрид, усвоивший теперь в отношении меня очень почтительный тон, спросил, что я собираюсь делать сегодня ночью. Я ему объяснил, что при помощи моего ящика с трубой я смогу сделать так, что его или мой голос будет слышен на протяжении всего острова и притом оглушительно громко. Он должен сам решить, кто из нас будет говорить от имени бога Вотана.

— Ты, чужеземец, большой мошенник, — сказал Зигфрид.
— Бог Вотан тебя жестоко накажет.

— Но и тебя тоже, — возразил я.

— Меня нет, я говорить не буду: во-первых, я не хочу обманывать бога, во-вторых, мой голос сразу узнают. Говори ты, так как тебя, кроме меня, никто толком не слышал. Я хорошо сделал, что добился закона, запрещавшего тебе разговаривать.

— Но ведь я не умею выговаривать слова так, как это делаете вы.

— Откуда ты знаешь, что Вотан умеет?

Я был изумлен этим возражением и капитулировал.

— Что же я, по-твоему, должен сказать?

— Скажи, чужеземный брат, следующее: «Арийские вожди, слушайте голос вашего повелителя и бога Вотана! В этот грозный час, когда нечестивые и изменники угрожают нашей расе, только преданный мне Зигфрид может ее спасти. Да будет он вождем вождей, слушайте и повинуйтесь, хайль!»

— Не слишком ли длинно? — спросил я. — Ведь я могу напутать.

— Ты прав, чужеземный брат. Бог Вотан, насколько я знаю, говорит короче. Вот что ты скажешь:

«Слушайте, арийцы, вам грозит гибель, вас спасет верный мне Зигфрид. Это говорю я, Вотан. Хайль!» Я одобрил этот второй вариант, и мы приступили к оформлению этой звуковой мистерии.

По странному совпадению нам очень благоприятствовала метеорологическая обстановка. В полночь разразилась буря с громом и молнией. В этот момент мы сняли пузырь, затягивавший окно. Я поставил стол посреди пещеры, а на него чурбан. Старик держал фоностат, я же готовился к выступлению в качестве воплощения арийского божества.

Воспользовавшись паузой между двумя ударами грома, я выставил фоностат наружу и, напрягши до предела свои голосовые связки, прокричал согласованные с Зигфридом сакраментальные слова. В первое же мгновение я понял, что аппарат прекрасно функционирует. Мой голос приобрел изумительную мощность и был слышен не только на острове, но, вероятно, и значительно дальше его.

Когда я проревел значительное слово «хайль», раздался оглушительный удар грома, как будто ожидавшийся окон-

чания мистификации. После этого мы вновь затянули отверстие пузырями, так как в пещеру стекали ручьи воды.

Зигфрид выглядел очень довольным, он плевал себе на руки, а потом растирал их. Вслед за этим он бросился на шкуру, начал по ней кататься, визжа и издавая восторженные стоны.

— Слушай, брат Зигфрид, — сказал я, — если ты нарушишь свои обещания, я расскажу всем, как ты обманул Вотана.

— Неужели ты думаешь, что я способен нарушить данное слово? — сказал старый лицемер.

Дождь прошел, буря прекратилась, и вскоре стало светать. На острове Арии сумерки и рассвет продолжают всего лишь несколько минут.

С первыми лучами солнца в нашей пещере появились гости — друзья Зигфрида. Они громко кричали в его честь «хайль», называя его спасителем арийской расы, любимцем Волана. Зигфрид с величественным видом протягивал правую руку и, сжав губы, произносил арийское приветствие. Мне при этом показалось, что он старается избегать соприкосновения со мной при посторонних.

Вскоре после этого Зигфрид забрался в пещеру вместе с пятью другими вождями и долго с ними о чем-то совещался. Приблизительно через час вожди вышли, одновременно раздался уже знакомый мне звук рога. Я без приглашения последовал за Зигфридом и окружавшей его свитой на площадь великого судилища.

Увидев, что хитрый старик меня избегает, я демонстративно взял его под руку. Все обратили внимание на мое поведение и начали перешептываться. Зигфриду очень не понравилась моя фамильярность, но он, по-видимому, не решался быть со мной грубым и лишь бросал на меня злобные взгляды. По дороге к нам присоединились еще три арийских вождя и несколько младших. Оказалось, что на этот раз младшие вожди должны были участвовать на собрании.

У входа на площадь вожди подняли Зигфрида на руки и понесли его к центру свастики. В двух углах этой эмблемы,

высеченной из камня, уже стояли и сидели члены враждебной Зигфриду клики во главе с Германом. Вид у них был пасмурный и угнетенный. Раздался новый пронзительный звук рога, и Зигфрид, став в центре свастики, громко закричал:

— Братья-вожди! Наш повелитель этой ночью покинул остров и уже отправился в Валгаллу, да исполнится воля Вотана. Этой же ночью при свете молнии и ударов грома наш великий бог Вотан избрал меня своим верным слугой и приказал мне спасти арийскую расу. Я уже видел много урожаев и, вероятно, мало их еще суждено мне видеть. Я хотел мирно закончить свои дни, но мы знаем, что общая польза стоит впереди личной, я подчиняюсь голосу божества.

Зигфрид закончил свою речь и со скорбным смирением опустил голову. Сторонники Зигфрида подняли оглушительный рев, не уступавший по мощи фоностату; они кричали «хайль», топали ногами от восторга и потрясали мечами.

В этот момент на свастику влез Иозеф, который, как я предполагал, должен был выступить от имени клики Германа. Этого же ожидал, очевидно, и Зигфрид, но как только он начал говорить, я открыл рот от изумления. Этот хромой, низкого роста, уродливый человек с острыми, змеиными чертами лица, которого, как я слышал, на острове звали «мышью», обладал очень сильным, звучным голосом приятного тембра. Он, иногда впадая в лирический, иногда же в трагический тон, сказал:

— Братья, арийские вожди, великий бог арийцев Вотан призвал в Валгаллу нашего повелителя. Это большое горе.

Иозеф вытер рукавом халата глаза.

— Среди нас есть много достойных вождей.

В этот момент Герман приподнялся, ожидая, что Иозеф назовет его имя; но тот, не обращая на него никакого внимания, продолжал:

— Братья-вожди, самым достойным из всех является тот, чье имя произнес этой ночью голос божества. Мы слышали, как великий бог арийцев Вотан под удары грома, при свете молнии, сказал нам, что брат Зигфрид спасет нашу

расу. Мы знали и до этого, что Зигфрид достоин быть вождем вождей. Но голос Вотана проник даже в уши тех, кто не желал слушать, горе им, если они и теперь останутся глухи.

Когда Иозеф закончил, большинство арийских и младших вождей начали вновь кричать «хайль» и размахивать мечами. Жестокая грубая физиономия Германа сначала выражала отдание, затем изумление, разочарование и, наконец, ярость.

Услышав заключительные слова Иозефа, Герман не выдержал и закричал:

— Ты — подлая хромая змея! Предатель и изменник!

Вслед за этим он схватил свой меч и хотел броситься на Иозефа, но его удержали окружавшие его союзники. Я видел, как в это мгновение лицо Иозефа приняло плаксивое выражение и отразило животный страх. Картина, конечно, была совершенно ясна: Иозеф, убедившись в неизбежности поражения Германа, поспешил на помощь победителю. Откровенно говоря, из всех вождей, в достаточной степени отвратительных, Иозеф производил на меня наиболее омерзительное впечатление, не говоря уже о том, что он был неописуемо грязен. Мне казалось, что я не мог бы принудить себя прикоснуться к его руке.

Я ясно видел, как кучка сторонников Германа редела, и вскоре возле него остались три арийских вождя и столько же младших. Вновь раздался звук рога, который держал в руках вождь, стоявший за спиной Зигфрида. Последний в эту минуту закричал:

— Изберем нового вождя вождей!

Тогда вскочил Герман и заорал, задыхаясь от бешенства:

— Ты, грязная собака, нарушил закон, — выборы вождя вождей не могут начаться раньше, чем через сорок дней.

— Надо ждать сорок дней! — закричали сторонники Германа.

Я прочитал на лице Зигфрида выражение растерянности; молчали и его друзья, очевидно, не решаясь нарушить вековой закон.

В этот момент, однако, на свастике вновь появился Иозеф, закричавший:

— Слушайте меня, вожди! Брат Герман прав, закон действительно говорит, что нужно ждать сорок дней и сорок ночей; но брат Герман забыл о происшедшем этой ночью чуде, он забыл о голосе великого Вотана, который дал нам закон и который может его изменить, когда пожелает. Если бы бог арийцев хотел, чтобы мы ждали сорок дней и сорок ночей, он бы так и сказал. Великий же Вotan ночью говорил, что нашему племени угрожает гибель от изменников (кстати: об изменниках Вotan ничего не упоминал, но Иозеф очень удачно дополнил выступление божества). Я от имени арийских вождей требую избрания Зигфрида вождем вождей. Я требую, чтобы была выполнена воля Вотана.

Закончив свою речь, Иозеф, прихрамывая, спустился со свастики и перешел в группу сторонников Зигфрида. Я посмотрел на последнего. Его лицо выражало полное удовлетворение, зато у Германа на лбу вздулись жилы, глаза налились кровью, он судорожно сжимал в руках свой топор и, видимо, был близок к припадку настоящего бешенства. Среди его немногочисленных сторонников шли какие-то переговоры, наконец, встал его ближайший друг по имени Генрих, и сказал:

— Мы требуем, чтобы брат Зигфрид обещал нам после своего избрания вождем вождей никого из нас не трогать, он должен в этом принести клятву на алтаре Вотана.

Зигфрид поднял руки и с кротким выражением лица заявил:

— Я хочу мира и братской любви, я уже забыл коварство моих врагов и все их подлости, они могут спокойно спать, я принесу клятву.

После этого началась процедура выборов. Старый Гюнтер — специалист по расовым делам, выступавший недавно претендентом на трон вождя вождей и на золотой знак свастики, но ведший себя в течение последнего часа изумительно скромно, — неожиданно вылез в центр каменной эмблемы. Писклявым голосом он сообщил, что, как старей-

ший арийский вождь, хочет провести весь необходимый церемониал. Зигфрид это одобрил и похлопал его ниже спины. Я, кстати, заметил, что этот жест означал у арийцев высшее проявление дружеских чувств. Зигфрид в последнее время довольно часто похлопывал меня по указанному месту.

Я с любопытством наблюдал за процедурой избрания нового вождя и погребения старого. Когда один из рабов, обслуживавших песочные часы, простучал двенадцать раз молотком в железный лист, что означало полдень, на площади великого судилища появилась процессия, состоявшая из нескольких младших вождей, несших носилки, покрытые белым покрывалом с вышитыми на нем черными знаками свастики. За ними шли четыре арийских вождя с топорами, а затем шествовали, к моему великому удивлению, самцы.

Их было человек пятьдесят, они вели себя крайне непристойно, все время часть из них прыгала на спину другим, те их сбрасывали, брыкаясь ногами. Другие старались попасть на ходу ногой в копчик шедших впереди. Более нелепой картины, нежели эта процессия, я в жизни не видел и, конечно, больше не увижу. Один из младших вождей, наблюдавший за сохранением порядка в этой толпе толкавшихся микроцефалов, держал в руках короткую палку с острым наконечником, сделанным из рыбьей кости. Когда кто-либо из лучших представителей арийской расы слишком увлекался игривыми шутками, младший вождь подходил и колот его в зад. Тот хватался за пораженное место и на время успокаивался.

Я слышал, как вождь, стоявший около меня, с раздражением говорил:

— Надо будет ввести новый закон, запрещающий сюда приводить этих жеребцов; они совершенно не умеют себя вести. Мне кажется, что много урожаев тому назад они были умнее.

Другой вождь поддержал его и выразил сожаление, что приходится хорошо кормить производителей, фактически никуда не годящихся.

Когда процессия приблизилась к свастике, находившиеся на площади вожди подняли Зигфрида на плечи и начали громко вопить и кричать. Этот вой продолжался минут десять.

Вслед за этим Зигфрид спросил:

— Что говорит закон, брат Гюнтер?

Старикашка ответил:

— Закон говорит, что тело простых вождей должно быть сожжено, вождь вождей же должен полететь в Валгаллу на птичьих крыльях.

После этого процессия, к которой присоединились все остальные вожди и я, двинулась по незнакомой мне тропинке. Мы прошли через рощу и поднялись на другой холм, покрытый тонкими высокими деревьями с почти голыми стволами. Один из младших вождей длинным арканом зацепил верхушку дерева, пригнул ее к земле, затем к ней привязали тело умершего вождя вождей.

Дерево было освобождено от веревки, быстро выпрямилось, и тело взлетело вверх, закачавшись на этих своеобразных качелях. Я оглянулся и заметил, что на нескольких деревьях по соседству висели на вершинах человеческие кости. Я понял, что значит полететь на птичьих крыльях в Валгаллу. Этот путь шел, оказывается, через внутренности птиц, уже начавших слетаться к верхушке дерева.

Это дикое погребение произвело на меня очень тяжелое впечатление и я был доволен, когда процессия повернула обратно. Я заметил, что на носилках под покрывалом что-то лежало. Осторожно отогнув покрывало, я увидел неуклюжее чучело, которое должно было изображать человека. Позже Зигфрид мне объяснил, что если носилки останутся пустыми, Вотан потребует, чтобы на носилки лег новый вождь вождей, при помощи же чучела его можно обмануть.

Это суеверие меня очень позабавило.

Между тем я понял, что процессия направляется к храму. Большая часть вождей поспешила вперед, оставшиеся же замедлили шаг. Когда мы приблизились к храму, оставшиеся вожди выстроились в два ряда и обнажили мечи; Зигфрид пошел вперед. Как только эта процессия появилась

перед храмом, раздались крики «хайль», «хайль», и я увидел вождей, стоявших двумя рядами у входа, приветствуя Зигфрида. Тот, протянув правую руку, важно им отвечал тем же приветствием.

В этот момент в дверях храма показался вождь, державший в руках шлем с рогами по бокам. Зигфрид водрузил шлем себе на голову и торжественно проследовал в храм, довольно ярко освещенный факелами. Я поспешил пройти туда, не отставая от вождей. Зигфрид приблизился к алтарю, поднялся по ступенькам на коленях и начал отбивать земные поклоны перед статуей Вотана.

После этого вожди запели какую-то заунывную песню, слов которой я не разобрал, кроме слова «бург». Вслед за этим двое младших вождей притащили белого козла и закололи его на алтаре. Когда вся кровь вытекла, тушу отнесли, а вожди обмакивали в кровь палец и прикладывали ко лбу.

Наступила пауза, во время которой Зигфрид шепотом совещался со своими ближайшими друзьями. Затем он вновь влез на алтарь и повернулся к вождям лицом, изображавшим лицемерную кротость. Глаза его были подняты вверх, руки сложены на груди.

— Братья-вожди, — сказал он, — перед лицом арийского бога Вотана я клянусь, что ничего не сделаю дурного тому, кто препятствовал мне в выполнении моей великой миссии. Я хочу прекратить распри и раздоры. Если я нарушу эту клятву, пусть накажет меня бог Вотан, который все видит, и все знает.

Мне показалось, что, произнося последние слова, Зигфрид посмотрел на меня с видом авгура. Откровенно говоря, этот старый мошенник импонировал мне своим наглым цинизмом. Я не сомневался, что клятва не помешает ему расправиться со своими врагами, но меня интересовало, какой повод он для этого изберет.

Зигфрид обернулся лицом к статуе Вотана и отвесил ей земной поклон. Вслед за этим к нему приблизился Ахим, надел ему на шею золотой знак свастики и вручил посох. Церемония закончилась, и мы вышли из храма. Здесь нас

ждали самцы, которые вели себя еще безобразнее, чем прежде. Младшие вожди, их опекавшие, выбились из сил и сломали наконечники на своих палках.

Ночью было устроено большое пиршество, все вожди перепились, и торжество закончилось дракой, после которой многие вернулись в свои пещеры с подбитыми глазами и свернутыми скулами. Я благоразумно решил не принимать участия в этом пиршестве, так как не хотел подвергнуться неприятным неожиданностям. Сидя у пещеры, я думал о там, выполнит ли Зигфрид взятые им на себя обязательства по отношению ко мне.

На следующий день Зигфрид проснулся очень поздно, долго кашлял и сморкался. Младшие вожди, сидевшие у пещеры, услышав его кашель, куда-то побежали и вернулись с рогом, наполненным любимым напитком арийцев. Вскоре новый вождь вождей вышел из пещеры, опираясь на посох, являвшийся одним из атрибутов повелителя и поддерживаемый за локти младшими вождями.

Затем пришли три арийских вождя, близкие друзья Зигфрида; они вновь совещались с ним и, очевидно, до чего-то договорившись, разошлись. Зигфрид сел на камень у пещеры, явным образом чего-то ожидая. Часа через два он начал проявлять беспокойство и волнение, благодаря чему я понял, что готовится какое-то новое событие, непосредственно касающееся Германа и его клики.

Я с нетерпением ждал дальнейшего разворачивания событий. Приближался вечер, с моря поднялся туман. Вдруг к нашей пещере подбежал, запыхавшись, младший вождь. Увидев Зигфрида, он закричал:

— Вождь вождей, они его убили!

— Кого? — спросил Зигфрид с тревогой, показавшейся мне деланной.

— Иозефа. Они ему раскололи голову топором; его теперь несут на площадь великого судилища.

Зигфрид засуетился и завопил:

— Подлые изменники, они отомстили Иозефу за его честность и верность. О, Герман, кровь моего лучшего друга тебе дорого обойдется!

Затем старик бросился в пещеру и, вернувшись с золотой свастикой на груди, быстрыми шагами, опираясь на посох, направился к площади великого судилища. Я последовал за ним, подгоняемый любопытством.

Все происшедшее мне было совершенно понятно. Люди Зигфрида заманили в какое-нибудь глухое место ренегата Иозефа и там его убили. Таким способом Зигфрид избавлялся от опасного будущего соперника, хитрости которого он не мог не бояться. С другой стороны, создавался удобный предлог для расправы с Германом.

На площади уже собралось человек двадцать арийских и младших вождей. Они громко кричали и угрожающе размахивали мечами. Когда появился Зигфрид, они протянули правую руку и три раза прокричали арийское приветствие. Зигфрид влез на свастику и, утирая слезы рукавом халата, пронзительно завопил:

— Братья-вожди! Вчера в храме я перед лицом Вотана поклялся не мстить врагам расы за их прежние поступки. Теперь я вижу, что я ошибся: я напрасно доверял этим грязным псам. Если бы я этого не делал, наш дорогой брат Иозеф был бы жив. Я вспоминаю, как он мужественно и честно выступал, на этом самом месте против изменника Германа. Теперь Вотан требует крови, и он ее получит. Смерть Герману и его друзьям! Братья! Приведите их ко мне живыми или мертвыми.

Не успел он закончить свою речь, как показались три младших вождя, тащивших за собой друга Германа — Генриха. Он был весь в кровоподтеках и царапинах. Лицо Зигфрида приняло еще более жестокое, чем обычно, выражение. Он обратился к вождям с вопросом:

— Что говорит закон крови?

— Большая смерть! — закричали вожди.

— Нет, братья-вожди, теперь не время возиться с псами Валькирий, я требую малой смерти.

Вожди запели свое любимое «хайль, хайль, тра-тра-тра», один из них схватил Генриха за волосы, пригнул его голову к земле, в чьей-то руке взлетел топор, и голова осужденного покатила по земле.

— Тело изменника повесьте в долине смерти, — приказал Зигфрид.

Через полчаса притащили младшего вождя, сторонника Германа, и его постигла та же судьба, что и Генриха.

Уже наступала ночь, темная и жаркая. У меня по лицу стекали капли пота, я себя чувствовал подавленным и разбитым. Зрелище казни и убийств действовало на меня угнетающе, хотя я прекрасно знал, что жертвы были не лучше своих палачей.

Площадь была освещена факелами, Зигфрид сидел на троне в центре свастики, охраняемый двумя младшими вождями. Он, видно, ждал еще своего главного врага Германа. Через несколько минут прибежал младший вождь, сообщивший, что Герман куда-то исчез, его ищут и не могут найти. Видно было, что эта новость произвела на Зигфрида очень неблагоприятное впечатление. Он, не скрывая признаков раздражения и беспокойства, громко ругался.

Неожиданно раздался чей-то пронзительный крик:

— Не трогайте меня, я хочу говорить с вождем вождей!

Я увидел при свете факелов человека с растрепанными волосами, в разорванном халате и узнал в нем одного из вождей, всегда сидевших рядом с Германом. Ему скрутили руки и подвели к Зигфриду.

— Говори, изменник, — сказал тот.

— Вождь вождей, Герман скрылся в пещере, известной только ему и мне. Он там еще вчера заготовил себе продовольствие и воду, вы сами его не найдете, но я покажу вам дорогу, если ты, вождь вождей, поклянешься сохранить мне жизнь.

— Веди, собака. Я клянусь, — сказал Зигфрид.

Предателю набросили на шею петлю, и он повел группу вождей, отправившуюся на поиски Германа. Я решил наблюдать до конца и последовал за вождями.

Через час мы пришли в узкое ущелье, находившееся в неизвестной мне части острова. Проводник с петлей на шее спустился в это ущелье, рядом с ним шел младший вождь с факелом. Тропинка проходила вдоль крутого обрыва, и я решил остаться позади всех, чтобы меня в суматохе случай-

но или преднамеренно не столкнули вниз. Вскоре проводник остановился:

— Там, наверху, — сказал он, — но дальше я боюсь идти, — Герман меня убьет: он от ярости совершенно потерял разум.

Тогда выступил вперед «друг псов Валькирий» Рудольф и в сопровождении двух младших вождей стал подниматься по крутому склону. В течение нескольких минут господствовала тишина. Вдруг раздался звериный крик, упало что-то тяжелое, и опять наступила тишина. Вскоре двое младших вождей притащили на плечах тело Рудольфа. Выяснилось, что Герман, стоявший у входа в пещеру, увидев приближавшихся врагов, бросил пудовый камень в Рудольфа и раздробил ему череп. Вожди разразились злобными криками, но не решались в темноте подняться к пещере, так как в этих условиях все преимущества были на стороне Германа, который мог, ничем не рискуя, перебить немало людей.

Вожди решили дожидаться утра. Я оказался в довольно тяжелом положении; мне не улыбалась перспектива ждать рассвета, стоя на узкой тропинке. С другой стороны, я не мог решиться проделать без факела обратный путь.

Наконец, подул утренний ветерок, показался первый луч солнца, осветивший Германа, который держал в руках огромный камень. Я видел, что младшие вожди, охотившиеся за его головой, колеблются и явно не проявляют желания разделить судьбу Рудольфа, который, выражаясь языком арийцев, уже находился на пути в Валгаллу.

В этот момент человек, предавший Германа, отвел в сторону одного из вождей и стал ему что-то шептать на ухо. Через несколько минут предатель исчез за скалой, его сопровождало четыре младших вождя, вооруженных мечами.

Я с нетерпением ждал развязки, догадываясь, что на Германа готовится нападение с тыла. Действительно, вскоре я увидел на скале, спиной к которой стоял Герман, людей с большими камнями в руках. Еще мгновение, и тяжелый камень упал Герману на голову, он зашатался, другой камень ударил его в плечо, и человек, отрубивший в своей

жизни не одну голову, тяжело рухнул на землю. Камни не переставали сыпаться, и вскоре все тело было ими покрыто.

Я уже достаточно пригляделся на острове Арии к всевозможным жестокостям, и поэтому относительно спокойно смотрел на это тяжелое зрелище. Откровенно говоря, я внутренне даже был удовлетворен развитием событий. В первую очередь, сошли со сцены мои злейшие враги — Герман и Иозеф; кроме них, еще погибли другие арийские и младшие вожди, что отнюдь не противоречило созревшему у меня в мозгу плану.

Когда Зигфрид узнал о благополучном конце экспедиции, он поднял вверх руку, все вожди встали, и глава арийского племени произнес заключительную речь:

— Воля Вотана совершилась, я спас наш великий остров от изменников и предателей. Видят боги, что я не хотел крови, но враги расы заставили меня ее пролить. Теперь наступят мир и спокойствие. Отправимся, братья-вожди, в храм возблагодарить арийского бога Вотана.

Я не пошел, так как крайне устал; кроме того, я прекрасно представлял себе, как Зигфрид, взойдя на алтарь, будет отбивать поклоны и благодарить каменную тушу.

В течение всего дня я не видел Зигфрида, так как в его честь вожди устроили банкет. Обратного старика принесли на носилках, и рабы втащили его в пещеру, положив на грязную шкуру. Зигфрид громко и переливчато захрапел. Эти звуки меня раздражали, мешая спать. Я решил воспользоваться теплой ночью и перенес свою подстилку на площадку перед пещерой. При этом я очень испугал Кора, наступив ему на ногу.

Ночью я вспомнил виденное мною в течение последних суток и пришел к выводу, что каждая смена вождя вождей сопровождалась кровопролитием, убийствами, предательством и провокациями. Я вспомнил змеиную физиономию Иозефа и его конец. Откровенно говоря, я раньше не представлял себе, что мой друг Зигфрид — такая ловкая bestия, он прекрасно расправился со своими врагами. Как бы только полная победа не вскружила ему голову.

Я проснулся неотдохнувшим и вялым и с трудом заставил себя подняться. Вскоре показался Зигфрид. Он посмотрел на меня без особой теплоты и сказал:

— Теперь, чужеземец, ты должен со мной иначе разговаривать. Ты больше мне не брат — я нахожусь под покровительством Вотана и не имею себе равного на земле.

Меня немного задела эта наглость, и я в резкой форме спросил Зигфрида, когда он думает претворить в жизнь свои обязательства. Хитрая лиса сделала вид, что не понимает, о чем я говорю. Я ему напомнил.

Зигфрид зевнул, разгладил бороду и сказал:

— Ты, чужеземец, слишком много хочешь и притом तरीпишься. Пока можешь ходить по острову и разговаривать, с кем угодно, но берегись, как бы твои беседы не кончились худо. Об остальном мы успеем поговорить позже. Ты, кажется, хочешь мне испортить хорошее настроение. Помни, что я этого не люблю.

Потом старик тихо добавил:

— Твой проклятый ящик с трубой я бросил в море, чтобы Вотан больше не мог громко говорить. С меня довольно одного раза.

Я понял, что Зигфрид не собирается выполнять взятые на себя обязательства. Мне, однако, не оставалось ничего другого, как запастись терпением. Пока что я решил воспользоваться отменой закона, предписывавшего мне молчание. В первую очередь я отправился на гору испытуемых, где не был уже давно. По дороге у меня окончательно сложился план дальнейших действий. Если я увижу, что Зигфрид не дает мне возможности приблизиться к радиостату, я организую восстание испытуемых. Первоначально эта идея казалась мне фантастической: каким образом несколько десятков подростков могут свергнуть беспощадную власть касты вождей? Но, проанализировав обстановку, я пришел к заключению, что подобное предприятие могло бы в известных условиях иметь шансы на успех.

Какова была расстановка сил на острове? Наиболее многочисленная каста задавленных, забитых и физически изуродованных рабов не могла быть активной силой в борьбе.

Каста вождей, благодаря внутренней борьбе, была ослаблена.

Большинство арийских вождей в силу своего возраста не представляли собой большой опасности в случае столкновения. Младшие вожди были рассеяны по всему острову, охраняя склады, испытуемых, следя за рабами и самцами. Таким образом, если бы мы сумели застать их врасплох, то смогли бы, вероятно, справиться с ними по частям. Что касается самцов, то я привык относиться к ним в высшей степени пренебрежительно и склонен был вообще с ними не считаться, как со сколько-нибудь серьезным фактором.

По ночам я с трудом засыпал, думая о подготовке восстания. Часто мне снилось, что я защищаюсь от нападения вождей, что я окружен и взят в плен, что меня судят на площади у знака свастики. Одни сон я запомнил, вероятно, на всю жизнь, так как он снился мне три раза подряд почти без изменений: я лежу в темной пещере с очень узким окошком в стене, тут же рядом со мной спят мои друзья; вдруг в отверстии показывается голова Зигфрида, он злобно глядит на меня и затем, вопреки всем законам физики, начинает пролезать через узкое окошко в стене. Сначала я вижу его ногу, затем голову, наконец, он уже стоит в пещере. Я цепенею от ужаса и хочу крикнуть, но не могу издать звука и лишь беспомощно шевелю губами. Зигфрид медленно подходит ко мне, его желтые костлявые пальцы приближаются к моему горлу. Я напрягаю все силы, чтобы разбудить друзей, но мои голосовые связки парализованы, я испытываю беспредельный страх.

После таких кошмаров я чувствовал себя разбитым и раздраженным, иногда мне начинало казаться, что Зигфрид ночью действительно может меня задушить, и я прислушивался к его дыханию.

Мои отношения с ним в действительности делались все хуже и хуже. Как-то раз утром еще в пещере я подошел к нему и сказал, что собираюсь идти в храм.

— Зачем?

— Посмотреть каменные дощечки.

— Что ж, — ответил старик, если тебе надоело жить, то отправляйся. Стоит мне повторить то, что ты сказал только что, и тебе отрубят голову. Смотри, чужеземец, не раздражай меня. Ты мне уже давно надоел.

— Еще недавно ты меня просил о помощи, — заметил я.

Зигфрид позеленел от злости и зашипел:

— Я тебе несколько раз спасал шкуру, мы давно расквитались.

Взбешенный этой грубостью, я быстрыми шагами вышел из пещеры и направился на гору испытываемых. На вершине холма я по счастливому совпадению встретил Угольфа, который, пройдя мимо меня, шепнул:

— Приходи перед заходом солнца в нашу пещеру.

Я решил, что не имеет смысла спускаться опять вниз, и предпочел провести день на холме, на его малонаселенном южном склоне; набрал ягод и кореньев и лег на лужайке у небольшого ручья. Журчание воды меня утомило, и я вскоре заснул крепким сном. Проспал я несколько часов и был разбужен небольшой птичкой, севшей мне на грудь. Проснувшись, я вскочил, так как мне показалось, что меня коснулась чья-то рука. Кругом, однако, было совершенно спокойно и тихо.

Наконец, наступил вечер, и я направился к пещере, стоявшей у обрыва, с которого я недавно сбросил Энгельберта. Не прошло и пяти минут, как за скалой раздались шаги, я увидел Угольфа, он, однако, был не один — за ним следовало еще пять юношей. Один из них, стоявший близко ко мне, оказался парнем лет шестнадцати, коренастым и широкоплечим, небольшого роста. У него было квадратное лицо с выдающимся подбородком, крепко сжатые зубы и довольно низкий лоб. Вторым был худощав, высок и слегка горбился. У него были мягкие черты лица и серые глаза; лиц остальных я не разглядел в сумеречном освещении.

Мы проскользнули в пещеру, где было совершенно темно и невыносимо тесно. Я себя очень странно чувствовал, так как мне не приходилось разговаривать с людьми, не видя их лиц.

— Слушай, чужеземный друг, — обратился ко мне Угольф. — Я привел с собой своих приятелей, — помнишь, ты мне разрешил обо всем им рассказать. Они готовы исполнить твои приказания. Если ты обещаешь им, что их потом не сделают бесплодными рабами, они тебе будут во всем повиноваться.

Я объяснил Угольфу и его друзьям, что, если мы уничтожим власть арийских вождей, на острове все изменится, сюда прилетят другие люди, мои братья, и для всех начнет новая жизнь.

— Когда же мы нападём на вождей? — спросил один из юношей, лица которого, я не видел.

Я ответил, что нужно начать готовиться, дней же через десять-пятнадцать мы сможем выступить. Если, однако, кто-либо проболтается, то все мы погибнем. Необходимо иметь хоть какое-нибудь оружие, так как у вождей имеются мечи и ножи, не говоря уже о том, что младшие вожди сильнее испытуемых. Угольф с огорчением заметил, что у них ничего, кроме палок и камней, нет. В этот момент я вспомнил, что видел в храме много старых тесаков; они, правда, покрыты невероятной ржавчиной, все же при помощи песка и камня их можно было бы очистить.

У меня начал созревать план захвата этого оружия; если бы я вновь попал в храм; я мог бы попытаться найти радиостат, в крайнем случае я сумел бы похитить оттуда тесаки. Я вспомнил, что у меня в кармане сохранилось несколько таблеток снотворного препарата, которым я изредка пользовался. Двух таких таблеток было бы достаточно, чтобы усыпить на некоторое время вождя, охранявшего храм. Я простился с испытуемыми, напомнив им еще раз о необходимости соблюдать строжайшую тайну.

На другой день я с независимым видом отправился в долину смерти, добрался до храма и смело подошел к его двери, протянув вверх руку и сказав «хайль» стоявшему у входа вождю. Он был удивлен моим необычным поведением, однако ответил на мое приветствие: все младшие вожди считали, что Зигфрид по-прежнему мне благоволит. Я сделал несколько комплиментов его росту, мускулатуре

и чистоте его арийского происхождения. Младший вождь, сохраняя суровый вид, не мог в то же время скрыть, что он чрезвычайно доволен моими словами.

Поболтав с ним несколько минут, я распростился и отправился в обратный путь. На другой день я условился с Угольфом и одним из его друзей Румом, что перед заходом солнца они спустятся с горы испытуемых и спрячутся вблизи храма.

Когда последние лучи солнца осветили вершины скал, я вновь приблизился к младшему вождю, сидевшему на ступеньках, ведущих в храм. В руке у меня была выдолбленная в виде бутылки тыква, наполненная арийским напитком. Я взял ее у Кора, обещав ему за это свою обеденную порцию. Кроме того, я обещал ему взять на себя ответственность в случае, если это преступление раскроется. На всякий случай я растворил в жидкости не две, а три таблетки.

Младший вождь встретил меня довольно благожелательно и вскоре с любопытством спросил, что у меня в тыкве. Я с деланным смущением ответил, что Зигфрид дал мне немного напитка.

— Врешь, — возразил вождь, — это ты украл, давай я попробую.

Вслед за этим он приложил к губам горлышко тыквы, и слышно было, как он жадно глотал жидкость. Выпив все до конца, младший вождь протянул мне тыкву и с издевкой сказал:

— Теперь пей ты.

Я, сделав вид, что огорчен и обижен, отошел от младшего вождя, который послал мне вдогонку несколько насмешливых фраз. Затем он лег и вскоре заснул мертвым сном.

Я тихо свистнул, через несколько мгновений ко мне подбежали Угольф, Рум и еще один юноша, имени которого я не знал. Мы подошли к младшему вождю, я толкнул его ногой, он даже не пошевелился. Откровенно говоря, я испугался, не дал ли я ему смертельной дозы. Однако, некогда было заниматься этим вопросом, и я в сопровождении Угольфа и Рума вошел в храм, третий же испытуемый остался на страже.

Мы не сумели найти факела, а внутри храма было почти темно, лишь один сектор освещался огнем, горевшим на алтаре. В первую очередь мы разыскали на ощупь тесаки, висевшие на стене и лежавшие в нишах. Мы набрали их штук двадцать пять. Угольф и Рум поспешили унести их из храма. Я тем временем стал искать радиостат. В течение получаса я тщательно обыскал большую часть храма, но ничего не нашел. Оставалась еще лишь часть, примыкавшая к алтарю и статуе Вотана.

Не успел я, однако, приблизиться к этому месту, как услышал свист испытываемого, стоявшего на страже. Я выбежал, и он тревожным голосом шепнул мне, что в долине смерти слышны чьи-то шаги. Угольф и Рум уже давно исчезли, и мы с третьим испытываемым поспешили по крутой незнакомой мне дорожке. Перед уходом я успел сильно толкнуть спавшего вождя, он застонал и приподнялся.

Видимо, до Зигфрида дошли сведения о моем ночном приключении, так как он со злобой сказал мне:

— У тебя действительно дурной глаз, ты навел тяжелый сон на одного младшего вождя. Он рассказывает о тебе невероятные вещи; по его словам, у тебя были рога и длинный хвост. Перестань шататься по острову, грязный метис.

Я давно не слышал этого оскорбительного выражения и огрызнулся, Зигфрид замахал на меня посохом и злобно зарычал. Я решил отойти в сторону и не обострять напрасно отношений.

После этого прошло четыре дня, в течение которых Зигфрид со мной не разговаривал, бросая лишь на меня мрачные взгляды. Кроме того, он запретил мне входить в пещеру, заявив:

— Можешь спать на земле, проклятая собака.

Я, опасаясь ночного нападения, спал каждую ночь в другом месте, причем меня невыносимо кусали москиты.

Вернувшись через четыре дня после посещения храма с горы испытываемых, где я виделся с Угольфом, сообщившим мне, что тесаки уже очищены и розданы испытываемым, я подошел к нашей пещере и увидел, что дверь прикрыта.

Днем это обычно никогда не делалось.

Заинтригованный этим, я приложил ухо к двери и сообразил, что в пещере находятся, кроме Зигфрида, еще два-три вождя. Я слышал голоса, но совершенно не разбирал слов. Я осторожно, слегка приоткрыл дверь и сквозь узкую щель услышал голос Зигфрида:

— Его надо убить, иначе он нам доставит много бед. Я его прежде жалел, а теперь он мне надоел.

Тогда чей-то незнакомый мне сильный голос сказал:

— Зачем медлить? Я его завтра где-нибудь подстерегу, разрублю ему череп и сброшу со скалы.

— Что ж, ты сделаешь угодное богам дело, брат Юлиус, только смотри, не медли.

Я поспешил отойти от пещеры и скрыться в расселине. Минуты через две из пещеры вышли трое вождей. Зигфрид их проводил и вернулся. Я теперь прекрасно понимал, что наступил решительный момент, нельзя было терять ни одной минуты.

Всю ночь я провел без сна, обдумывая план дальнейших действий. С первыми лучами солнца я направился к горе испытуемых. Мне опять очень повезло, так как я сразу нашел Угольфа; мы влезли в нашу пещеру, и я сообщил ему, что этой ночью нужно выступить.

Разработанный мною план сводился к следующему: я останусь в пещере в течение всего дня, вечером спущусь в долину смерти, где меня должны ждать пять испытуемых, из которых, по крайней мере у двух, должны быть тесаки, у остальных же камни. Далее Угольф и пятеро его друзей должны незадолго до захода солнца собрать своих сторонников, раздать тесаки самым смелым и сильным, остальных вооружить камнями и палками, разбить их всех на шесть отрядов из семи-восьми человек каждый. Один отряд под руководством Угольфа должен неожиданно напасть на четырех младших вождей, охраняющих ущелье самцов и самок. Второй отряд должен обрушиться на младших вождей, охраняющих продовольственный склад и там же спящих. Третий отряд — напасть на младших вождей, следящих за рабами. Остальным отрядам необходимо поручить нападение на пещеры, где жили вожди, в первую

очередь на пещеру Зигфрида, которого я считал необходимым захватить живым для того, чтобы на всякий случай иметь заложника.

Нападение должно быть произведено обязательно в одно и то же время, чтобы не дать нашим врагам возможности соединиться, так как в противном случае мы потеряли бы наше единственное преимущество — неожиданность нападения. Мы условились, что все отряды должны выступить немедленно после заката солнца. Местом сбора после окончания операции была назначена площадь перед храмом. Основной метод нападения должен был заключаться в том, чтобы застать младших вождей врасплох.

Мне казалось, что Угольф понял все мои указания и не испытывал чувства робости и страха. В то же время, однако, я далеко не был уверен в других испытуемых. Я думал, что в них слишком долго подавлялась воля и воспитывалось чувство беспредельного страха перед младшими вождями; я опасался, что при виде вооруженных мечами вождей моя армия разбежится и попрячется в свои норы. Другого выхода, однако, не было. По существу, мне нечего было терять и нечем было рисковать: я знал, что вожди решили меня убить. Задуманный мною план давал хотя бы некоторые шансы на успех.

В течение всего дня я скрывался в пещере, три раза ко мне прибегал Угольф. Он рассказал, что все идет благополучно, ему и его друзьям удалось подготовить человек пятьдесят испытуемых, самые сильные и смелые уже получили тесаки и спрятали их в укромные места, остальные приготовили острые камни и веревки, сделанные из лиан. Все ждут сигнала Угольфа, только один подросток перетрусил и хотел донести младшему вождю, но его связали и заткнули рот тряпкой. Теперь он лежит спрятанным в пещере. Во время последнего посещения Угольф принес мне тесак, тщательно очищенный от ржавчины, даже рукоятка его была натерта песком.

Я с нетерпением ждал приближения сумерек, и мне казалось, что день никогда не кончится. Я все время испытывал чувство сильнейшей тревоги, так как опасался, что

кто-либо из испытуемых проболтается и все будет раскрыто. Мне все время казалось, что я слышу чьи-то шаги, что приближаются вожди, готовые меня схватить.

Как только наступили сумерки, я выскочил из пещеры и, прячась за камнями, направился в долину смерти. Неожиданно я услышал за собой какой-то шорох и судорожно сжал рукоятку тесака. В этот момент от скалы отделилась тонкая фигура подростка, он приложил палец к губам, и я понял, что Угольф послал этого испытуемого охранять меня с тыла.

Никем не замеченные, мы через полчаса спустились в долину смерти, где нас ждали еще четыре испытуемых. Они, видимо, очень волновались, но, увидев меня, выпрямились и приняли воинственный вид. Я послал одного из них на рекогносцировку, он вскоре вернулся и сообщил, что у дверей храма сидят двое младших вождей, а третий, очевидно, находится внутри, было слышно, что сидевшие вожди с кем-то переругиваются.

Это обстоятельство несколько меня смутило, — я рассчитывал встретить здесь одного, максимум двух врагов, их же неожиданно оказалось трое. Очевидно, были приняты меры по охране храма в связи с последним моим посещением его.

Я понимал, что если мой «отряд» почувствует, что я колеблюсь, то все будет потеряно. Необходимо было немедленно действовать. Мы условились, что я один подойду к младшим вождям; когда же они на меня набросятся, испытуемые должны напасть на них с боков и сзади. Главное было — покончить с ними до тех пор, пока к ним не присоединится третий младший вождь.

Через несколько мгновений я, пряча за спиной тесак, приблизился к сидевшим вождям, один из них пошел ко мне навстречу, подняв над головой меч. Я спокойно стоял, держа руки за спиной, второй младший вождь продолжал сидеть на камне, подбадривая своего собрата:

— Разруби ему башку, вождь вождей велел убить чужеземного пса, где бы мы его встретили.

Мой враг находился в двух шагах от меня. Я ясно видел его злобно блестящие глаза, он считал меня безоружным и наслаждался моим бессилием. Слегка сгорбившись, я приготовился к прыжку, оперся левой пяткой о камень и неожиданно сделал выпад правой ногой и рукой. Младший вождь, застигнутый врасплох и ошеломленный, пытался защититься, но не успел опустить свой меч, как мой тесак пробил ему грудную клетку в области сердца. Со стоном он свалился наземь. В этот момент ко мне подбежал второй младший вождь, а из храма спешил третий.

Я решил, что мои воины испугались и спрятались, однако через мгновение с правой стороны храма выбежало трое испытуемых, слева двое других. Они набросились на младших вождей, однако те успели подготовиться к нападению и стали друг к другу спиной, так что преимущество было на их стороне. Раздались удары мечей и тесakov, я поспешил на помощь к моим друзьям, державшимся в высшей степени мужественно.

Когда я уже приблизился к сражавшимся, то увидел, как один из испытуемых упал с окровавленной головой, другой же держался рукой за раненое плечо. Один из подростков отбежал в сторону и, как я думал, пустился в бегство; но он поднял с земли камень и метнул его в лоб одному из младших вождей; тот зашатался; этим воспользовались двое других испытуемых, и через мгновение он лежал на земле. Уцелевший младший вождь ударом меча бросил на землю атаковавшего его испытуемого, не имевшего тесака. Не успел я опомниться, как он пробежал мимо меня и исчез в темноте.

Мы поспешили к храму, надеясь найти там еще оружие, однако через несколько минут раздался звук рога, и я понял, что бежавший вождь успел поднять тревогу. Я решил оставить трех испытуемых в храме, который должен был явиться нашей штаб-квартирой и базой. Убедившись, что раненый в голову юноша мертв, я оттянул его тело в сторону от тропинки и, захватив с собой раненого в руку испытуемого, поспешил к центру острова, на площадь великого судилища.

По дороге я начал ощущать все большее беспокойство и тревогу: возможно, что мы слишком рано напали на младших вождей у храма, другие же отряды еще не успели выступить; не исключено, что бежавшему вождю удалось временно поднять тревогу, и теперь все вожди уже собрались на площади; возможно, что Угольф и его друзья уже разбиты. Мои опасения отчасти оправдались.

Когда мы приблизились к площади, я увидел, что там идет бой. Человек двадцать арийских и младших вождей теснили напавших на них с одной из тропинок испытуемых, которых я насчитал человек тридцать. При свете луны я увидел Угольфа с тесаком в руках, с яростью тигренка налетавшего на младшего вождя. Я сообразил, что тропинка вела в тыл вождям и что я по ней не смогу пробиться к своим. Пришлось изменить направление, причем я потерял вследствие этого несколько минут.

Когда я с тесаком в руках приблизился к испытуемым, я увидел, что дело почти проиграно: вожди наступали сомкнутым рядом, несколько испытуемых лежало на земле, часть остальных, видимо, была близка к панике. Я напряг все свои умственные силы в поисках выхода. Самым простым было броситься с тесаком в руке на вождей, но это ничего не изменило бы в соотношении сил. Далее я мог собрать испытуемых и бежать с ними к храму, но это означало бы полное поражение, так как нас окружили бы в храме и взяли бы измором.

В этот момент я вспомнил, что три дня назад, уходя из пещеры, я положил в карман найденную мною в храме ручную гранату. Вероятнее всего, она давно отсырела и пришла в негодность, но необходимо было попытаться ее использовать. Я поднялся на камень и громко закричал Угольфу: «Сюда!» Тот обернулся, нанес удар подбежавшему к нему младшему вождю и бросился ко мне, за ним последовали остальные испытуемые.

Воспользовавшись короткой паузой, продолжавшейся не больше секунды, я поднял гранату и изо всех сил бросил ее в толпу вождей. Через мгновение, показавшееся мне вечностью, раздался оглушительный взрыв, и площадь окута-

лась едким дымом. Когда он рассеялся, я увидел кучу тел и несколько вождей, убегавших по тропинкам.

Я отправил половину испытуемых в погоню за убежавшими, сам же спросил Угольфа, как обстоит дело. Он, волнуясь и едва выговаривая слова, сообщил мне, что сначала все шло прекрасно; его отряд проник в ущелье самцов, там они застали врасплох стражу, двух убили, один сдался и был связан, четвертый успел бежать. Самцы, хотя ничего не понимали в происшедшем, вопреки нашему ожиданию все же полезли в драку. Однако, Угольф догадался открыть ворота в ущелье самок, они все бросились туда, после чего ворота были вновь закрыты. Что касается рабов, то ими овладела отчаянная паника, и они попрятались по своим норам. К несчастью, однако, другие отряды задержались и захватили в пещерах лишь небольшую часть вождей. Вскоре раздался звук рога, Угольф со своим отрядом бросился на площадь судилища, к нему присоединились другие, но часть испытуемых испугалась и дезертировала. В результате вожди успели собраться на площади, и испытуемым пришлось очень туго, многие из них проявили исключительное мужество и до конца сопротивлялись контрнаступлению вождей.

— Если бы не твои гром и молния, — сказал Угольф, — мы погибли бы.

Я велел дать сигнал, и вскоре возле нас собралось человек двадцать испытуемых. Двенадцать, оказывается, разбежалось, восемь погибло от ударов вождей, десять отправилось в погоню, трое же остались в храме. Мне пришло в голову, что бежавшие вожди могли направиться к храму, чтобы его захватить; оставив десять испытуемых на площади судилища, я поспешил; с остальными в долину смерти. Когда мы приблизились к храму, то увидели, как четверо вождей пытались разбить бревном дверь, а в стороне стоял Зигфрид, отдававший приказания. Мы с криком набросились на них. Зигфрид и еще двое вождей исчезли в темноте, трое же остальных набросились на нас, как безумные. Один из них, человек лет пятидесяти, пытался ударить меня мечом, но я подставил ему тесак. Удар был на-

столько силен, что мое оружие было выбито из рук, и я почувствовал сильную боль в предплечьи.

Еще мгновение, и второй удар раздробил бы мне череп, но неожиданно перед моими глазами промелькнула веревка, и арийский вождь схватился руками за горло, стянутое петлей. Я понял, что это был аркан, брошенный одним из испытуемых, видевшим мое критическое положение. В то же время остальные испытуемые, вооруженные тесаками, сбили наземь второго вождя, третий спасся бегством.

Я подошел к двери храма и велел забаррикадировавшимся в нем испытуемым отодвинуть засов. Те узнали мой голос, дверь открылась. Оказалось, что из трех юношей один был ранен, так как вожди напали на них врасплох, и им удалось с большим трудом втащить раненого в храм и запереть на засов дверь, которая уже дала несколько трещин под ударами бревна.

Я только теперь обратил внимание на свою раненую руку, по которой стекала кровь. Перевязав ее лоскутом, я поспешил приступить к поискам радиостата, так как боялся ослабеть от потери крови.

Я при этом забыл о мерах предосторожности и не поставил у дверей храма часового; это легкомыслие мне вскоре дорого обошлось.

В сопровождении двух испытуемых, державших горящие факелы, я подошел к статуе Вотана и осмотрел весь участок храма, находившегося за алтарем. Мои поиски были, однако, безуспешными: нигде не было и следов приборов, уцелевших при катастрофе. Я начал было уже терять терпение, склоняясь к выводу, что Зигфрид успел все уничтожить. Неожиданно мне пришла в голову мысль отодвинуть в сторону статую. Она оказалась легче, чем я думал, так как ее пьедестал был полый. Я с помощью испытуемых поднял статую и увидел под ней приборы, которые с таким нетерпением искал.

Дрожащей рукой я схватил радиостат, проверил, действует ли селеновая батарея, убедился в том, что волновая клавиатура находится в порядке, соединил батарею с трубча-

тым аппаратом, дал позывной сигнал стратоплана и начал выстукивать радиограмму:

«Стратоплан С-451 потерпел аварию год назад, нахожусь на острове, лежащем $90^{\circ} 35' 28''$ южной широты и $30^{\circ} 14' 31''$ восточной долготы».

Я на несколько секунд остановился и решил повторить радиограмму, дополнив ее сообщением о необходимости присылки нескольких больших стратопланов. Не успел я дотронуться до клавиатуры, как почувствовал сильный удар в голову и потерял сознание.

Очнулся я лишь на следующий день и сначала не мог сообразить, где нахожусь. С трудом вспомнил происшедшее. Как в тумане, передо мной пролетали сцены восстания. Очевидно, вожди победили, и я опять лежу скованный в пещерной тюрьме, в ожидании судилища. Я с трудом поднял руку и коснулся лба, при этом почувствовал, что у меня голова перевязана и малейшее прикосновение к пей причиняло сильнейшую боль. Ногами я мог свободно двигаться. Я повернул голову и застонал от боли в области виска. Немедленно ко мне приблизилась какая-то фигура, и я к своей величайшей радости увидел Угольфа.

— Слава богам, ты жив, чужеземный друг, — сказал он. — Мы думали, что ты уже находишься на пути в Валгаллу. Эта проклятая собака едва не размозжила тебе голову.

Я вспомнил удар, приведший меня к потере сознания, и тихо спросил:

— Кто это был?

— Зигфрид. Он незаметно пробрался в храм и спрятался за алтарем. Когда ты начал колдовать над блестящим ящиком, он бросил в тебя топор и едва не убил.

— А ящик? — дрожащим голосом спросил я.

— Ящик разбит вдребезги. Я сохранил для тебя то, что от него осталось.

Это сообщение подействовало на меня ошеломляюще. В моей памяти, очевидно, от удара образовался провал, и я не мог вспомнить, успел ли я дать радиограмму или только собирался это сделать. Иногда мне казалось, что я ясно помню содержание радиограммы, данной мною, через ми-

нута же я решал, что не успел еще коснуться клавиатуры, когда топор Зигфрида разбил аппарат.

Минут двадцать я лежал в состоянии полной прострации, затем, вновь придя в себя, спросил Угольфа, что стало с Зигфридом. Тот нахмурился и ответил:

— Мы его убили тесаками.

— Каково теперь положение на острове?

— Почти все арийские вожди убиты, только четверо куда-то скрылись. Пять младших вождей убежало, четверо сдались в плен, они лежат связанными в пещерах, и их охраняют. Что ты прикажешь делать дальше, вождь вождей?

Я предложил Угольфу не применять в отношении меня этот титул и сказал ему, что нужно раздать всем, в первую очередь испытуемым, запасы продовольствия из складов, а затем накормить бывших рабов.

— Почему бывших? — спросил Угольф.

— Потому что с этого момента они уже больше не рабы.

Угольф ничего не возразил.

— Далее, — продолжал я, — должны начать работать в поле не только рабы, но и испытуемые, а также нужно туда послать самцов и самок.

Угольф улыбнулся и заметил, что с последними вряд ли что выйдет. Что касается испытуемых, то он с ними переговорит. Я, однако, заметил, что Угольф произнес это неуверенным голосом.

Часа через два Угольф вернулся ко мне очень огорченный и расстроенный. Оказалось, что среди испытуемых мое предложение вызвало недовольство: многие заявляли, что они не хотят работать, что для этого есть рабы, которые ни на что другое не годятся.

Я тогда велел Угольфу собрать всех испытуемых на площади судилища и перенести меня туда на носилках. Угольф уговорил меня, однако, отложить это предприятие до завтрашнего дня, так как он боялся, что я не выдержу тяжелой дороги по крутой тропинке.

На следующий день утром раздался звук рога, испытуемые принесли носилки, меня положили на них, и четыре человека вынесли меня из храма. Дорога потребовала око-

ло часа, в течение которого я несколько раз терял сознание. Наконец, я оказался в центре свастики — на площади судилища. Приподняв голову, я увидел, что вокруг собралось около сотни испытуемых, в том числе много подростков.

Я сказал им следующее:

— Мы с вами устроили восстание к уничтожили власть арийских вождей, на острове начинается новая жизнь, вы же хотите, чтобы все осталось по-старому, чтобы новые вожди угнетали рабов, и вас самих.

Значительная часть испытуемых ответила, что они готовы слушать мои приказания, остальные же либо молчали, либо проявляли недовольство. Чувствуя, что теряю силы, я приказал всем подчиняться Угольфу, который будет меня заменять. После этого я потерял сознание.

В течение двух дней я находился в бредовом состоянии, перед моими глазами проносились лица вождей, сцены борьбы, воспоминания детства. В минуты просветления я вновь задавал себе мучивший меня вопрос: успел ли я дать радиограмму?

Наконец, наступило утро, когда я почувствовал себя бодрее, и слабым голосом позвал Угольфа. Он вскоре явился и сообщил мне, что ему удалось подобрать двадцать пять испытуемых, готовых подчиняться всем моим приказаниям. Они вооружились мечами, отнятыми у вождей, остальное же оружие спрятали в храме, охраняемом стражей. Человек двадцать испытуемых, не участвовавших в восстании, а также дезертиры, куда-то скрылись и, по-видимому, присоединились к бежавшим после восстания вождям.

В то время, как мы беседовали, я неожиданно услышал знакомый мне шум и почувствовал сильнейшее сердцебиение. Мне показалось, что я слышу, как опускается стратоплан; сначала я решил было, что это слуховая галлюцинация. Однако, через несколько минут прибежал один из испытуемых, стоявший на страже, и с ужасом закричал, что на берег с неба упала большая лодка. Я велел Угольфу немедленно отправиться на берег и в случае, если из лодки выйдут люди, привести их сюда.

Минут через сорок я понял, что спасен, так как Угольфф вбежал ко мне с криком:

— Они идут!

От волнения или просто от слабости, я вновь потерял сознание.

Я очнулся в Мельбурне, около моей постели стоял врач, сообщивший мне, что моей жизни не угрожает опасность, так как операция прошла вполне удачно. На мой вопрос, посланы ли стратопланы на остров Арию, мне ответили утвердительно. На другой день вечером, когда я чувствовал себя значительно бодрее, я узнал, что стратопланы вернулись, так как они не нашли острова, на котором я прожил больше года. Как позже было выяснено, этот вулканический остров опустился на дно моря.

Последнее воспоминание о старом мире — остров Ария — исчезло с лица земли, и только я один мог рассказать все виденное мною в стране арийцев.

Думая о пережитом мною, я с глубоким сожалением вспоминаю Угольфу, Рума и нескольких других испытуемых, которые, как я уверен, могли бы сделаться полезными гражданами мировой коммуны.

ЕДИНСТВЕННЫЙ И ГЕСТАПО

1

ти записки пишутся в довольно необычных условиях, обеспечивающих мне однако достаточно свободного времени. При этом автор этих страниц не только борется со скукой, но ставит себе в то же время вполне конкретные задачи. В первую очередь автор считает своим священным долгом представить себя читателям.

Я — последовательный индивидуалист и чисто физиологически не выношу всего, что напоминает собою толпу, массу, коллектив. Когда я попадаю в места большого скопления людей, я чувствую приближение приступа морской болезни. Один запах пота чего стоит.

Я откровенно признаюсь, что единственной ценностью в мире считаю себя, и люблю со стороны наблюдать за работой моего мозга, ощущать работу своих органов. Я люблю свое лицо и часто смотрюсь в зеркало. В этом, однако, нет ничего от нарциссизма.

Мне всегда делается смешно, когда меня спрашивают о моих убеждениях. Я должен категорически заявить, что никогда не был сторонником Третей империи, но и не был ее врагом. Я в своей жизни не испытывал чувства политической вражды, так как у меня не было и нет политических убеждений, правильное — у меня вообще нет убеждений. Я считаю, что для того, чтобы верить во что бы то ни было, необходимо страдать каким-то мозговым дефектом.

Наш земной шар представляет собой крошечный червиный орешек, продолжающий вертеться, пока его не расколют космические щипцы. Революции, войны, политическая борьба, происходящие на этом орешке, имеют не большее значение для мира, нежели возня муравьев для нас.

Далее, я не намерен пожертвовать хотя бы одним своим волосом во имя блага будущих поколений. Это сказки для дефективных детей.

Таким образом для меня существует одна единственная реальность — это я сам, Карл Штеффен, который должен получить максимум удовольствий в течение короткого периода, времени, называющегося человеческой жизнью. Максимум наслаждений, минимум страданий. Как это ни странно, подавляющее большинство людей этого не понимает и, вместо того чтобы жить, всю свою жизнь пытается провести блестящий шарик через игрушечный картонный лабиринт. Шарик постоянно проваливается; тогда встряхивают коробку и вновь начинают его катить, стремясь провести мимо отверстий. Меня больше всего возмущает, что даже большинство очень состоятельных людей не обладает талантом жить. Если бы я был богат, то сумел бы взять от жизни все лучшее.

Мне однако не повезло в этом отношении. Мой уважаемый родитель, очевидно, придерживался принципов, аналогичных моим, и весьма мало заботился о будущем своего потомства. Должен откровенно признаться, что мне помогла мировая война, заставшая меня студентом юридического факультета. Я с первого же момента понял, что окопы, пулеметы, взрывы — все это не соответствует моему пониманию жизни. Характерно, что это сознают очень многие, но, будучи, лишены всякого воображения, не знают, как избавиться от прелестей войны. Дураки дают себе прострелить руку или ногу и с торжеством возвращаются домой, умные люди находят другие, менее болезненные, но более эффективные способы.

Годы войны я очень неплохо прожил в Швейцарии, Дании, Голландии, выполняя кое-какие поручения, называемые вульгарными людьми шпионажем. Я предпочитаю другой, более поэтический термин: война в темноте. Я убедился, что наслаждения, даваемые жизнью при наличии денег, никогда не были так интенсивны, как испытанные мною в нейтральных странах, вокруг которых бушевала война.

Что может быть приятнее вечера на террасе отеля над Женевским озером? Сидишь в удобном кресле после хорошего ужина, потягиваешь сигару к ждешь свидания с молодой курочкой. А в нескольких десятках километров грохочут орудия, валяются трупы, пахнет мертвечиной. Этот контраст заставлял меня острее и глубже наслаждаться всем тем, что жизнь дает человеку, имеющему деньги и умеющему ими пользоваться.

Я себе не сделал карьеры в качестве разведчика, так как всегда руководствовался принципом: лучше быть пять минут трусом, нежели всю жизнь покойником. Я предоставлял другим рискованные поездки во Францию и Италию и должен покаяться, что очень часто посылал своему начальству выдуманную мною самим информацию. В этом я не видел ничего плохого: ведь фантазия одаренного человека ничем не уступает действительности, а главное — ведь я регулярно продолжал получать деньги.

Война, к сожалению, довольно быстро окончилась, я вновь оказался на родине и притом совершенно без денег. Я никогда не берегу денег, так как с ужасом думаю о том, что я могу внезапно умереть в то время, как в моем бумажнике еще лежали бы неиспользованные мною несколько сот марок. Я бы себе этого никогда не простил.

Один из моих друзей помог мне найти работу в банке, но я там оставался недолго. Я берусь доказать любому социологу, что труд является противоестественным состоянием и совершенно неприемлем для сознательного человека.

Я прекрасно понимаю, что кто-то должен работать, но почему это должен делать обладающий только одной короткой жизнью? Работать должны люди, ни на что другое не способные, не умеющие жить и не чувствующие аромата жизни.

Ведь есть люди, у которых вкусовые бугорки на языке не ощущают вкуса устриц или шампанского; было бы нелепо тратить на них эти прекрасные вещи. Так же нелепо было бы кормить гурмана блюдами, которые любит всякий обыватель. Недаром говорили древние римляне: каждому свое.

Я очень уважаю людей, которые трудятся и, возможно, находят в этом удовольствие, — людей, которые довольствуются малым. Но бедный Штеффен любит устрицы и шампанское и терпеть не может запаха пота, в том числе и трудового. Да, Штеффен, ты всегда был эстетом и таким ты умрешь.

Конечно, проще всего брать деньги, так сказать, уже в препарированном виде — в чужом несгораемом шкафу или бумажнике. Только мещане могут видеть в этом что-либо постыдное. Но этот метод добывания денег имеет одну весьма неприятную сторону: рано или поздно приходится познакомиться с уголовной полицией, судебным следователем, тюремной камерой, где спят и портят воздух потеющие дураки. Наконец, чистка уборных, отвратительная похлебка — фу, какая гнусность!

Нет, я раз навсегда решил не вступать в открытый конфликт с уголовным кодексом. Кроме того, для одаренного человека открыты и другие пути. Существует много способов приобретать деньги: основная предпосылка — остроумие и наличие фантазии. Человеку, лишенному воображения, ничего, конечно, не остается другого, как быть честным тружеником.

Я прекрасно понимал, что в условиях милой Веймарской республики для того, чтобы чего-нибудь добиться, необходимо иметь визитную карточку с титулом доктора, видимость профессии и наконец соответствующие конъюнктуре политические связи. Раньше всего я конечно позаботился о визитных карточках. Это стоит очень недорого и через два дня на пергаментных карточках каллиграфическим почерком было выведено: «д-р Карл Штеффен — корреспондент “Базлер нахрихтен”». По правде говоря, редакция базельской газеты вряд ли догадывалась, что бесплатно приобрела сотрудника, но от этого абсолютно ничто не изменилось.

Я должен сознаться, что до этого времени журналистикой не занимался, но был убежден, что моя работа в области «войны в темноте» (я уже упоминал, что терпеть не могу грубого слова «шпионаж», ассоциирующегося в моем

мозгу с разными неприятными вещами вроде веревки, венсенского полигона и т. п.) являлась первоклассной школой журналистики.

Вооруженный монблановским пером с белой звездочкой, я явился в редакцию «Форвертса». В то время всякий разумный человек ставил на социал-демократическую лошадку — она была несомненным фаворитом. Откровенно говоря, я социал-демократов не люблю — они абсолютно лишены чувства юмора, которым вообще не блещет наш милый народ. Мало того, что они чертовски скупы, они еще к тому же очень мелкокалиберны. Они могли превратить Германию в свое собственное финансовое предприятие, а вместо этого организовали акционерное общество для того, чтобы разделить ответственность, и в припадке трусости раздали столько акций, что сами не знали, у кого в портфеле контрольный пакет. В то время, однако, умный человек шел к «эспедэ».

В редакции меня встретили очень тепло, эти субъекты понимали, что человек с моими способностями и остроумием может им весьма пригодиться. Кроме того, у меня были с некоторыми социал-демократами точки соприкосновения во время войны, среди них изредка встречаются умные люди. В качестве сотрудника социал-демократических изданий я часто бывал у самых главных бонз, составлял для них интервью, воспевал таланты Германа Мюллера и мужество «маленького металлиста»^{*} — словом, делал вещи, от которых можно было получить половое бессилие.

Конечно, на деньги, получаемые мною в редакции, я прожить не мог, даже если бы забыл о моем standard of life незабвенной эпохи войны.

Я вскоре все же нашел дополнительные источники доходов. Вообще я убедился, что на свете существует огромное количество тонкошерстных баранов, которых при наличии острых ножниц можно безболезненно стричь. Главное — побольше свежести мысли и поменьше рутины. Далее,

^{*} «Маленьким металлистом» любил себя называть Карл Зеверинг (*Здесь и далее постраничные примечания из первого издания*).

как можно больше знакомств, но притом такого свойства, что ты о других все знаешь, а они о тебе — ничего. Необходимо так устроить, чтобы о тебе не помнили, но когда ты подойдешь, то тебя приветствовали бы: «Как поживаете, милый доктор Штеффен?»

Очень полезны знакомства с молодыми иностранными дипломатами: у них обычно есть много денег и столько же трогательной наивности. Стоит, например, переписать на ундервуде несколько страниц из статьи, напечатанной в провинциальной газете, затем сфотографировать маленьким аппаратом — и вы найдете любителя, скажем, в польской миссии, который вам заплатит пятьдесят-сто марок.

За текст, выдуманный целиком, можно получить значительно больше. Еще Анатоль Франс заметил, что фальшивый документ несравненно более правдоподобен, нежели подлинный.

Весьма рентабельно также оказывать молодым дипломатам небольшие личные услуги, например помогать им завязывать знакомство с дамами. При этом приходится консультироваться с так называемым отделом «Э» министерства иностранных дел, оказывающим дипломатам те же услуги, только в более широком масштабе.

Мне, однако, удавалось вносить в это дело элемент индивидуального обслуживания, свободного от сухого бюрократизма и способного учесть те или иные свойства конституции уважаемого клиента. Ведь вкусы и склонности бывают очень разнообразны.

Конечно, я пользовался десятками других методов добывания денег и прибегал к импровизированным комбинациям; все это, вместе взятое, давало мне возможность неплохо существовать.

Время от времени, однако, бывало необходимо на некоторый период покинуть берлинский асфальт. Тогда я отправлялся на один из фешенебельных курортов и в первый же вечер подвергал внимательному изучению книгу гостей.

Этот вид литературы заслуживает самого серьезного внимания и уважения. Я устанавливал, имеются ли на курорте жены фабрикантов, банкиров, помещиков, приехавшие

без нежнолюбимых супругов. Предпочтение, конечно, необходимо отдавать провинциалкам — они непосредственнее и, главное, наивнее.

Эти сведения, смею заверить, отнюдь не лишены конкретного интереса. В первую очередь, знакомство с дамами хорошего общества возвышающе действует на ум и сердце; кроме того, некоторые темпераментные дамы бывают щедры.

Если же оказывалось, что я слишком поздно приехал и контакт уже не мог быть установлен, то я старался так организовать свои прогулки, чтобы при помощи миниатюрного фотографического аппарата получить несколько очаровательных снимков, могущих представить интерес для уважаемого супруга.

Я, конечно, достаточно джентльмен, чтобы не показать этих фотографий мужу, тем более, что в девяносто девяти случаях из ста имеется риск не получить от мужа ни пфеннига. Гораздо тактичнее и целесообразнее уступить снимок самой даме, готовой иногда заплатить несколько сот марок за трогательную иллюстрацию к «Павлу и Виргинии». Разумеется, цена зависит от степени сходства, романтичности снимка, характера супруга и содержимого кошелька.

Я при этом категорически возражаю против термина «шантажист», это слово звучит грубо и некрасиво. Речь идет, разумеется, не о шантаже, но о своеобразном спорте, удачно разыгранной шутке, не имеющей никаких последствий.

Это, конечно, не единственный способ стрижки мериновых овец. Главное — разнообразие и свежесть мысли; там, где нет движения, — застой и гниение.

Бывали у меня, естественно, и трудные моменты, когда какое-либо предприятие срывалось, и я оказывался временно на мели.

В одну из таких острых минут я с приятелем Георгом отправился в романтическое путешествие в Южную Америку. Откровенно говоря, слово «романтическое» в этом случае может быть применено только ради красоты стиля. Мы с Георгом искали не приключений, а денег, и у нас был разработан план довольно меркантильного характера. Мы

хотели проверить, действительно ли так глупы немецкие колонисты, как о них рассказывают.

Идею подал Георг, но он представлял себе это предприятие в стиле О'Генри, то есть мелкого вульгарного жульничества, к которому я, кстати, питаю непреодолимое отвращение. Я подхватил идею Георга и дал ей рациональное оформление.

В первую очередь, у знакомого типографа мы заказали несколько пачек больших бланков и квитанционных книжек; все это на плотной блестящей бумаге. На бланках и книжках были воспроизведены разнообразные надписи вроде: «Союз верных родине западных пруссаков», «Общество помощи вюртембергским сиротам», «Союз друзей Тюрингии» и т. д. Одновременно мы, естественно, запаслись коллекцией самых разнообразных визитных карточек большого формата (все маленькое вызывает у крестьянина недоверие).

Я должен, впрочем, с полной объективностью признать, что рассказы о легендарной глупости моих южноамериканских соотечественников оказались сильно преувеличенными, и мне не раз приходилось напрягать свои комбинаторские способности, чтобы добиться хотя бы скромных результатов.

Начали мы с Бразилии, но там у нас как-то ничего толком не получалось, и мы с трудом покрывали свои расходы. Не знаю, чем объяснить это: климатом ли, недостаточной ли степенью отупения колонистов, нашей ли неопытностью, но, как бы то ни было, мы убедились, что в Бразилии нам нечего больше терять времени, и направили свои стопы в Аргентину. Возможно, известную роль сыграл опыт, накопленный нами, но во всяком случае мы удивительно быстро акклиматизировались в этой стране и в течение некоторого времени процветали.

В основе нашей деятельности лежал следующий принцип: колонисты, выехавшие из Германии, а в особенности их дети и внуки, быстро отрываются от родины. Нашим долгом является поэтому восстановить эти прерванные нити, заставить вспомнить о родине и прослезиться. Этим делом,

правда, занимаются всевозможные организации, в особенности «Союз немцев за границей», но в те годы и для частной инициативы было открыто широкое поле деятельности.

Методы нашей работы сводились к следующему: в первую очередь мы устанавливали, выходцами из какой германской области являются жители данного поселка. Соответственно этому мы подбирали визитные карточки, бланки и квитанционные книжки.

Мы попадаем в поселок, жители которого лет сорок-пятьдесят назад покинули Тюрингию. В первую очередь необходимо нанести визит господину пастору. Ведем в течение часа благочестивые разговоры, вспоминаем родную Тюрингию. Расспрашиваем пастора, сохранила ли его паства привязанность к родине, подчеркиваем, что в Германии знают о высокополезной деятельности господина пастора.

Собственно, больше говорю я, Георг же обладает талантом внушительно молчать. Зато когда он заговорит, то несет обычно удивительную галиматью. Словом, пастор внимательно слушает, Георг величественно молчит, а я перехожу к «Обществу друзей старой Тюрингии», рассказываю, как оно заботится о своих братьях, живущих за океаном, как оно посылает им диапозитивы, альбомы, журналы, книги. Для того, чтобы пользоваться всеми этими благами, необходимо лишь записаться в члены общества. Кстати, лица духовного звания освобождаются от вступительного и дальнейших взносов. Немедленно вслед за этим записываю пастора в почетные члены «Общества друзей старой Тюрингии».

Беседа заканчивается, пастор надевает шляпу, берет палку, и мы направляемся к местным нотаблям. Нас там хорошо встречают, недурно кормят.

Разговоры обычно одни и те же: «Как живется в Германии?», «Что нового в Тюрингии?», изредка спрашивают, жив ли император.

Пользуясь подходящей паузой, я перехожу к «Обществу друзей старой Тюрингии». Когда дело доходит до записи в действительные члены общества, я начинаю строго допра-

шивать, является ли; данный субъект потомком уроженца Тюрингии, не женат ли он на иностранке. Немедленно после этого появляются ветхие метрические свидетельства, матрикулярные выписки, я все это внимательно осматриваю. Некоторых удивляет высота вступительного взноса. Объясняю, что в дальнейшем ежегодно придется платить пустяки, кроме того, альбомы и прочее обойдутся обществу втрое больше, чем сумма, полученная здесь нами. Наконец, для тех, кто не может заплатить вступительного взноса, существует категория член-соревнователей. Наше общество открывает доступ в свою организацию и беднякам. Слово «бедняки» звучит для уха наших собеседников как пощечина, на столе появляются деньги, желающих записаться в члены-соревнователи нет. Георг вынимает из портфеля огромных размеров бумажник и аккуратно помещает туда деньги (достаточно положить членские взносы в свой боковой карман, чтобы в недоверчивые мужицкие мозги запало подозрение).

Мы тщательно выписываем квитанции, заставляем неофитов расписаться на них, затем просим пастора заверить подписи. Потом все присутствующие расписываются на бланке общества. Мы просим несколько фотографий для нашего журнала. Обычно в течение нескольких часов операция заканчивается, иногда все же, в особенности в больших поселках, приходится переносить ее на следующий день.

Спим мы в самом лучшем доме, на мягких перинах, задыхаясь от жары и духоты. Случается, что нас убеждают остаться до воскресенья. В черных костюмах и с перчатками в руках мы присутствуем на богослужении, авторитетно хвалим проповедь пастора.

Наконец нас провожают; мы обещаем через несколько недель выслать альбомы и диапозитивы. Одна мамаша просит обязательно послать ей стакан, на котором изображен тюрингенский ландшафт, у Мюллеров такой стоит на этажерке. Я, конечно, прекрасно помню этот стакан, и мамаша получит точную копию его.

В следующей деревне меняются бланки и визитные карточки, но идея остается той же. Иногда, впрочем, бывают и неприятные осложнения. Раз приезжаем мы вечером в село, идем к пастору, он принимает нас очень холодно. Я завожу разговор о родном старом Рейне. Пастор что-то бурчит и вдруг на чистейшем баварском диалекте предлагает нам убираться, он не потерпит в своем доме прусских сви-ней.

Нас, оказывается, неправильно информировали: мы попали не к выходцам из Рейнской области, но к баварцам, и притом баварцам-протестантам; такое невезение редко когда случается.

Или в другом месте. Все идет благополучно. Мы сидим в домике у толстого старика с отвислым носом, похожим на лиловую сливу, и длинной фарфоровой зловонной трубкой. Он отвинчивает нижнюю часть трубки, выливает на-текшую туда слюну, опять привинчивает. При этом он и его домочадцы внимательно слушают мои сентенции. Вдруг старик показывает пальцем на Георга и заявляет — еврей. Все наши доводы и аргументы не действуют. Георг не еврей, он чистокровный немец, но у него темные волосы и черные глаза. Надо уезжать из колонии — проклятый старик испортил нам дело.

Так проходит несколько недель; благодаря тому, что негде тратить, а также в силу нашего положения, диктующего нравственный образ жизни, у нас накапливается довольно много денег. Мы делим выручку пополам, руководясь принципом, что никто сам себя не обманет. Георг и я уже начинаем мечтать о развлечениях, которые мы себе организуем в первом большом городе.

Я целиком убежден в том, что наше предприятие носит совершенно безобидный характер, я сказал бы даже, что оно может быть названо национально полезным. Ведь мы пробуждаем у наших заграничных соотечественников интерес к родине: мы рисуем им картины родных мест. Потом они полгода будут ждать обещанных журналов и альбомов. Они их не получают и начнут писать запросы в Германию. Другими словами, установится живая связь с роди-

ной. Что касается финансовой стороны предприятия, то ни одному человеку нами не был нанесен чувствительный ущерб, мы были справедливы и не создали почвы для споров и дразг.

Наше предприятие, однако, неожиданно потерпело крушение из-за осла Георга: он напился и начал в кабачке демонстрировать наши бланки и квитанционные книжки. Полиция приняла нас за подозрительных иностранцев и в ускоренном порядке выслала нас из Аргентины.

Мы с Георгом окончательно разругались, когда выяснилось, что у него при обыске кто-то незаметно изъял почти все деньги. Георг предлагал вновь делиться. Я ему дал деньги на проезд до Гамбурга и послал его к черту: дураков нужно учить и воспитывать.

2

У так, я опять в Берлине. В первую очередь опубликовываю серию фельетонов о Южной Америке. Получается очень удачно, и я вновь возвращаюсь к журналистской деятельности. Вскоре я добиваюсь репутации талантливого журналиста и получаю неплохое предложение от социал-демократического агентства отправиться в качестве его корреспондента в Женеву.

Я во второй раз в Швейцарии, на этот раз, увы, в качестве скромного журналиста с довольно тощим кошельком.

В течение некоторого времени я увлекался своей работой. Убедился, что обладаю качествами первоклассного фельетониста, в частности одним очень редким — юмором.

Мои женевские корреспонденции пользовались успехом, и я начал приобретать имя.

Этот идиллический период моей жизни продолжался недолго. В первую очередь, мне надоело писать по заказу, во-вторых, я органически не приспособлен к жизни бедного,

но честного журналиста. Я не могу без конца обедать в дешевых ресторанах, жить в маленьких неудобных отелях, ухаживать за номерантками и кельнершами.

Я стал искать дополнительных источников дохода; в результате в берлинских и венских револьверных газетах появились корреспонденции из Женевы с таинственным знаком вместо подписи. Редакции этих газет были довольны моей литературной продукцией и платили гораздо щедрее, нежели скупое социал-демократическое агентство. Мои акции начали быстро повышаться, и я почувствовал себя полноценным человеком.

Работа для револьверных газет, дающая возможность широко пользоваться воображением, имеет и неприятную сторону: она требует постоянно новых сенсаций, и притом обязательно персонального свойства. Должен признаться, что это вполне соответствовало моим личным вкусам: я не знаю более занимательного спорта, как издевательство над людьми. Что может быть приятнее, как изобразить в качестве дурака уважаемого и почтенного человека, рассказать несколько интимных анекдотов из его личной жизни, сделать его смешным при помощи двусмысленных намеков!

В течение нескольких месяцев я доставил много неприятностей ряду довольно известных людей. Как-то раз я напоил до бесчувствия одного крупного германского чиновника и потом опубликовал беседу с ним в «Нейес винер журналъ». Эта беседа стоила бедняге карьеры.

В один прекрасный день мне пришла в голову забавная идея, сочетавшая приятное с полезным. Дело в том, что один из руководящих чиновников секретариата Лиги наций относился ко мне не только пренебрежительно, но даже грубо: стоило ему увидеть меня в группе журналистов, как неизменно следовал вопрос: «Вы тоже здесь, господин э... э... э... да, верно, господин Штеффен?» Я решил доставить ему несколько неприятных минут и в то же время получить интересный материал для газеты.

Узнав, что мой враг в отъезде, я являюсь к его супруге. С огорчением слышу, что господина помощника секретаря нет в Женеве. Собиралось уходить, но не спешу, осторожно

делаю комплименты отсутствующему супругу, а потом и мадам. Для меня не секрет, что мадам является нимфой Эгерией своего мужа. Она смущенно опускает глаза. И уверяет, что все это очень преувеличено, правда, муж считается с ее советами. Тогда я удивляюсь, как мадам сочетает такую очаровательную внешность с разносторонними политическими способностями.

Я давно убедился, что лесть не может быть никогда чрезмерно грубой; большинство людей этого не знают.

Словом, мадам таит, завязывается оживленный разговор, в котором моя собеседница берет на себя инициативу, я лишь подаю реплики и время от времени задаю вопросы...

— Да, Н. отвратительный человек, он алкоголик и развратник, он доставляет моему мужу одни лишь неприятности... Знаете, я, откровенно говоря, терпеть не могу немцев, мой муж тоже... Ради бога, простите я забыла, что вы немец.

— Что вы, я совершенно не обижен.

— А знаете, господин Штеффен, что К. за казенный счет оплачивает жиголо* для своей супруги, ему приходится дорого платить, так как не всякий жиголо согласится танцевать с такой уродиной.

— Ха-ха-ха! Зато с вами, мадам, любой жиголо будет танцевать весь вечер бесплатно.

— Перестаньте говорить глупости, я уже старуха, мне тридцать два года.

От этого заявления я цепенею, но быстро прихожу в себя.

Через несколько дней «Нейес винер журнал» поместил интервью с откровенной дамой со всеми именами, подробностями и моими комментариями. Вышел крупный скандал. Немедленно выявилось мое авторство и вскоре я получил письмо от социал-демократического агентства, в котором лаконически сообщалось, что я больше не являюсь его представителем.

Больше мне в Женеве нечего было делать, так как без корреспондентской карточки солидного агентства или га-

* Жиголо — платный танцор в кафе и ресторанах.

зеты я оказывался за бортом. Пришлось вернуться в Берлин.

Вскоре я начал эпизодически сотрудничать в ряде газет, но главным образом в пацифистской «Вельт ам монтаг». Ее редактор фон Герлах очень ценил мои фельетоны за язвительный и хлесткий стиль и остроумные идеи.

В один прекрасный день мне пришла в голову мысль проинтервьюировать национал-социалистских вождей, в первую очередь, конечно, Адольфа Гитлера. В то время я очень низко расценивал потенции этих людей и решил над ними поиздеваться.

Еду в Мюнхен, являюсь к личному секретарю фюрера; Ганфштэнгелю — сыну известного мюнхенского издателя. Ганфштэнгель меня внимательно выслушивает, смотря сверху вниз; я сам не обижен ростом, но этот издательский сынок совсем великан.

Неожиданно он предлагает мне проехаться с ним по городу. Я изумлен и немного обеспокоен.

Машина останавливается у небольшой загородной виллы. Ганфштэнгель просит меня сопровождать его. Мы входим в кабинет, стены которого покрыты всевозможными диаграммами и изображениями черепов. В кресле сидит сухой старичок несомненно профессорской внешности, голова его покрыта странным желтым пухом, очки висят на кончике носа, в глазах маниакальное выражение!

Мой спутник отводит старичка в сторону, что-то ему шепчет на ухо. Профессор кивает головой, оживает, подводит меня к окну, поворачивает меня в равные стороны, ощупывает мой лоб и затылок. Затем он усаживает меня на круглый вращающийся стул и тщательно измеряет мой череп металлическим раздвижным треугольником. При этом он мне дышит в лицо, сопит и записывает в блокнот какие-то цифры.

Закончив эту операцию, старичок мелкими шажками бежит к стене и вытирает носом пыль со своих диаграмм. Возвращается ко мне, опять щупает мою голову и наконец торжественно провозглашает:

— Ариец, я гарантирую это. У него прекрасный северогерманский череп.

Ганфштэнгель благодарит профессора, и мы опять в автомобиле.

— Видите ли, — поясняет мой спутник, — фюрер принимает только арийцев, и мы всех малознакомых людей предварительно проверяем.

Я испытываю чувство тихой радости: у меня уже есть хорошее начало для интервью.

Я в кабинете у фюрера, меня гипнотизируют его чаплиновские усики, но я быстро справляюсь с собой и приступаю к интервью. Сначала трафаретные вопросы:

— Как вы относитесь к Версальскому договору?

— Какого вы мнения о Штреземане?

Вскоре я прекращаю вопросы, так как вижу, что он меня не слушает. Он забыл, что в огромной комнате, кроме него и меня, никого нет, и говорит громко, жестикулируя, как на митинге.

Фюрер пристально смотрит на край потолка и, по-видимому, довольно туманно представляет себе, где он находится.

Я пытаюсь перенять инициативу и остановить поток, грозящий меня затопить, задаю вопросы, кашляю; все напрасно, фюрер меня не слышит и не видит. Усаживаюсь поудобнее в кресло, закуриваю папиросу, начинаю дремать.

Наконец голос стихает, фюрер садится в кресло, спектакль закончен.

— Разрешите мне перейти к вопросам, касающимся вашей личности, приковывающей к себе внимание самых широких кругов, любите ли вы искусство?

— Да, я художник-архитектор.

Вслед за этим следует буря обвинений и ругательств по адресу дипломированных художников, в особенности достается Макс Либерману.

Я спокойно ожидаю, пока буря уляжется.

— Любите ли вы музыку?

— Я без нее не могу жить.

— Нравится ли вам траурный марш Бизе?

- Да, очень!
- А «Трубадур» Шопена?
- Нет, я его меньше люблю.

Интервью идет дальше в том же стиле.

Через три дня фюрер в бешенстве бегают по своему кабинету, ударяя себя по ноге плеткой. Публика в кафе не только в Берлине, но и в Мюнхене с удовольствием читает мое интервью, в особенности его музыкальную часть.

Мне передают, что фюрер обещал в свое время повесить меня.

Брать интервью у Геббельса я не пытаюсь: берлинский вождь национал-социалистов слишком хитер для этого; зато в провинции живет его мамаша.

Через несколько дней я в мешанской гостинице. Стены увешаны фотографиями в рамках, картинками на стекле, диван с высокой спинкой, на ней фарфоровые слоны, молящаяся девочка. На столе искусственные цветы.

Мамаша подводит меня к фотографии, изображающей смуглого курчавого мальчика с тонкой шеей и длинным носом.

— Это мой Иозеф — он всегда был красавчик.

— Скажите, госпожа Геббельс, не принимали ли его в школе ребята за еврейского мальчика?

— Представьте себе, что да, поэтому он играл с детьми евреев, а потом, когда стал студентом, он почему-то их возненавидел.

Далее следуют рассказы о милых шалостях маленького Иозефа, о том, что он любил играть с животными и несколько раз вешал кошек и собак.

Интервью с госпожой Геббельс имело успех. Мамаша, однако, забыла сказать мне, как злопамятен и мстителен ее сын. В те времена, когда я опубликовывал эти интервью, я не знал, что совершаю грубую ошибку. Я не предполагал, что через несколько лет мои остроумные фельетоны доставят мне крупные неприятности....

Так я жил в эпоху Веймарской республики, которую очень многие несправедливо обвиняют во всех смертных грехах. Я честно признаюсь, что для меня Веймарская республика

отнюдь не была мачехой. Она имела лишь один недостаток — она была недолговечна.

Главным ее несчастьем была нестерпимая скука. Ее вожди забыли, что древние римляне рекомендовали давать толпе хлеб и зрелища. Веймарская республика хлеба дать не могла, но зрелищ при желании — сколько угодно: парады, фейерверки, факельные шествия.

И вместо всего этого — ничего. Скука и однообразие.

Я повел бы всех этих Мюллеров и Брюннингов к президентскому дворцу, там они увидели бы, как сотни людей ждут у ворот по два часа смены караула. Надо видеть, с каким тупым любопытством эти люди глядят на нескольких солдат в касках, марширующих по двору.

Или разве не поучительна другая картина: по улице идут восемь-десять (иногда и четыре) солдат рейхсвера, а за ними в ногу маршируют люди в штатском в возрасте от десяти до шестидесяти лет. Ни одно правительство Веймарской республики не догадалось дать массам зрелища и развлечения.

Я еще давно пришел к выводу, что Германию ждут забавные вещи. Я коренной немец, но должен признаться, что не питаю особой симпатии к своим соотечественникам. Я уже отмечал, что полное отсутствие у них юмора граничит с национальным бедствием.

Немец по своей природе в девяносто девяти случаях из ста — классный наставник и всегда должен кого-либо обучать хорошим манерам и образцовому поведению. Не напрасно туземцы в колониях питают к немцам несравненно большую ненависть, чем к англичанам и французам. Немец в колониях стремится не только выжать из туземца все возможное, но он еще считает своим долгом сделать из него «приличного человека». Он заставит туземца натирать мелом пуговицы, носить ремень с пряжкой, то есть окончательно отравит ему существование.

Да, я недурно знаю своих соотечественников и не хотел бы попасть к ним в руки, когда они агрессивно настроены.

Я еще в 1930 году пришел к убеждению, что благонамеренная Веймарская республика вылетит в трубу. Ее наслед-

никами могут быть только коммунисты и национал-социалисты.

Штеффен, необходимо подумать о перестраховке!

Я попытался обзавестись некоторыми друзьями среди коммунистов. Они должны были хорошо отнестись к леворадикальному интеллигенту, над всем издеваемому, имеющему острое перо и хорошо привешенный язык.

Эти мои расчеты, однако, не оправдались, и коммунисты проявили в отношении меня холодность, граничащую с грубостью. Когда я предложил сотрудничать в их газетах, они мне заявили, что не пользуются услугами гастролеров. Пришлось плюнуть на это дело.

Позже я узнал, что коммунисты считали меня провокатором. Это значило, что в случае революции в Германии мне придется распрощаться с любимой родиной.

Коммунисты слишком серьезный народ, и это им во многом мешает. Например, я мог бы им быть весьма полезен, они же меня отбросили. Не могу сказать, чтобы революция потеряла во мне горячего энтузиаста, но я человек, свободный от предрассудков.

В то же время я приобрел много знакомых среди леворадикальных интеллигентов, группировавшихся вокруг «Вельтбюне» и «Тагебух». Я сумел произвести недурное впечатление на Карла фон Оссецкого, и он меня довольно часто печатал. В этих людях мне нравилось то, что они критиковали и ругали все и всех: рейхсвер и социал-демократов, суд и театр, — словом, все. Многие из них считали себя левее коммунистов и критиковали политику большевиков в России. Но кого наши пацифисты по-настоящему ненавидели — это генералов с Бендлерштрассе и испортили им немало крови. Особенно отличался на этом поприще некий Людвиг Арнольд — «гроза рейхсвера», как его в шутку называли друзья. Лично я с ним знаком не был, так как Арнольд обычно прятался у себя дома и корпел над своими разоблачительными статьями.

Вскоре я однако понял, что к финишу идут национал-социалисты. Я поэтому попробовал возобновить старое знакомство с людьми из организации «Консул», «Олимпия»,

с майором Бухом, с Шульцем, прозванным «убийцей». Но все эти люди лишь примыкали к национал-социалистам и не играли решающей роли.

Вскоре я установил, что мои дурацкие интервью не забыты и что в случае чего меня могут вздернуть. Да, я все больше каялся в своем нелепом легкомыслии. Но ведь в те годы Гитлер и его люди играли роль комических персонажей, и кто мог ожидать, что мои уважаемые соотечественники увидят в нем спасителя и мессию.

Я очень много узнал о национал-социалистах от людей, отколовшихся от Гитлера, Стенеса и других. Национал-социалисты в большинстве своем педерасты, садисты и вообще извращенцы, но они далеко пойдут. Германию ждут веселые времена.

Прошел 1932 год, последний год Веймарской республики. Теперь я, как честный человек, не могу сказать о ней ничего плохого: она была скучная, но добродушная и доступная дама; мне на нее не приходилось жаловаться. Конечно, мне не всегда удавалось удовлетворять все свои потребности, но ведь Веймарская республика не была виновата в том, что их у меня так много. Да будет ей земля пухом.

3

28 февраля я вечером прохожу по Унтер-ден-Линден вблизи рейхстага, вижу дым, сотни штурмовиков; грузовики с полицейскими. Я немедленно соображаю, чем это пахнет. Мой мозговой аппарат функционирует очень неплохо и — главное — быстро. Я неглупо сделал, что еще два месяца назад запасся заграничным пашпортом.

В ту же ночь я сижу в вагоне поезда, мчащегося в Голландию. Я, конечно, не противник Третьей империи и все-

гда готов ей быть полезным, но бывают моменты, когда умный человек предпочитает отойти в сторону. Я терпеть не могу острых ощущений и не имею никакого желания попасть под пулю или даже дубинку и прекрасно помню о своих фельетонах.

Сижу в мягком кресле и с удовлетворением думаю о том, что поезд уносит из Германии единственно ценное, что в ней есть, — вашего покорного слугу, умеющего жить и, следовательно, имеющего право на жизнь.

Оглядываю купе. Все мои спутники относятся к категории обычных безобидных пассажиров. Напротив меня сидит довольно хорошенькая молодая женщина, она бросает на меня внимательный взгляд. Я не теряю напрасно времени и касаюсь носком ботинка ее туфли. Ответный сигнал звучит положительно. Сосед дамы, по всей вероятности муж, замечает мой невинный маневр и предлагает ей обменяться с ним местами.

Ничего другого не остается, как заснуть, устроившись поудобнее в углу.

Мы приближаемся к границе, в вагон входят несколько штурмовиков с карабинами, очевидно, в Берлине произошло что-то серьезное; я вовремя выбрался. Мне приходит в голову тревожная мысль, не задержат ли меня; нет, ерунда, откуда меня могут знать штурмовики на границе? Неожиданно меня осеняет блестящая идея. Выхожу из купе в коридор, подхожу к одному из штурмовиков и тихо говорю ему, что в купе напротив меня сидит известный коммунист. После этого я возвращаюсь и спокойно сажусь на свое место. Через две-три минуты в купе входят штурмовики; они требуют паспорта и внимательно их обнюхивают. Протягиваю свой паспорт, после беглого осмотра получаю его обратно. Наступает очередь ревнивого мужа, он не ожидает предстоящих ему неприятностей и совершенно спокоен.

— Вы арестованы.

Совершенно потрясенный, ревнивый муж начинает доказывать, что он одет с женой на курорт. Штурмовик предлагает ему заткнуться, и тащит его за плечо из купе. Потом

он вспоминает о женщине и предлагает ей тоже выйти из вагона. Слезы.

Этой возможности я не предвидел; как однако сложна и многогранна жизнь! Мой маневр дал мизерные результаты, доброжелательное отношение ко мне штурмовика, освобождение двух мест в купе. Мой роман, однако, срывается. Меня все же радует, что, несмотря на свои сорок лет, я сохранил пылкость и склонность к романтическим приключениям.

Воображаю, как этот оригинал изумлен происшедшим с ним. Боюсь, что штурмовики доставят ему несколько неприятных часов, а то, пожалуй, и недель.

Вот что значит судьба человека! Ты, Штеффен, явился орудием судьбы. Все это очень забавно.

Но вот появляются голландские таможенные чиновники. Стереотипные вопросы: папиросы есть? шелковые ткани есть?

Я приветствую в лице толстых чиновников уютную, милую Голландию, где можно отдохнуть лучше, чем где бы то ни было в мире.

Кстати, совершенно напрасно оклеветали голландских женщин. У меня на этот счет есть собственное мнение.

Я смотрю в окно — однообразный культурный ландшафт. Начинает идти дождь. В купе входят местные аборигены. Один из них, старичок в золотом пенсне, с розовыми щечками и маленькими голубыми глазками, спрашивает меня:

— Что происходит у вас в Германии?

Я отвечаю:

— Бедлам.

Монотонный стук колес настраивает меня на минорный лад. Я вспоминаю, что у меня в бумажнике около пятисот марок, хватит на месяц-полтора, в лучшем случае. Печально. Впрочем, там будет видно. Главное — попасть в крупный европейский центр, где имеет смысл создать себе репутацию политического эмигранта. Теперь нельзя терять времени, так как скоро нахлынет волна эмиграции.

Я останавливаюсь на Лондоне, вспоминаю, что у меня там есть знакомый — бывший секретарь британского посольства в Берлине, которому я оказывал небольшие услуги.

В Лондоне я быстро акклиматизируюсь, тем более, что я там уже два раза был.

Постепенно начинают пачками появляться эмигранты, это главным образом социал-демократы и пацифисты. Из газет и от них я узнаю подробности об арестах в Германии. Несомненно, мне влетело бы, если бы я своевременно не удрал.

Вскоре встречаю знакомых; на их вопросы, как я попал в Лондон, я таинственно оглядываюсь, затем шепотом рассказываю, как на другой день после поджога рейхстага в мою квартиру вломились штурмовики, как я выбрался через кухню, сбив с ног полицейского. Далее следует описание путешествия в товарном вагоне, куда меня спрятал спасший меня железнодорожный служащий; нелегальный переход границы с выстрелами вдогонку.

Мне пожимают руку, поздравляют со спасением, никто не сомневается в достоверности моего рассказа.

Я обладаю логической фантазией и способностью верить в придуманную мною же легенду. Я ясно видел сцены своего мнимого бегства, угрожавшую мне опасность.

По существу, логическая выдумка гораздо убедительнее действительности. Я даже считаю, что выдуманное событие не менее реально, нежели действительно происшедшее. Если сентиментальные люди могут плакать над страданиями героев романа или фильма, то почему я не могу верить своей собственной выдумке?

Вскоре я приобрел среди лондонских эмигрантов некоторую популярность, хотя кое-кто относился ко мне недоверчиво. Благодаря моей репутации горячего антифашиста, а также тому, что я принадлежал к эмигрантской группе первого призыва, ко мне обращались многие новички за советом и помощью. Все это было очень утешительно и трогательно, но, откровенно говоря, я не испытывал ни малейшего желания засиживаться на тощей эмигрантской диете.

Я прекрасно понимаю, что убежденные люди, подобно библейским пророкам, могут питаться идеями, акридами и прочими сомнительными блюдами, я же — Карл Штеффен — нуждаюсь в совершенно другом. Перспектива существовать на жалкое пособие, выдаваемое журналистской организацией, и на нищенские гонорары эмигрантских изданий меня очень мало устраивала.

Прошло несколько месяцев, и я пришел к выводу, что необходимо принять то или иное решение.

Сначала у меня мелькнула мысль о возвращении в Германию. Теперь самый опасный для меня момент прошел, я мог предложить свои услуги Геббельсу.

Я бы ему сказал: «Мой маленький Иозеф, ты теперь великий человек, а я жалкий журналист, но многие вещи мы одинаково понимаем; разница в том, что ты поставил на хорошую лошадку, я же не играл на тотализаторе. Мы оба нравимся женщинам, я импонирую им своей внешностью и силой, а ты чем-то другим, заставляющим женщин любить уродов. У тебя, впрочем, сильный голос, а на женщин это действует как вторичный половой признак».

Я уверен, что Геббельс ответил бы мне: «Ты, Штеффен, большой нахал, и я помню твои обезьяньи штучки, но мои журналисты со свастикой на рукаве так бесконечно тупы. Ты, Штеффен, мне годишься». Да, мы договорились бы с министром пропаганды, но я все же пока в Германию не поеду.

Пока вы, господин министр, примете меня, я могу попасть в руки полиции или СА, а они, как известно, отличаются от вас полным отсутствием юмора. Нет, мне не улыбается перспектива провести в концентрационном лагере месяца два-три. Мы отложим наш разговор до более благоприятного времени. Мы будем по-разному полезны нашей дорогой родине.

Мне кажется, я мог бы поговорить и с прусским министром-президентом — Герингом.

Я бы ему сказал: «Мой дорогой большой Герман, ты старый боевой летчик, а я друг мирных наслаждений; но ведь и ты в свободное от боев время умел неплохо пожить.

Ты убежденный национал-социалист, а я убежденный противник убеждений. Мы все же друг друга поймем, и я тебе смогу быть полезен в твоём гестапо. Я знаю, у тебя там есть ребята, недурно ломающие ребра, но у тебя мало таких одаренных людей, как я. Ведь я могу составить любой документ, придумать любую комбинацию. Ты ведь понимаешь в этом деле толк, не правда ли? Мы с тобой сработаемся. Но я все-таки в Германию не поеду; в твоём аппарате, господин министр полиции, иногда бывают недоразумения, а я их всегда не мог терпеть. Ты понимаешь, о чем я говорю. Мы отложим нашу беседу, господин министр авиации».

Так, мысленно беседуя с двумя министрами, я решил, что останусь пока вдалеке от обожаемой родины. Но ведь в то же время я германский гражданин, желающий хотя бы символически приблизиться к своей родной стране. Я часто прохожу мимо германского посольства, здание которого является частью германской территории

Я не вижу ничего плохого в посещении этого здания с медной таблицей и орлом на дверях. Конечно, никто из моих друзей те должен меня встретить, они ведь настолько примитивны, что могут ошибочно истолковать мой визит.

Я звоню в дверь посольства. Меня впускают.

— Вы по какому делу?

— Личному.

— К кому?

— К послу.

— Господин посол не принимает незнакомых людей.

— Тогда проведите меня к консулу.

Появляется еще одна личность, на физиономии которой запечатлен многолетний стаж службы в полиции. Портье отводит его в сторону и что-то ему шепчет. Личность исчезает, через две минуты возвращается и просит меня следовать за ним.

Я в кабинете у неизвестного мне чиновника с самой заурядной внешностью. Осматриваю комнату — ничего заслуживающего внимания.

— Кто вы по национальности? Когда уехали из Германии? Почему? Чем здесь занимаетесь?

Я прерываю любознательного чиновника и замечаю, что так мы ни до чего не договоримся. В случае необходимости я тоже сумею задать два десятка вопросов.

— Дело не в этом, я хочу быть полезным своей родине, и мне необходимо побеседовать на эту тему с компетентным человеком.

Чиновник удивлен и немного растерян. Он привык к тому пиетету, который окружает посольства и консульства. Бедняга не подозревал, с какой птицей он имеет дело.

Чиновник нажимает кнопку на столе. Появляется полицейская личность.

— Проведите этого господина в семнадцатую комнату.

Мой новый собеседник приглашает меня сесть, угощает папиросами. Я благодарю, но объясняю, что курю только сигары. Появляется коробка сигар.

— Ваша фамилия, кажется, господин Штеффен? Мне передавали, что вы хотите быть нам полезным? Что вы под этим, собственно говоря, подразумеваете?

— Откуда же я могу знать, что вы считаете для себя полезным. Я считал своим долгом сообщить о своей готовности оказать услугу родине, конкретизировать же должны вы.

Мой собеседник несколько удивлен и бросает на меня колючий взгляд. Я невинно смотрю ему в переносицу, это очень удобный способ.

— Скажите, господни Штеффен, много ли у вас знакомых среди эмигрантов? С кем вы близки?

— Простите, милостивый государь, — деликатно перебиваю я, — этот метод стар, как мир. Вы мне через несколько минут предложите составить список моих знакомых. Потом я познакомлю с кем-нибудь из них одного из ваших друзей. Вы мне дадите пять фунтов стерлингов. Еще через месяц прикажете швейцару не впускать меня. Нет, на такой базе мы не сговоримся. Я хочу работать по-серьезному и могу провести большие дела. Пустяками я заниматься не буду. Вы видите, что имеете дело не с зеленым пиджаком.

Мой собеседник, с выдающимся подбородком и маленькими ушами, приросшими к голове, с иронической улыбкой смотрит на меня и процеживает сквозь зубы:

— Вы заблуждаетесь, господин э... э... э... Штеффен, и, видно, ошиблись адресом. Посольство не интересуется вашими странными предложениями. Если вы хотите вернуться в Германию — напишите заявление, приложите пять фотографических карточек. Если вам разрешат вернуться, то денег на дорогу вы все равно не получите. Всего хорошего, господин Штеффен. Кстати, ваш почтовый адрес в Лондоне и где вы жили в последнее время в Германии? До свидания, господин Штеффен.

Дело обстоит неплохо; я, видимо, попал на соответствующего человека. Он пошлет телеграмму в Берлин, там начнут выяснять и быстро нападут на след Карла Штеффена. Да, этот чиновник неглуп и свое дело знает, но в работе пользуется примитивными методами. Мы, немцы, даже в этой области слишком консервативны.

Проходит десять дней, мой новый приятель не подает признаков жизни. Неужели я ошибся и он попросту бюрократический осел, не сумевший оценить моих способностей?

В один прекрасный день я получаю, однако, записку, в которой говорится, что в аптеке на Даркстрит меня ждет письмо.

Я выжидаю три дня, — необходимо показать, что я не тороплюсь, и вечером отправляюсь на Даркстрит.

Быстро нахожу аптеку, она совершенно пуста. Толстый человек отвешивает какие-то порошки. Не поднимая головы, он спрашивает меня на плохом английском языке, что мне угодно. Я протягиваю аптекарю полученную мною три дня назад записку. Он опускает очки со лба на нос, читает, бормочет что-то нечленораздельное и исчезает.

Я осматриваюсь: аптека как аптека.

Толстяк возвращается и просит меня пройти в заднюю комнату, при этом он приподнимает полку и пропускает меня; с полки падает баночка и разбивается. Аптекарь бормочет какое-то ругательство.

Вхожу в комнату. Это неплохо обставленный кабинет. Спирной к окну, тщательно занавешенному, сидит широкоплечий человек, на первый взгляд производящий впечатление великана. Не вставая, он протягивает мне руку и жестом приглашает меня сесть.

Свет падает так, что я не вижу его лица, моя же физиономия, очевидно, ярко освещена. Это чертовски старый способ. Некоторые специалисты еще дополняют его тем, что усаживают собеседника в низкое мягкое кресло с откинутой спинкой, что действует деморализующе и ослабляет психику. Это все очень старо и примитивно.

Я разгляжу твое лицо, господин Фуше!

Мой собеседник, не произнеся все еще ни звука, достает из коробки сигару, методически отрезает конец и шарит в карманах. В припадке вежливости я срываюсь с места, зажигаю сразу несколько спичек и сую ему под нос.

Да, лицо не из приятных: маленькие свинные глаза, вдавленный нос, шрам на левой щеке, аккуратно зачесанный пробор.

Мой Фуше с нескрываемым раздражением вскакивает. Оказывается, он не выше меня ростом, это один из породы сидячих великанов, то есть людей с длинным туловищем и относительно короткими ногами, они кажутся великанами только в сидячем положении.

— Слушайте, Штеффен, — грубым и сильным голосом обращается ко мне Фуше, — если вы хотите с нами работать, вам придется умерить свое нахальство. Я получил о вас подробные сведения и знаю, что вы за гусь. Предупреждаю вас, что со мной вам не удастся валять дурака. Я все же уверен, что мы с вами сговоримся. В первую очередь я должен вас предупредить, что, если вы попытаетесь меня шантажировать, я должен буду отправить вас на тот свет, причем вы будете не первым и не последним.

Я спокойно выслушиваю это предисловие и констатирую, что мой собеседник находится в более выгодном положении: он знает мою фамилию, я же должен обращаться к нему с сухим словом «господин».

— Меня зовут Гросс, — заявляет человек со свинными глазками.

— Итак, господин Гросс, я покорнейше прошу вас учесть, что я давно вышел из наивного юношеского возраста, и на меня мало действуют ваши трафаретные приемы.

Гросс, видимо, уязвленный моим замечанием, лезет в боковой карман и протягивает несколько фотографий. Я без особого труда узнаю себя во время посещения посольства.

— Если хотите, — продолжает Гросс, — вы можете услышать свои собственные слова, очень аккуратно записанные диктофоном. Как видите, мы пользуемся не только трафаретными методами.

Откровенно говоря, я неприятно удивлен, действительно я отстал от современной техники. Очевидно, там, в кабинете посольства, где-нибудь был установлен маленький фотоаппарат, точно направленный на кресло, в котором я сидел.

Неплохо. Я довольно наивно влопался. Нужно менять тактику.

— Прекратим пикировку, господин Гросс, и побеседуем, как деловые люди. Я не хочу вам ничего обещать, но думаю, что принесу большую пользу. У меня репутация антифашиста, я располагаю обширными знакомствами среди эмигрантов и, наконец, обладаю весьма незаурядным мозговым аппаратом. Мне, конечно, придется много поездить по эмигрантским центрам, расширить свои связи, создать себе соответствующую репутацию. Для всего этого, конечно, понадобятся деньги, хотя я человек очень скромный и нетребовательный. Я предпочитаю получать помесечно, и притом, естественно, вперед.

— Вы очень торопитесь, Штеффен, и слишком много говорите. Я прекрасно знаю, что вы скромный и нетребовательный человек, поэтому вам пока хватит двадцати фунтов. Никакого жалованья я вам платить не собираюсь, будете получать сдельно. Пишите расписку, подпись — Браун. Этой фамилией пользуйтесь всегда при телефонных разговорах со мной.

Итак, мы договорились, господин Браун. Оставьте мне свой телефон, запишите мой.

Здесь, в Лондоне, можете не особенно стеснять себя и <не> проявлять чрезмерную осторожность, — «Интеллиженс-Сервис» занята другими делами. В качестве первого поручения я вам предлагаю проделать следующее: здесь, в Лондоне, уже несколько недель живет берлинский адвокат Прейсс. У нас есть сведения, что он получает из Германии непосредственно, а также кружным путем, материалы о мнимых жестокостях в концентрационных лагерях.

Кстати, Браун, вы себе не представляете, как на нас клеветают. Вы не поверите, как живется разным прохвостам у нас в концентрационных лагерях!

Далее следует описание прелестей Дахау и Ораниенбурга.

Я внимательно слушаю и заявляю Гроссу:

— Вы меня убедили, свой ближайший отпуск я проведу в концентрационном лагере.

Свинные глазки пытаются меня просверлить.

— Я с вами, Браун, только теряю время. Слушайте, что вам говорят, и не притворяйтесь кретином. Итак, мне необходимо, чтобы вы получили доступ к этим письмам Прейсса и приносили их ко мне на самое короткое время. Надеюсь, вы поняли? Всего лучшего. Да, ведь вы не написали мне расписку.

— Видите, господин Гросс, меня очень удивляет, что ваше уважаемое начальство требует от вас расписок. Я знаю случаи, когда расписки попадали в чужие руки и из этого не выходило ничего хорошего.

— Браун, не валяйте дурака и пишите.

Я смотрю на Гросса, посвистываю, беру карандаш и пишу печатными буквами расписку. Ухожу. Вдогонку доносится ругань.

«Двадцать фунтов — это немного, но все же нечто весомое, в особенности когда ваш капитал измеряется шиллингами. Сегодня мы с тобой, Штеффен, немного развлечемся, а завтра примемся за работу. Главное — поменьше рвения, как говорил Талейран. Обидно, что я не мог стать дип-

ломатом, я бы сумел себя показать, но и в качестве скромного Брауна можно неплохо пожить. Ты, Штеффен, старая лиса, небось уже думаешь о хорошем ужине, сигаре и еще кое о чем? Смотри, Штеффен, не делайся легкомысленным, помни, что ты сегодня обрел потерянную родину. А родина — великая вещь, Штеффен, в особенности, если у тебя в кармане двадцать фунтов».

Откровенно говоря, я предпочел бы работать на других хозяев — мои теперешние слишком грубы и плохо воспитаны. Кроме того, мне придется доставлять неприятности людям, к которым я даже питаю некоторую симпатию. Однако древние философы учили не руководствоваться такими неустойчивыми критериями, как чувство симпатии и антипатии; на первом месте стоит долг, в данном случае долг перед собой. Как говорят англичане, благотворительность начинается у себя дома.

Я отнюдь не обладаю склонностью к приключениям, острым переживаниям, — нет, я предпочел бы жить в качестве солидного буржуа с хорошим вкусом. Приходится, однако, подчиняться правилам игры, а основное правило говорит — необходимо выиграть. Что же, попробуем сыграть эту партию в покер. Я, кстати, считаю покер самой мудрой игрой в мире. Что может быть приятнее ощущения, когда ты догадался, что у противника две пары, а он делает вид, что у него по крайней мере street.

В моей партии в покер у меня будут два противника — один опасный, сдающий карты, второй — безобидный, пацифистский, не способный на блеф, неизвестно почему севший за стол. Карты сданы, их разрешается только один раз менять...

Я проснулся с тяжелой головой и не сразу мог понять, где я нахожусь. По-моему, врачи и химики, занимаясь всякими пустяками, оставили в стороне одну очень важную проблему: они должны были бы изобрести препарат, немедленно нейтрализующий последствия бурно проведенной ночи.

Но довольно, Штеффен, философствовать, пора приниматься за работу. Честный труд дает силы, как говорит народная мудрость.

В первую очередь, необходимо узнать, где можно встретить Прейсса. Это оказывается очень несложным делом: мой старый приятель близко знаком с ним.

В тот же день мы вдвоем обедаем в маленьком дешевом ресторане. Я держу себя скромно и подчеркиваю свою настороженность. Адвокат начинает рассказывать о последних новостях из Германии, я его дружески останавливаю и рекомендую помнить, что вокруг нас шныряют агенты гестапо.

— Вот, например, я знаю, что этот молодой кельнер, говорящий по-немецки, неслучайно прислушивается к нашей беседе. Будьте уверены, он не пропустит ни одного слова и сегодня же вечером сообщит кому следует, о чем мы говорили.

Адвокат смотрит на меня с изумлением:

— Откуда вы это знаете?

Я многозначительно улыбаюсь и молчу.

Адвокат бросает на меня взгляд, полный уважения. Почва подготовлена.

После короткой паузы я продолжаю:

— Знаете, господин доктор, среди нас, эмигрантов, несмотря на все, еще осталось немало наивных людей, твердо верящих в святость английской конституции. Они полагаются, например, на неприкосновенность корреспонденции,

на девственность британской королевской почты. Эти люди спокойно получают интересные гестапо письма до востребования и уверены, что всех перехитрили. В то же время не менее десяти процентов почтовых чиновников в Лондоне состоит на службе у гестапо. А потом в Германии арестовывают людей, имевших несчастье положиться на своих неосторожных и легкомысленных друзей.

Прейсс взволнован:

— Знаете, я ведь тоже получаю письма до востребования.

— Если у вас есть конверт, я с полной точностью скажу вам, было ли письмо перлюстрировано.

Прейсс лезет в карман и протягивает мне уже вскрытый конверт.

Я запоминаю адрес: семнадцатое почтовое отделение, до востребования, мистеру Р. Н. Кроу. Внимательно осматриваю конверт, осторожно отдираю почтовую марку, смотрю на дату штемпеля и заявляю самым безапелляционным тоном: письмо не было вскрыто.

— У вас, господин Прейсс, есть, видно, опыт в этой области.

Адвокат сияет от комплимента.

На прощание рекомендую ходить в почтовое отделение за письмами исключительно утром, как можно пораньше, тогда меньше шансов встретиться с нежелательными субъектами. Кроме того, лучше не говорить в окошко, какое письмо нужно, но просовывать почтовому чиновнику бумажку, на которой написан адрес.

— Я так и делаю, господин Штеффен.

— Ну, вас, видно, нечему учить.

Я сижу с этим ослом еще минут двадцать, а затем отправляюсь в почтовое отделение, просовываю клочок бумаги в окошко, — для Кроу письма нет.

На четвертый день вместе со своей бумажкой получаю из окошка конверт с германской маркой. Беру такси и мчусь на Даркстрит.

В аптеке два покупателя. Я прошу средство от головной боли и аспирин. Жду несколько минут. Покупатели уходят.

Аптекарь, как и в первый раз, жестом приглашает меня в заднюю комнату; человек, называющий себя Гроссом, небрежно со мной здоровается и грубо спрашивает:

— Ну, в чем дело?

Я протягиваю конверт.

Гросс исчезает и возвращается через десять минут.

— Теперь можете отнести письмо обратно на почту.

— А вы его не прокалывали булавками при фотографировании?

— Браун, занимайтесь своими делами и не отнимайте у меня времени.

Я думал было заговорить о деньгах, но потом решаю этого не делать — эта свинья подумает, что целиком меня купил за несколько фунтов, не надо было требовать денег и в прошлый раз.

Я возвращаюсь на почту и говорю чиновнику в другом окошке, что мне неправильно выдали письмо: мне нужен пакет на имя Кроуль, а не Кроу.

В течение двух недель я доставляю Гроссу письма Прейсса. Я при этом нарушаю инструкцию своего начальника: не возвращаю письма на почту, но просто их уничтожаю. Если я повторю мою версию с Кроулем, чиновник на это обратит внимание. С другой стороны, вскоре Прейсс узнает, что письма до него не доходят. Необходимо поскорее ликвидировать это дело.

Мне, впрочем, везет. Оказывается, Гроссу больше не нужны письма, получаемые адвокатом.

— Этот болтливый дурак Прейсс не представляет для нас интереса, тем более, что его корреспондента мы уже посадили в концентрационный лагерь. Скажите лучше. Браун, знакомы ли вы с журналистом Кронером?

Я отвечаю утвердительно, хотя никогда его не видел в лицо.

— Попробуйте втереться к нему в доверие и разнюхайте, от кого он получает из Германии информацию. Мы знаем только, что он прибегает к помощи третьих лиц.

В течение нескольких дней я пытаюсь познакомиться с Кронером, но это очень замкнутый и застегнутый на все

пуговицы человек. В лицо я его уже знаю и решаю просто подсесть к нему в кафе, где он часто бывает.

Через несколько дней вижу пасмурную физиономию Кронера, сажусь за его столик, заговариваю с ним по-немецки; он дает односложные ответы и углубляется в газеты.

Он, кстати, замечаю я, чертовски близорук.

Неожиданно Кронер хватает свою чашку и пересаживается к другому столику.

Мне в конце концов надоедает с ним возиться, и я решаюсь прибегнуть к своему излюбленному методу — логической фантазии.

На другой день я отправляюсь на Даркстрит и с торжествующим лицом вручаю Гроссу записку, где перечислены фамилии корреспондентов Кронера; я при этом называю своих знакомых, оставшихся в Берлине, или просто выдуманные имена.

Гросс, видимо, доволен, и по своей инициативе дает мне двадцать фунтов. Я небрежным жестом прячу деньги и пишу расписку, как и в первый раз, печатными буквами.

Прошло несколько дней, и мне пришлось пережить очень неприятный разговор с моим начальником. Я должен откровенно признаться, что не отношу себя к числу чрезмерно храбрых людей, и порядком перетрусил.

Когда я вошел в кабинет Гросса, он, не отвечая на мое приветствие, вскочил и закричал:

— Ты, грязная свинья, пробовал меня обмануть, и я из-за тебя попал в положение идиота!

Мне сообщили из Берлина, что ни один из названных тобой прохвостов там не проживает: часть давно сидит в концентрационных лагерях, часть удрала за границу, а остальных ты просто выдумал. Кроме того, было установлено, что ты ни разу не встречался с Кронером.

Я тебя предупреждаю, Браун, что еще одна такая штучка, — и тебя отправят в морг.

Когда я взглянул на лицо Гросса, меня всего передернуло: оно было перекошено от ярости, шрам на щеке на-

лился кровью, маленькие глазки кололи. Я чувствовал, что имею все основания ждать больших неприятностей.

Неожиданно Гросс, однако, успокоился, сел в кресло и закончил:

— Теперь убирайся и через неделю возвращайся с подлинными документами, иначе пеняй на себя.

Я, признаться, рассчитывал получить несколько фунтов, так как по свойственному мне легкомыслию остался без денег; но теперь момент был очень не подходящим для разговора на финансовые темы. Я понял, что был весьма близок к хорошей оплеухе и дешево отделался. Мне пришлось констатировать, что во время войны офицеры германской разведки были много корректнее и воспитаннее, они, правда, тоже ревели и рычали, но в карман за револьвером не лезли.

Ты, бедный Штеффен, собственно говоря, находишься в довольно невыгодном положении. В случае чего гестапо разоблачит тебя в глазах эмигрантов в качестве своего агента. Наконец, милейший Гросс может тебя спокойно пристрелить, затем твоё тело положат на кушетку, толстый аптекарь забинтует рану, вызовет по телефону полицию, расскажет, что в аптеку привезли неизвестного раненого, который во время перевязки умер. Полиция не будет особенно интересоваться подробностями убийства немецкого эмигранта, Гросс переменит на всякий случай свою резиденцию, и все будет в полном порядке, кроме небольшого отверстия в черепе или груди бедного Штеффена.

Ничего не поделаешь, придется серьезно взяться за работу и доказать свою солидность этой проклятой свинье.

После короткого раздумья я пришел к выводу, что дальнейшие попытки втереться в доверие к Кронеру обречены на неудачу. Это не такой человек, чтобы проболтаться. Здесь нужны другие методы. Хорошо, что эта обезьяна близорука и вероятнее всего не запомнила моего лица.

Я вспоминаю, что Кронер всегда тащит с собой большой новый портфель из коричневой кожи и обычно ставит его у стула. Я поспешил раздобыть в одном из магазинов порт-

фель абсолютно такого же вида, как у Кронера, и стал выжидать подходящего случая.

В один прекрасный день я вхожу в небольшой ресторан и еще издалека вижу лысый череп и очки Кронера. Он сидит у столика как раз у прохода, портфель стоит сбоку от стула. Я ускоряю шаг, прохожу мимо самого столика Кронера, ударяю носком его портфель, который отлетает в сторону.

Затем, изображая сильнейшую растерянность, — начиная суетиться, нагибаюсь, сталкиваюсь с Кронером лбом с такой силой, что у меня, а вероятно и у него, посыпались искры. В этот же момент я обмениваю портфели и даю Кронеру поднять тот, который он считает своим. Кронер успокаивается и продолжает изучать меню.

Я выбегаю из ресторана, сажусь в такси и мчусь в аптеку. Врываюсь без предупреждения в комнату Гросса. Тот испуган и прячет под бювар какой-то листок бумаги. Узнав меня, Гросс обрушивается потоком ругани. Я с оскорбленным видом протягиваю ему портфель и холодно говорю:

— Поторопитесь, мне нужно его вернуть Кронеру.

Гросс жадно хватает портфель, вынимает из кармана связку крошечных отмычек и замедленно открывает его.

— На этот раз вы молодец, Браун.

Он вынимает один документ за другим, лицо его принимает все более довольное выражение, хлопает меня по плечу и просит помочь ему все это сфотографировать.

В соседней комнате он снимает крышку с фотостата и освещает комнату ярким светом. Я кладу под объектив документы. Через пять минут все сделано, документы аккуратно сложены в портфель, замок закрыт, и я несусь обратно в ресторан.

С момента нашего столкновения лбами прошло менее получаса, и я надеюсь еще застать Кронера.

Так оно и есть. Он сидит за столиком, уткнувшись носом в газету, и курит отвратительно пахнущую дешевую сигару. К портфелю он еще, видимо, не притрагивался, иначе — не был бы так спокоен.

— Слушайте, милостивый государь, вы обменяли мой портфель, прошу вас немедленно вернуть его обратно. Мой портфель был отперт, этот же невозможно открыть.

Кронер вскакивает, как ужаленный, схватывает стоящий у стула портфель, раскрывает его, потом вырывает из моих рук другой портфель, щупает замок, и, успокоившись, садится.

Я, в свою очередь, раскрываю мой портфель, вынимаю оттуда газеты и листы белой бумаги и обращаюсь к Кронеру с советом в другой раз быть осторожнее. Сцена закончена, не надо переигрывать. Я, не прощаясь с Кронером, немедленно уйду.

Эта операция прошла блестяще, я всегда говорил: главное — находчивость.

По-моему, нет ничего приятнее ощущения, когда удастся оставить кого-нибудь в дураках: чувствуешь себя бодро, грудь свободно дышит и хочется просвистеть веселую мелодию.

Меня очень смешит выражение «честный человек», это должно означать комплимент, но звучит оскорбительно. Честный человек — это лишенная фантазии, тупая, бездарная и невыносимо скучная личность.

Честные люди в то же время, конечно, необходимы уже хотя бы потому, что они представляют незаменимый объект для активности одаренных людей. Природа всегда поступает мудро: она открывает путь сильным и ловким. Это верно в отношении зверей и людей. Правда, имеется все же существенная разница: у хищных животных смелость является положительной чертой, в человеческом же обществе смелый обречен на гибель.

Но я опять увлекся философскими размышлениями; в особенности меня к ним располагает хорошая сигара и мокко. На все эти отвлеченные темы я рассуждаю, сидя в кафе, в расчете на щедрость Гросса. За портфель Кронера я должен получить хороший эквивалент.

На другой день я нанес визит своему начальнику. Он на этот раз был любезен и даже мил. По собственной инициативе вручил мне пятьдесят фунтов, чем меня буквально рас-

трогал: поразительная чуткость со стороны человека со свиными глазками.

— Ну, как ваше самочувствие, Браун? Вы вчера, вероятно, успели неплохо развлечься?

Я возражаю, что для здоровых развлечений необходимы деньги, которых у меня не было.

— Ну, хорошо, что же мы с вами будем делать дальше, дорогой Браун? Впрочем, я придумал для вас одно неплохое дело. Вы, кажется, обладаете в сильной степени привлекательностью для женщин, хотя вы уже успели обрюзгнуть, да и под глазами у вас гусиные лапки...

— Уважаемый господин Гросс, — перебил я его, — я убежден, что вы хотите предложить мне весьма интересное и даже пикантное дело. Лет пятнадцать тому назад я, вероятно, за него ухватился бы руками и ногами, но теперь я не испытываю никакого энтузиазма. Вы, надеюсь, имели возможность убедиться, что я не ваш заурядный агент, который за несколько фунтов принесет вам собранные им дурацкие сплетни или черновики давно уже напечатанных статей Георга Бернгарда. Я достал вам документы Кронера, смогу одурачить какую-нибудь бабу, вы, очевидно, на это изволили намекать, сумею выкрасть чужое письмо. На этих делах я, однако, очень скоро буду разоблачен и выйду в тираж. В результате в дураках окажусь не только я, но и вы. Я хотел бы быть полезен моей родине в больших делах.

Гросс, услышав слово «родина», одобрительно хрюкнул, подмигнул мне, хлопнул по колену и в виде комплимента сказал:

— Вы большая бестия, Браун.

— Так вот, господин Гросс, для того, чтобы я мог принести максимум пользы, необходимы некоторые предпосылки. Вы должны освободить меня от пустяковой работы, дать мне возможность расширить свои связи. Я не могу безвыездно сидеть в Лондоне — здесь не настоящий эмигрантский центр. Мне следует побывать в Париже, Праге, Сааре. Потерпите несколько месяцев и дайте мне возможность проявить себя во всем блеске.

— То, что вы говорите, Браун, звучит неглупо, но мне лично это невыгодно. Я вас изобрел, а вы уедете в Париж или Прагу, и другой использует плоды моих трудов. Но я еще подумаю. Ну, пока идите развлекаться, только не забудьте, что и в Лондоне можно заработать неплохой сувенир. Ха-ха-ха!

Гросс страшно доволен своим остроумием.

— Что вы, господин Гросс, разве можно так пугать невинного юношу! До свидания, господин Гросс.

Как будто мне удалось если не убедить, то хотя бы поколебать этого скота. Во всяком случае, он мне пока не дал никаких поручений.

Откровенно говоря, грубость и проявление силы мне импонирует: после того, как Гросс на меня наорал и едва не избил, я почувствовал к нему некоторое уважение.

В течение нескольких дней я благоразумно развлекался и изучал некоторые достопримечательности Лондона. Короче говоря, я неплохо использовал гонорар за кронеровский портфель.

Я рассчитывал спокойно пожить две недели, но моя мирная идиллия была нарушена запиской, приглашавшей явиться в аптеку. Гросс без особого энтузиазма сообщил мне, что в Берлине на меня возлагают кое-какие надежды и сделают все необходимое для того, чтобы я мог успешно работать. Решено, что я еще два-три месяца пробуду в Лондоне, а затем отправлюсь в Париж.

Гросс, совершенно изменивший свой тон в отношении меня, спросил, что нужно сделать для укрепления моих позиций.

— В первую очередь, — заявил я, — мне необходимы деньги. Во-вторых, понадобятся кое-какие подлинные документы, представляющие интерес для эмигрантских изданий, и наконец, будет неплохо, если я разоблачу какого-нибудь эмигранта в качестве агента гестапо. У вас ведь есть много бесполезных дураков, одним можно пожертвовать.

Гросс посмотрел на меня и заметил:

— Ты далеко пойдешь, мой мальчик.

Деньги я получил немедленно, а через две недели Гросс передал мне два, как он громко выразился, «документа». Один из них представлял собой бланк восточнопрусской национал-социалистской организации, на котором было воспроизведено циркулярное письмо, адресованное районным отделам. В этом циркуляре предлагалось выделить из каждого ста членов гитлеровской молодежи двадцать пять человек для отправки в лагеря военной подготовки. Документ был снабжен подписью и печатью и выглядел как подлинный, то есть недостаточно эффектно.

Второй документ представлял собой запрос руководства кенигсбергской группы СА о настроениях среди штурмовиков.

Все это, конечно, было не то, чего я ожидал, и я сделал кислое лицо.

Гросс заметил это и прошипел сквозь зубы:

— Вы бы, верно, хотели получить секретные письма Гитлера или несколько документов из гестапо, — хватит с вас и этого.

Что же, придется довольствоваться и этим, а в дальнейшем положиться на свои таланты.

Я решил не спешить, но медленно и тщательно подготовить осуществление своего плана. В первую очередь я думал над тем, как объяснить другим эмигрантам наличие у меня средств, позволяющих мне разъезжать по Европе. Сначала я решил было держать себя по-прежнему — лишенным всяких средств к существованию эмигрантом. Этот вариант, однако, не давал мне возможности сблизиться с антигитлеровски настроенными англичанами и заставлял меня оставаться заурядным серым эмигрантом, охотящимся за шиллингом. Кроме того, я давно убедился, что нельзя излишне осложнять положение.

Я начал скромно, но хорошо одеваться, обедать в приличных ресторанах. На вопросы знакомых: «Штеффен, как вы ухитряетесь хорошо одеваться и вообще недурно жить?» отвечал:

— Благодаря счастливому совпадению двух исторических событий: в 1933 году пришел к власти Гитлер и умер мой

дядя Густав в Сан-Паоло. Я его никогда в жизни не видел, но он оставил мне несколько тысяч марок и небольшую гачиенду.

— Значит, вы несколько лет назад ездили в Бразилию к вашему дяде?

— Совершенно верно, но я его не застал, так как он тем временем уехал в Соединенные штаты.

Я лезу в карман и показываю фотографию, изображающую южноамериканский домик, а затем вторую, на которой запечатлено лицо одного из тех старых дураков, которых мы с Георгом обрабатывали в Аргентине.

— Поздравляю вас, господин Штеффен, вам действительно везет.

— Да, я, по словам моей матери, родился в сорочке.

Я действительно начинаю вспоминать наше романтическое путешествие в Южную Америку, трогательную наивность моих соотечественников, полные карманы денег, прекрасные сигары, девиц разных рас и мастей.

Берегись, однако, Штеффен, ты углубляешься в прошлое, это значит — ты начинаешь стареть. Помни, что сентиментальность лишь ослабляет пищеварение и отвлекает от серьезных мыслей. Забудь о счастливой поре твоей невинной молодости и юношеских увлечениях.

Я опять увлекся: ведь мне в то время было больше тридцати лет.

Но довольно реминисценций; ты, Штеффен, теперь политический эмигрант, материально ни от кого не зависящий, непримиримо ненавидящий гитлеровский режим.

Мои старые знакомые с удивлением качают головой: как неузнаваемо изменился ветреный и легкомысленный Штеффен!

Я постепенно приобретаю репутацию серьезного человека, уклоняющегося от разговоров на сомнительные, в особенности эротические темы, недавно бывшие моей специальностью. Я ведь знаком со всей порнографической литературой на четырех языках. Лицо мое приняло сосредоточенное и даже суровое выражение. Я ежедневно провожу несколько минут у зеркала, стараясь придать своей физио-

номии черты, свойственные людям, поглощенным одной мыслью. Я несомненно обладаю артистическим талантом и способностью перевоплощаться. Кроме того, ведь достаточно сесть в кресло, сложить руки и опустить голову, чтобы вас постепенно охватила тоска и грусть. Достаточно заставить себя несколько раз улыбнуться и рассмеяться, чтобы настроение сразу улучшилось. У меня подобного рода автоматизм очень сильно развит, и временами я начинаю сам верить в свои антифашистские убеждения. В одну из таких минут я написал памфлет против Третьей империи, наделавший довольно много шума в эмигрантской прессе и цитировавшийся в иностранных газетах.

Когда Гросс увидел мою подпись, он пристально посмотрел на меня и сказал:

— Смотрите, Браун, не перехитрите самого себя.

Документы, полученные мною от Гросса, я передал в «Паризер тагеблатт», и они были опубликованы. Когда в редакции мне предложили небольшую сумму денег, я отказался, заявив, что на ближайшие два-три года я материально обеспечен.

Все это, вместе взятое, укрепило мои позиции среди эмигрантов, и многие, относившиеся ко мне скептически и пренебрежительно, изменили свое мнение.

В один прекрасный день, запасшись солидными рекомендациями, я отправился к Уикхэму Стиду*. Он меня любезно принял и с большим интересом выслушал мое сообщение о германских вооружениях.

Моя информация, конечно, являлась плодом моих комбинаторских способностей, тем не менее я убежден, что все сообщенное мною Стиду целиком соответствовало действительности.

Во время первой же встречи я дал понять Стиду, что действую совершенно бескорыстно и не рассчитываю на какие бы то ни было материальные выгоды. Я рассказал ему, что у меня сохранились хорошие связи в Германии, в том

* Очень влиятельный английский журналист, выступающий против милитаристической политики Третьей империи.

числе с кругами, близкими рейхсверу. При помощи этих связей я иногда располагаю интересной информацией, в частности в области вооружений Третьей империи.

Я сумел произвести на Стида хорошее впечатление, в особенности благодаря нескольким удачным цитатам из его статей.

Я давно уже знаю, что даже крупнейшие ученые, писатели, журналисты — все они очень доступны лесть. Все дело, конечно, в дозировке, причем главное — не скатиться к го-меопатии.

Через недели три я вновь посетил Стида, разыграв при этом небольшую комедию: войдя в кабинет этого почтенного джентльмена и поздоровавшись с ним, я внимательно осмотрел телефон и выключатели, объяснив, что боюсь микрофонов гестапо. После этого я вынул из кармана сфотографированный мною документ, касавшийся производства самолетов в Германии. Гросс объяснил мне, что все цифры, содержащиеся в этом документе, давно устарели. Сид остался очень доволен. Знакомство с ним, в свою очередь, принесло мне большую пользу, так как оно повысило мой удельный вес и упрочило за мною репутацию серьезного человека.

Я вспоминаю, что приблизительно в это время встретил в одном из кафе журналиста, с которым был знаком еще в Берлине и который ко мне всегда относился с плохо скрываемым пренебрежением. Он подсел ко мне и во время беседы неожиданно спросил:

— Скажите, Штеффен, что это с вами произошло? Я слышал о вас самые фантастические истории: вы стали убежденным антифашистом, аскетом — все это очень не похоже на вас..

— Дорогой друг, — после необходимой паузы начал я, — я действительно эпикуреец и люблю удовольствия. Мне, однако, необходима родина. Вне Германии я не могу жить так, как хочу. Национал-социалисты лишили меня родины, они убили в Германии все изящное и остроумное, они объявили войну интеллектуализму — словом, превратили Германию в грязную казарму. Гитлеровцы посадили в концент-

рациональный лагерь моего лучшего друга Карла фон Оссецкого, они подвергли истязаниям этого человека с невероятно чувствительной и тонкой нервной системой. Вот вам секрет метаморфозы, происшедшей со мной. Я не могу наслаждаться жизнью, в то время как на родине ломают ребра моим друзьям. Я сам прежде не предполагал, что так остро буду переживать все это. А может быть, я и постарел — стал сентиментальным.

Мой собеседник внимательно посмотрел на меня и пожал мне руку.

— Я начинаю уважать вас, Штеффен. Простите, что я вас считал грубым животным.

Я вздохнул и грустно улыбнулся.

В течение всего этого времени я вел двойной образ жизни. Большую часть дня я был пуританином и трезвенником, по вечерам же развлекался в заведениях, известных только знатокам, где меня не могли встретить эмигранты. Благодаря щедрости моего друга Гросса я мог себе многое позволить и чувствовал себя прекрасно. Вообще же я довольно забавное существо и люблю наблюдать за самим собой и за работой своего мозга. Я чувствую, что в нем спрятано несколько Штеффенов. Из них всех я больше всего люблю маленького хитреца и наивного циника. Неплох и другой Штеффен, умеющий холодно и спокойно рассуждать и придумывать сложные комбинации. Похуже будет Штеффен сентиментальный, но ему не дают особенно разойтись. Иногда лишь за сигарой и кофе этот третий Штеффен выпускается на удлинённой узде.

Так прошло три месяца, и Гросс начал проявлять нетерпение.

— Вам, Браун, кажется, понравилось полное безделье; я бы тоже не отказался так пожить: денег достаточно, времени сколько угодно, — веселая жизнь.

— Господин Гросс, главное — не торопиться, вы, вероятно, знаете, что поспешность обычно ведет к абортам.

Нет, Гросс, вы конечно примитив. Я хотел бы когда-нибудь очутиться в кабинете самого умного человека в геста-

по. Я думаю не о Гитлере. Он большая бестия, но это не то, что мне нужно.

У моего собеседника должно быть тонкое лицо иезуита, узкие губы, серые глаза. Мы сели бы в кожаные глубокие кресла, посмотрели бы друг на друга, едва заметно улыбнулись. Нам не пришлось бы много разговаривать, мы все бы поняли без слов.

Вам это непонятно, господин Гросс? Вы, вероятно, не слышали, что Паганини, преследуемый иезуитами, сумел сговориться с дочерью тюремщика о своем побеге при помощи скрипки с одной струной? Да, вы этого не знаете, но зато вы знаете многое другое. Помните, Гросс, я настаиваю на том, что мой партнер должен быть похож на иезуита.

Гросс, как будто читая мои мысли, спрашивает:

— Что, Браун, хотите съездить в Берлин?

— С огромным удовольствием, но попозже. Теперь мне нужно переменить климат, в Лондоне я исчерпал все возможности, больше мне здесь абсолютно нечего делать, надо переехать на континент. Меня зовет Париж, историческое сердце мира...

— Если бы вы, Браун, меньше фантазировали и болтали, вы были бы ценным человеком.

Что понимает Гросс в фантазии! С ним, однако, можно иметь дело.

Увы, я полагаю, что в Берлине в гестапо сидят не люди с лицами иезуитов и серыми глазами, а большие свиньи.

5

Весной 1934 года я уже гулял по улицам Парижа. В бумажнике у меня три тысячи франков; в боковом кармане — коллекция рекомендательных писем к ряду эмигрантских деятелей; в записной книжке — адрес зубной врача Мейнштедта.

На другой день после приезда я нажимаю кнопку звонка. Открывает мне очень недурная девица в белом переднике. У меня сразу поднимается настроение. Девица приглашает меня в приемную, там сидит пожилая дама и внимательно рассматривает потрепанный номер журнала. Вскоре ее приглашают в кабинет. Через пятнадцать минут наступает моя очередь.

В дверях меня ждет высокий человек в белом халате, он вытирает полотенцем руки и спрашивает, на что я жалуюсь. Я отвечаю, пристально глядя на него, что мне нужно пломбировать зуб, причем рентгеновский снимок послан из Лондона.

Зубной врач равнодушно относится к этому сообщению, но предлагает подождать в приемной.

Через несколько минут открывается дверь из соседней комнаты и ко мне приближается высокий худой человек с длинной шеей, как бы отпиленным подбородком, аккуратным пробором посередине и выбритым затылком. Лицо у него асимметричное, глаза смотрят в сторону.

— Кто вам рекомендовал этот зубоврачебный кабинет?

— Доктор Гросс.

— Ваша фамилия Браун? Заходите, пожалуйста, ко мне, господин Браун. У нас с доктором Мейнштедтом тесное сотрудничество и даже кабинеты рядом, только специальности у нас разные.

Я сижу в кресле и изучаю моего собеседника.

— Я рад с вами познакомиться, Браун. Мне сообщили о вашем предстоящем приезде. Я о вас все знаю. Меня зовут Форст, Ганс Форст. Запишите мой телефон. Раньше чем приходить, предупреждайте. Оставьте мне ваш адрес. Деньги у вас еще должны быть. Пока до свидания.

Да, с этим субъектом не особенно разговорись. Видно, большая свинья.

В течение нескольких недель я мирно и спокойно живу в столице мира. Я недурно знаю Париж и в особенности его достопримечательности, представляющие интерес для такого культурного человека, как я. Откровенно говоря, Париж все же пользуется незаслуженной репутацией; Берлин во

многих отношениях ни в чем не уступает. Многие знатоки могут подтвердить это, в особенности если речь идет об утонченных вкусах, которые мещане называют извращениями.

Я здесь продолжал вести двойную жизнь и не ограничивался одними лишь развлечениями. Я не обидел ни тебя, Штеффен — хитрец и лакомка, ни тебя — мастер комбинаций.

В эмигрантских кругах, особенно пацифистских, я сделался своим человеком.

Вскоре в редакции одного из журналов я познакомился с очень интересным субъектом — Людвигом Арнольдом. Я к нему присматривался еще в Германии, так как слышал о нем много забавного.

Этот Арнольд был маленький, щуплый человек с приподнятыми плечами и большой головой, острыми чертами лица и близорукими глазами. Трудно себе представить, чтобы в таком слабом и маленьком теле могло быть сконцентрировано столько темперамента, энергии и настойчивости.

Я уже упоминал, что его в шутку звали «грозой рейхсвера», но в этой шутке была большая доля правды. Арнольд был личным врагом рейхсвера, и в течение десятка лет шла ожесточенная война между германскими генералами и этим щуплым человеком, видевшим во всех событиях в Германии руку Бендлерштрассе. Он предсказал, что будущая мировая война вспыхнет только благодаря рейхсверу, и с последовательностью человека, одержимого навязчивой идеей, Арнольд разоблачал закулисную деятельность генералитета.

Этот человек обладал талантом следователя и детектива. В области тайных вооружений Германии это был настоящий Кювье; подобно тому, как тот по одной косточке мог восстановить внешние формы допотопного животного, так Арнольд по одному случайному факту мог сконструировать целую эпопею. Дальнейшие события целиком подтверждали его разоблачения.

Арнольд глубоко проник за кулисы «черного рейхсвера». Он разоблачил наличие в Гамбурге завода, производящего удушливые газы. На основании катастрофы, происшедшей на Одере с понтоном, он размотал целый клубок тайных вооружений. В своих статьях он с упорством маньяка писал о военизации промышленности, о секретной деятельности германского красочного треста.

Рейхсвер платил Арнольду той же монетой — он его ненавидел. За маленьким журналистом было установлено специальное наблюдение. Агенты контрразведывательного бюро полковника Николаи пытались изобличить его в государственной измене, в сношениях с французской военноконтрольной комиссией.

Если бы это удалось, Арнольда можно было бы запрягать на несколько лет в каторжную тюрьму. Но маленький Арнольд был очень ловок и осторожен, кроме того, он действительно не имел никаких связей с контрольными комиссиями.

Свою работу «Малыш» (так звали его друзья) проводил очень методически, завел у себя большой архив и прекрасную картотеку.

По своей природе, а также в силу своей деятельности Малыш был крайне подозрителен и всегда настороже. К каждому новому знакомому он подходил как судебный следователь и постоянно пытался уличить своего собеседника во лжи или в двойной игре. Мне рассказывали, что у Арнольда возникали конфликты даже с друзьями, так как он раздражал их своей подозрительностью и постоянными допросами.

Он доверял, как это ни странно, только своей жене.

Я давно интересовался этим человеком, так как меня с ним объединяла любовь к сложным комбинациям, во всем остальном, однако, мы были антиподы. Меня изумляла его скромность и бескорыстие. Откровенно говоря, я не верил в них и считал Арнольда лицемером и ханжой.

Я твердо убежден, что всякий нормальный человек стремится хорошо поесть, обладать всеми хорошенькими женщинами, которых он встречает, со вкусом одеваться. Исклю-

чение представляют лишь люди с катаром желудка, импотенты и честолюбцы.

Все разговоры о том, что у человека на первом плане может стоять долг, идея, работа, — все это обман или в лучшем случае самообман. Те, кто пользуется всеми благами жизни, любят прикрыть свои маленькие удовольствия фиговым листочком. Те, кто слаб или слишком труслив, чтобы добиться удовлетворения своих чувственных стремлений, притворяются к ним равнодушными и проповедуют честную, нравственную жизнь.

Этот Арнольд, по моему глубокому убеждению, либо лицемерен, либо чертовски честолюбив. Я хотя свободен от этого порока, но прекрасно понимаю психологию честолюбивого человека, готового многим пожертвовать для удовлетворения своей главной страсти. Бескорыстие, чувство долга, идея — все это дешевая чепуха.

Но я несколько увлекся отвлеченными рассуждениями. Итак, этот Арнольд еще за несколько месяцев до победы Гитлера уехал из Германии и поселился в Страсбурге. Он сумел при этом увезти с собой почти весь свой архив. В дальнейшем он стал издавать информационный бюллетень, целиком посвященный вооружениям Третьей империи. Этот бюллетень часто воспроизводил очень интересные материалы, которые иногда перепечатывали французские и английские газеты.

У Малыша, по-видимому, сохранились в Германии кое-какие связи. Во всяком случае, публикуемые им сведения могли исходить только из хорошо информированного источника.

При первом знакомстве с Арнольдом я держал себя очень сухо и не проявлял никакого интереса к его личности, тем не менее, я уловил его подозрительный взгляд. Во время беседы он заметил, что спешит вернуться в Страсбург, так как шпики гестапо якобы шныряют вокруг его загородного домика.

При следующей встрече я на всякий случай вручил Арнольду липовый документ, полученный от Форста. Арнольд был, видимо, доволен, но со смущенным видом зая-

вил, что не располагает в настоящий момент деньгами и просит меня обождать с гонораром несколько дней. Я с ноткой обиды ответил, что беру гонорар только за свои статьи, а не за попавший мне в руки документ, и буду целиком удовлетворен, если этот документ будет опубликован. Я при этом просил Арнольда не печатать факсимиле, но лишь воспроизвести содержание документа, внося в него некоторые изменения. В противном случае может пострадать мой информатор, находящийся в Германии.

После этого разговора я еще дважды встречался с Арнольдом, и у меня создалось впечатление, что он ко мне неплохо относится. Прощаясь, он даже предложил мне навесить его в случае, если я окажусь в Страсбурге.

Одно время я хотел было рассказать о моем новом знакомстве Форсту, но потом раздумал: не следует посвящать людей, от которых зависишь, в свои дела. Поменьше общительности, Штеффен.

Прошло около трех месяцев со дня моего приезда в Париж. За это время я очень редко посещал Форста, и то только тогда, когда у меня кончались деньги. При последней встрече Форст иронически спросил меня:

— Ну что, вы уже отдохнули, Браун? Скоро начнете работать?

Когда я ответил, что не теряю напрасно времени, он перебил меня и сказал, что хорошо информирован о моей антифашистской деятельности, но считает, что пора уже перейти к настоящей работе.

— Вы, Браун, стоите нам чертовски дорого, а настоящего дела мы от вас что-то не видели. Откровенно говоря, я лично поднял бы вам выше кормушку, это бы вас активизировало. Пишите расписку на шесть тысяч франков.

Шесть тысяч — это неплохо; клянусь мадонной, с гестапо можно иметь дело.

Я протягиваю расписку и получаю пачку ассигнаций.

— Деньги счет любят, разрешите пересчитать.

Странно — только три тысячи. Сначала мне приходит в голову, что Форст ошибся, я смотрю на него.

Ах, так, — понимаю.

— Все в полном порядке, господин Форст. До свидания, господин Форст.

На улице я про себя продолжаю беседу с воображаемым Форстом:

«Значит, вы положили в карман три тысячи франков, господин начальник. Это неплохо.

Вы говорите, что я на этом деле ничего не потерял?

Возможно, но честность прусского чиновника? Но доброе имя гестапо? Но благо Третьей империи?

Впрочем, развлекайтесь, господин Форст, как умеете.

Нет, вы не будете тратить денег на девчонок и другие интеллектуальные вещи. Нет, вы их поместите в швейцарский банк на имя вашей мамы или тети. Мало ли что может случиться с Третьей империей, необходимо обеспечить себя на черный день.

Вы, господин Форст, играете без дураков и не любите проигрывать.

А ты, бедный Штеффен, ты не имеешь денег на банковском счету. Ты — богема и человек широкой души. Ты умрешь под забором, если вовремя не остепенишься. Тебе уже сорок лет, пора подумать о тихой пристани, об уютной жене, о колпаке на ночь, о шелковом халате. Даже в такой идиллической обстановке одаренный человек может недурно развлекаться.

Не будем впадать, Штеффен, в минорный тон и унывать, у нас с тобой в кармане три тысячи франков, перестань думать на серьезные темы и береги себя».

В течение трех недель я продолжал вести культурный образ жизни и, откровенно говоря, почти забыл о существовании Форста.

Утром телефонный звонок:

— Господин Браун? Говорит доктор Мейнштедт. Я вас жду сегодня в два часа для проверки пломбы.

Я несколько обеспокоен, откровенно говоря, предпочитаю грубую ругань и угрозы такого скота, как Гросс, злобному шипению змеи Форста.

Вхожу в кабинет с траурным лицом и видом тяжело больного человека, вытираю со лба пот, прижимаю руку к сердцу, тяжело дышу.

— Что с вами, Браун?

— Врачи нашли у меня миокардит, плохи мои дела.

— Меньше шляйтесь и бросьте курить крепкие сигары. Мы все же на медицинские темы поговорим позже. Дело в том, что вам придется проехать в Берлин. Вы, конечно, довольны, что вновь увидите свою родину?

— Я только об этом мечтаю, господин Форст.

— Вот вам паспорт на имя инженера Иоганна Мюллера, а это деньги на дорогу.

— Куда мне явиться? В гестапо?

— Не паясничайте, Браун. Когда приедете в Берлин, первым делом пойдите на Бюловштрассе, сорок три, поднимитесь на третий этаж и спросите доктора Банге.

— Скажите, господин Форст, чему я обязан счастьем побывать в Берлине?

— С вами хочет говорить наше большое начальство. Я вас поздравляю, Браун, вы быстро сделаете карьеру. Не волнуйтесь, с вами ничего плохого не случится. Вы как будто немножко побаиваетесь? Что?

— Послушайте, господин Форст, меня в Берлине знает огромное количество людей, меня могут встретить на улице, в кафе, в ресторане, — словом, везде.

— Откровенно говоря, я думаю, что вы встретите меньше знакомых, чем ожидаете: одни удрали за границу, другие находятся в наших бесплатных санаториях.

Лицо Форста скривилось в довольную усмешку, ему кажется, что он сострил.

— Что же вы предлагаете, Браун?

— Я скажу по секрету двум-трем моим друзьям, что еду нелегально в Германию за информацией.

Мой начальник посмотрел на меня и процедил сквозь зубы:

— Это не так глупо, попробуйте получить адреса. Странно, что мне не пришло это в голову. У вас, Браун, верхний этаж неплохо работает. Ну, действуйте и не позже чем завт-

ра выезжайте. Не забудьте: Берлин, Бюловштрассе, сорок три, доктор Банге.

Откровенно говоря, чувствую себя неважно и не испытываю никакого желания отправляться в Берлин. Я уже говорил, что не являюсь героической личностью и не люблю острых ощущений. А что если на границе или в Берлине меня арестуют? Эти господа очень злопамятны и могут вспомнить ошибки моей юности. Быть может, они со мной все это время возились только для того, чтобы заманить меня в Германию.

Нет, все это чепуха, из-за какого-то Штеффена не стали бы они тратить деньги и время. Ты, мой друг, становишься мнителен. Это не свойственно твоей натуре. Как бы то ни было — нужно ехать.

В тот же вечер я встречаюсь с двумя эмигрантами, пользующимися серьезной репутацией, и под большим секретом сообщаю, что еду в Германию. В случае, если я через двенадцать дней не вернусь, они должны сообщить о постигшей меня беде моим иностранным друзьям, в первую очередь Стиду.

— Но ведь эта поездка связана для вас с большим риском, Штеффен?

— Я никогда не боялся опасности, — отвечаю я.

Что касается адресов, то пусть Форст не считает меня дурачком; стоит мне проявить любопытство, и немедленно возникнет подозрение. Пусть инициативу проявляют другие.

Когда разговор заходит о цели моей поездки, я застегиваюсь на все пуговицы и только мимоходом замечаю, что хочу встретиться с несколькими друзьями в Берлине и в Мюнхене.

Один из моих собеседников после некоторого колебания, заметного невооруженным глазом, спрашивает меня, взялся ли бы я передать записку одному лицу в Берлине.

— Записки я не возьму, и удивлен, что вы меня об этом просите — это самый верный способ попасться и доставить при этом неприятность другому. У меня, однако, прекрасная память, и я могу все точно запомнить.

Мой собеседник с облегчением вздыхает и просит зайти к адвокату Оскару Бюркелю, адрес которого я найду в телефонной книге, и сообщить ему, чтобы он прекратил посылку писем в Саарбрюккен и пользовался новым адресом: Амстердам, главный почтамт, до востребования, Окману.

6

На другой день я сижу в вагоне поезда, приближающегося к германской границе, и, откровенно говоря, чувствую себя неважно, хотя и убеждаю себя, что все мои опасения ни на чем не основаны. От этих господ можно всего ожидать. Наконец, свинья Форст мог мне подсунуть дрянной паспорт, меня задержат на границе, посадят, потом выпустят, но пока у меня на зубах и ребрах сыграют не одну сонату.

Поезд останавливается. Граница. Входят таможенные чиновники. Они ничуть не изменились: та же старая форма, те же толстые физиономии, та же корректная грубость. Проверка паспортов. Сердце у меня бьется учащенно, чувствую, что бледнею.

Подходит личность с пачкой паспортов в руках:

— Вы — Иоганн Мюллер?

Сердце перестает биться, мне, однако, протягивают паспорт с отметкой о проезде границы. Все сошло благополучно. Ко мне возвращается обычная развязность:

— Могу я выйти из вагона?

— Да, пожалуйста, поезд уходит через двенадцать минут.

Пока все развивается нормально. Подождем Берлина. Смелее, Штеффен. Если бы они хотели тебя посадить, то сделали бы это на границе.

Берлин, вокзал «Зоологический парк», беру носильщика, сажусь в такси, называю отель на Тауенциенштрассе. Смотрю в окно: Берлин явно изменился, меньше народу на

улицах, сократилось автомобильное движение, зато всюду группы штурмовиков. Откровенно говоря, их вид не доставляет мне ни малейшего удовольствия.

Оставляю чемодан в отеле, заполняю у портье анкету, отдаю паспорт и выхожу на улицу. Да, в городе тяжелый воздух, люди ходят мрачные, в подземке и автобусах царит молчание. Зато штурмовики ведут себя как победители: толкаются, не извиняясь, громко разговаривают. У них у всех какие-то крутые зады, туго обтянутые коричневыми галифе. Эти зады и выбритые красные затылки вызывают во мне чувство отвращения.

Осматриваю знакомые места: нет «Кабаре дер Комикер» — «Романского кафе», где собиралась богема; на улицах совершенно не встречаю знакомых людей. Кажется, Форст действительно был прав. Решаю идти сразу на Бюловштрассе, — еще случайно, по недоразумению, схватят на улице или в отеле.

Вылезаю из подземки, нахожу сакраментальный номер, поднимаюсь на третий этаж, звоню. Дверь открывает здоровенный парень с лицом гориллы; он одет в форму охран-ных отрядов.

— Ну, в чем дело?

— Я к доктору Банге.

— Проходите.

Сижу в маленькой приемной комнате и терпеливо жду. Мимо меня проходят люди, преимущественно в штатском. Жду уже около часа, начинаю дремать. Неожиданно вздрагиваю; ко мне подходит незнакомая личность и предлагает перейти в другую комнату. Я хочу вернуться в коридор, но меня вталкивают в дверь направо. Я сначала перепуган, но потом начинаю понимать, в чем дело: очевидно, должен пройти человек, которого мне не следует видеть.

На стуле лежит последний номер «Фелькишер беобахтер», — пробую читать, невыносимо скучно. Если бы здесь хотя бы была смазливая секретарша, можно было бы пофлиртовать, а так невыносимая тоска.

Проходит еще двадцать минут, еще полчаса, наконец дверь открывается:

— Пройдите к доктору Банге.

Я вхожу в кабинет. Голые стены, на камине бюст фюрера, окна плотно завешаны, на полу мягкий ковер, заглушающий шаги, на дверях тяжелые портьеры.

В комнате двое. Один сидит у письменного стола, второй в стороне, в кресле. Лица его я не вижу, так как на столе горит лампа с низким и широким абажуром. Сидящий у стола протягивает мне руку.

— Доктор Банге.

— Штеффен.

— Не Штеффен, а Браун, — поправляет Банге.

Это небольшого роста человек с продолговатым черепом. У него резкие черты лица, глубоко посаженные темные глаза, выдающийся подбородок, несколько оттопыренные уши. Он не похож на немца, — скорее на хорвата. Голос у него резкий и довольно хриплый.

— Ну, как приехали? Трусилы здорово? Что?

Я спокойно отвечаю, что приехал к себе на родину, как человек, стремящийся ей быть полезным, и что никаких оснований для беспокойства у меня не могло быть.

— Вы, кажется, обиделись, Браун; я ведь пошутил.

В этот момент с кресла поднимается второй человек, о существовании которого я почти забыл. Он протягивает мне руку, я ее пожимаю.

— Рад чести познакомиться с вами, господин полковник.

— Вы меня знаете?

— Полковник Николаи слишком большой человек, чтобы я мог его не знать.

На меня направлен пристальный взгляд. Да, я прекрасно узнаю это лисье лицо, седые виски, колючие глаза и тонкие губы. Это начальник контрразведывательного отделения германского генерального штаба, о котором кое-что стало известно только после войны. С его именем тесно связана работа германской разведки и контрразведки в период 1914-1918 годов. Его достоинства многими оспаривались, и кое-кто из военных считал, что английская «Интеллидженс Сервис» неоднократно подсовывала агентуре пол-

ковника Николаи апокрифическую информацию, сбивавшую с толка генеральный штаб.

После революции Николаи сошел со сцены и в течение некоторого времени скрывался, позже вновь выплыл на поверхность воды. По поручению рейхсвера он организовал частное разведывательное бюро, обслуживавшее Бендлерштрассе*. В этой области Николаи конкурировал с аналогичным предприятием Гаральда Сиверта, обслуживавшего министерство внутренних дел. Полковник, однако, был гораздо умнее и несравненно опытнее, нежели алкоголик и кокаинист Сиверт, замешанный в целом ряде скандальных афер, начиная фальшивыми документами Орлова и кончая такими же фальшивыми червонцами Карумидзе. Кстати, этот Орлов мне очень нравился. Он был на редкость хитер и понимал толк в девочках, несмотря на свою библейскую бороду.

Но я возвращаюсь к Николаи. До победы Гитлера он продолжал обслуживать информацией рейхсвер, изредка являясь жертвою мистификации. Я точно знаю, что весной 1931 года состоялось секретное заседание в военном министерстве, где Николаи заявил, что у него имеются абсолютно точные сведения о предстоящем в течение нескольких ближайших дней нападении поляков на Восточную Пруссию. Это сообщение произвело настолько сильное впечатление, что в срочнейшем порядке были отправлены в Восточную Пруссию и Силезию пулеметы, колючая проволока, ручные гранаты. Одновременно были начаты переговоры со «Стальным шлемом» о мобилизации его членов.

Все это оказалось мистификацией, и Николаи был сильно скомпрометирован. Я лично все же считаю полковника блестящим организатором разведки и контрразведки. У него, правда, не особенно развиты аналитические способности, это и является причиной его частых неудач.

* Бендлерштрассе — улица, где находится германское военное министерство.

Таким образом, полковник Николаи теперь, видимо, играет руководящую роль в гестапо, и я имею честь быть им принятым.

Штеффен, твои акции бурно поднимаются: с тобой говорят высокие господа. Тут надо быть настороже; смотри, Штеффен, не снаивничай и не просчитайся.

— Итак, вы меня знаете, господин Браун. Что касается меня, то я до сих пор не знал вас лично, но зато кое-что о вас слышал, да, кое-что. Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю, господин Браун? Теперь мы знакомы и поговорим о деле. Господин доктор, разрешите мне объяснить нашему другу Брауну, что мы от него хотим и зачем мы его пригласили в Берлин.

Видите ли, мы очень высокого мнения о ваших способностях и возлагаем на вас некоторые надежды. Мы вас не торопили и предоставили вам достаточно времени для подготовительной работы. Теперь мы считаем, что наступило время дать вам серьезные поручения. Вы понимаете, конечно, что нас в первую очередь интересуют коммунисты, все остальные по существу не играют серьезной роли. Пацифисты, демократы и прочие в общем безобидный народ. Кое-кто из эмигрантов нам действительно вредит, но мы это ликвидируем тем или иным путем, а вот коммунисты остаются. Нам сообщали из Парижа, что вы как-то избегаете расширять свои связи в сторону коммунистов. Чем это объясняется?

— Видите ли, господин полковник, я откровенно признаюсь, что к коммунистам мне до сих пор не удавалось подойти.

— Это печально, но вы все-таки на обратном пути попробуйте в Сааре с ними снюхаться. У вас, правда, в манерах и внешности есть нечто такое, что должно не нравиться коммунистам. Если из этого ничего не выйдет, то у нас есть для вас другое очень ответственное поручение. Вам говорит что-либо имя Людвиг Арнольда? Это одна грязная каналья, за которой я охочусь уже пятнадцать лет.

— Да, я знаком с ним и по своей инициативе постарался сблизиться.

— Вы предусмотрительны, — сухо заметил Николай. — Постарайтесь углубить ваше знакомство с Арнольдом и завоевать его доверие.

— Простите, господин полковник, но для этого нужны деньги и время.

— Первое у вас будет, второго у нас меньше. Помните, что этот негодяй чертовски осторожен, мы к нему уже подсылали людей, но ничего из этого не получилось.

— Хорошо, допустим, я войду в доверие к Арнольду, что мне нужно будет делать потом?

— Вы слишком любознательны, господин Браун, это не всегда полезно.

— Не будем предвосхищать событий, — добавил своим хриплым голосом Банге. — Когда надо будет, к вам приеду я или человек, посланный мною.

— Но помните, Браун, — вновь вмешался Николай, — что мы придаем большое значение Арнольду и вашим хорошим отношениям с ним. Главное, никакой поспешности, излишнего рвения и темперамента, времени не теряйте, но и не спешите.

— В таком случае пусть меня не торопят ваши люди в Париже.

— Будьте совершенно спокойны, Форст гораздо умнее, чем вы думаете.

Теперь удобный момент для того, чтобы рассказать историю с распиской на шесть тысяч франков, но немедленно вслед за этим я отказываюсь от этого намерения. Сам Николай тоже не совсем чист на руку и во время войны приобрел недурное имение. Кроме того, рискованно портить себе отношения с Форстом, ведь фактически я от него завишу.

Черт с ним, отложим разговор о Форсте на будущее. Мне, конечно, плевать па моральную сторону дела, но я очень люблю доставлять неприятности людям, в особенности пренебрежительно ко мне относящимся. Из-за этого я даже иногда наносил себе ущерб.

В этот момент Николай подходит к Банге и шепчет ему несколько слов на ухо. У меня тонкий слух, но я улавливаю

лишь слова — «пусть на него посмотрит». Банге кивает головой и нажимает кнопку на столе. Входит молодой человек с бегающими глазами и маленькой головой.

— Позовите Пауля.

Через минуту в кабинете появляется прекрасно одетый широкоплечий человек с военной выправкой; лицо у него на редкость невыразительное, даже тупое, взгляд неподвижный и тяжелый.

— Вот что, Браун, запомните Пауля, и если он к вам обратится, то, где бы вы ни находились, выполняйте его распоряжения.

Я внимательно всматриваюсь в это лицо; его легко запомнить, несмотря на редкую невыразительность, впрочем, может быть, именно благодаря этому.

После этого Банге спросил меня, не имел ли я каких-либо поручений от эмигранта из Парижа. Я вспомнил об адвокате Бюркеле и данном мне поручении. Банге нахмурился.

— Хорошо, что я вас об этом спросил, Браун. Бюркель арестован уже десять дней назад, за его квартирой установлено наблюдение, и, если бы вы туда позвонили, вас бы немедленно арестовали, что имело бы неприятные последствия для вас и для нас. Для вас — поскольку вам пришлось бы подвергнуться двум-трем допросам, до того как я узнал бы о постигшей вас неудаче. Для нас — поскольку вас пришлось бы продержать месяцев пять в «Колумбия-хауз» и потом организовать вам побег.

— Как же мне быть с поручением к Оскару Бюркелю?

— А знаете — это даже удачно. Накануне вашего отъезда, то есть послезавтра, заходите ко мне еще раз. Этот идиот Бюркель может еще вам пригодиться. А теперь вот что, Браун. У меня сегодня маленькое семейное торжество; приходите ко мне после одиннадцати часов. Я живу на Оливаштрассе. Вы ведь, кажется, любите невинные развлечения. Что?

Я поблагодарил и встал, собираясь уходить.

— Вот вам пятьсот марок, больше вам не надо, так как вы пробудете здесь только два дня, а марки, как вы знаете,

запрещено вывозить за границу. Итак, до скорого свидания.

Я вышел из кабинета и отправился обедать к Борхардту. Сидя за столиком, я подытоживал свои впечатления. Этот Николаи большая бестия и вначале бросил мне угрожающий намек. Банге как-то более уютен, но он, видно, ниже рангом полковника.

Что касается данных мне заданий, то с коммунистами вряд ли что выйдет, у меня с ними как-то не вытанцовывается. Попробуем все же разыграть комедию в Саарбрюккене.

Вот этого Арнольда я рассчитываю неплохо обставить. Они явно хотят с ним проделать большую операцию, в чем дело, однако, пока неясно.

Тебе все же, бедный Штеффен, придется так или иначе подложить Арнольду свинью, но ты не должен огорчаться, он ведь убежденный человек и, следовательно, должен мириться с проистекающими отсюда неприятностями. У тебя же в жизни ничего нет, кроме самого себя, и ты, Штеффен, должен позаботиться о себе, о единственном.

Пятьсот марок это немного, но на один вечер хватит с избытком, ведь сегодня я на вечеринке у Банге. Кстати, зачем он меня позвал? Может быть, он хочет напоить меня и потянуть за язык, а быть может, хочет меня кое-кому показать. Вероятнее всего, что он просто пригласил меня без определенной задней мысли.

— Кельнер — рюмку бенедиктину и одну импортную.

Я долго выбираю из нескольких коробок сигару.

Меня интригует эта семейная вечеринка.

Я выхожу из ресторана и направляюсь на Лейпцигерштрассе. Опять группы штурмовиков; один меня толкает локтем в грудь и называет «еврейской свиньей». Вот это номер, ведь я чистокровный немец! Впрочем, ручаться нельзя: может быть, моя бабка или прабабка, плохо знакомые с расовой теорией, проявили недопустимый либерализм. В результате у меня в лице появились неувлимые черты, вызвавшие соответствующую реакцию у штурмовика. Я, правда, мог бы ему объяснить, что много лет на-

зад мой череп щупал старый профессор, специалист по вопросам расы, и признал меня арийцем. Но я предпочитаю не вступать в дискуссию на эту тему со штурмовиком па улице.

На углу Лейпцигерштрассе и Фридрихштрассе я ловлю направленный на меня пристальный взгляд. Вижу удивленное лицо старого знакомого. Как это он еще не в концентрационном лагере? Он смотрит на меня и колеблется, подойти или нет. Я едва заметно даю головой отрицательный сигнал. Мой знакомый немедленно исчезает за углом. Часа через два захожу в кафе выпить кофе.

К столику подходят двое в коричневых рубашках, у них кружка для сбора денег; они предлагают какие-то жестяные булавки со свастикой. Я опускаю в кружку марку. Штурмовики изумлены моей щедростью, и я получаю звание «партейгеноссе».

Итак, только что я был «еврейской свиньей», а теперь реабилитирован, и все это за одну марку,

У соседнего столика сидит пожилой человек с лицом профессора; коричневые рубашки протягивают ему кружку; он делает вид, что не замечает, и углубляется в газету. Штурмовик встряхивает кружку, звенят монеты. Штурмовики отходят в сторону и садятся за столиком у выхода. Понятно, они пойдут за профессором. Смелый старикан, но дурак, я бы на его месте опустил три пфеннига, и все было бы в порядке.

В одиннадцать часов я звоню в квартиру Банге. В передней несколько шляп и черных кепи охранных отрядов. Вхожу в прекрасно обставленную гостиную. Сильный свет, яркие краски, рябит в глазах. Мне навстречу идет Банге, берет под руку и вводит в соседнюю комнату.

Невероятно накурено, грубые голоса, женский писк и взвизгивание. За столом сидят человек шесть мужчин, у всех красные, потные лица, некоторые без пиджаков. Несколько очень недурных девчонок ведут себя без стеснения. Меня усаживают, знакомят с мужчинами, с девицами я знакомлюсь сам. Через несколько минут я чувствую себя в своей тарелке и не теряю времени...

Я проснулся в двенадцать часов дня в своем отеле на Тауенциенштрассе. Откровенно говоря, я очень неплохо провел ночь.

Ну и свинья же этот Банге! Все было весьма мило, только я никогда не был поклонником маркиза де Сада. Я в своей жизни изучил не один притон, но такого свинства я не видел. Мне даже делается жалко, что я завтра уезжаю. Они ведь сговаривались еще об одной «семейной вечеринке».

Голова трещит, во рту отвратительный вкус. Принимаю таблетку «неуранидала», лезу под душ, чувствую себя бодрее. Весь день фланирую по улицам. Сажу в кафе. Вечером отправляюсь, как условился накануне с Банге, на Бюловштрассе.

У Банге помятое и зеленое лицо, желтые глаза. Он на меня тупо смотрит, потом вспоминает:

— Так вот что, Браун, нужно будет организовать вам нелегальный переход границы. Это звучит очень романтично и пригодится вам.

— Но я ведь не знаю, где перейти границу.

— Вам не о чем беспокоиться, все будет организовано. В одном купе с вами будет ехать мой приятель, он все устроит. Вам нужно лишь выйти из вагона на последней германской станции перед границей. Билет вам даст мой секретарь, когда вы выйдете от меня. Помните о разговоре с полковником и о том, что нас интересует.

Вчерашняя «вечеринка» дает себя знать, я решаю никуда не ходить, а спокойно отдохнуть у себя в номере. Правда, у меня есть пятьсот марок, и неизвестно, что с ними сделать. Решаю купить себе золотые часы, несессер и что-нибудь еще в этом же роде.

Еще днем я купил в киоске детективный роман Уоллеса и у букиниста книгу Томаса Манна «Волшебная гора». Лежа в постели, пробую читать Уоллеса. Скучная чепуха. Авторы детективных романов страдают одним и тем же крупным недостатком — отсутствием фантазии. Существует неизменный трафарет, изредка изменяются детали.

Вообще я заметил, что детективной литературой, романами, посвященными шпионажу, увлекаются люди самых

неромантических профессий: тайные советники, профессора, бухгалтеры, педагоги. Это совершенно понятно. Но для человека, знающего, как мало романтики в шпионаже, сыском деле и т. п., этот вид литературы невыносимо скучен.

Пробую читать «Волшебную гору», она меня захватывает. Это страшная книга. Ее лейтмотив — гниение и смерть, а я этого чертовски боюсь. Хочется бросить книгу, но а то же время она притягивает к себе.

Я считаю, что наука совершила колоссальное преступление перед человечеством, лиши его веры в провидение и загробную жизнь. По существу, нет ничего блаженнее жизни верующего человека, который до пятидесяти лет грешит сколько влезет, а потом начинает творить добрые дела, умиленно молится, вступает в непосредственный контакт со всевышним и спокойно умирает, уверенный, что его ждет неплохая жизнь и в царстве теней. Нам же, давно потерявшим веру, приходится грешить до конца дней и умирать без всякой надежды сыграть в покер с Радамантом или апостолом Петром.

Ночью, под влиянием отвратительной книги и собственных философских размышлений, меня мучают тяжелые сны. Я в особенности отчетливо запомнил, как меня подвергли операции, забыв предварительно усыпить, как я чувствовал невыносимую боль, но от ужаса не мог произнести ни слова и только едва заметно шевелил губами. Хирургом, кстати, был полковник Николаи.

7

 в купе второго класса. Укладываю новенький, только что купленный у Розенгейма саквояж на сетку. Сажусь у окна. Оказывается, гестапо позаботилось даже об удобном месте для тебя, Штеффен, а ты всего этого не ценишь.

Поуютнее усаживаюсь, осматриваю своих соседей, — их пятеро. Кто из них приятель Банге? Мой визави — пожилой человек с болезненным и утомленным лицом. Это, конечно, не он.

Направо от меня сидит блондинка лет двадцати пяти, у нее смазливая мордашка, соблазнительная фигура, надушена моими любимыми духами. Вот только ноги у нее далеко не первоклассные. Короткая и широкая ступня, низкий подъем, икры однако недурные. Девницей я, впрочем, займусь попозже, раньше необходимо найти приятеля.

Рядом с блондинкой сидит человек в сером костюме и коричневых перчатках. Он читает иллюстрированный журнал и, видимо, целиком поглощен им. Вскоре он ловит мой взгляд и несколько секунд смотрит на меня, без особого, впрочем, интереса. Лицо самое заурядное, как будто созданное специально для примет в паспорте. Не исключено, что это он и есть.

Напротив сидят еще двое: один, видимо, иностранец, читает книгу на голландском языке, другой небольшой подвижной человек со знаком свастики в петлице. Он беспрерывно ерзает, часто поглядывает на меня. На первый взгляд, это и есть мой приятель: лицо у него полицейское, свастика, — но я уверен, что это не он — этот стишком суетлив и слишком похож на шпика.

В углу у дверей сидит пожилая дама, она в счет не идет.

Итак, следует считать, что приятель Банге — молодой человек в сером костюме с заурядным лицом.

По-видимому, проблема разрешена, и я могу спокойно заняться соседкой, которая уже проявляет явные признаки недовольства: она раздраженно пудрит себе нос и подкрашивает губы. Когда я к ней наклоняюсь, она демонстративно поворачивает голову к окну. Я достаю портсигар, — не возражают ли уважаемые дамы?

Пожилая, у двери, бормочет что-то нечленораздельное, моя же соседка, оказывается, даже любит дым хорошей сигары.

— Фрейлен, конечно, едет в Париж?

— Почему же конечно?

— У фрейлен чисто парижский тип.

— Вот как, это забавно, я ведь в первый раз еду в Париж и так счастлива.

Девушка немного провинциальна, но заслуживает внимания, надо будет в Париже ее разыскать.

В вагоне-ресторане обедаем вместе, ведем переговоры при помощи ног. Девушка пытается заплатить за себя, я закрываю ее сумочку. Она не протестует и с угнетенным видом подчиняется.

Мы опять в купе, все темы для беседы с моей соседкой исчерпаны, и я, несмотря на всю свою находчивость, бессилен что-либо выдумать. Делается скучно, и время течет очень медленно.

Но вот наступает ночь, входит пикколо и предлагает бутерброды, апельсины, папиросы. Проводник предупреждает, что через часа полтора мы приезжаем на границу.

— Значит, скоро моя станция?

— Через полчаса.

Я опять вспоминаю о своих соседях. Вертлявый человек со свастикой пристально смотрит на меня. Неужели это он?

Прощаюсь со своей соседкой. Она спрашивает, почему я выхожу на этой станции. Объясняю, что еду к брату, живущему здесь. Еще несколько минут. Выхожу в коридор. Интересно, кто за мной последует. Пока я один. Поезд останавливается. Спускаюсь на перрон — никого нет.

Вот так история! Банге, очевидно, напутал. Что же я буду делать на этой дурацкой станции? Машинально хочу вернуться в вагон, но вспоминаю, что у меня нет визы. Чувствую все нарастающее раздражение и беспокойство. Вот что значит иметь дело с пьяными идиотами! Теперь меня случайно арестуют, и начнется путаница.

Поезд трогается и медленно исчезает.

Вдруг у меня за спиной:

— Простите, господин Браун, я немного задержался.

Это оказывается иностранец с голландской книжкой. Я грубо ошибся. Кому-кому, но мне должно быть стыдно: меня разыграли как желторотого птенца. Несмотря на это, я чувствую прилив бодрости, хочется взять под руку «гол-

ландца», громко свистеть. Словом, реакция на испытанное беспокойство.

Мы выходим на улицу. Нас ждет закрытая машина. Садимся. Машина срывается. Из окна ничего не видно. Едем мы около часу. Мой спутник молчалив, и разговор не налаживается. Я терпеть не могу молчания. Машина останавливается. Мы выходим. К нам приближается человек в военной форме. Мой спутник обменивается с ним шепотом несколькими фразами, тот берет под козырек и отходит.

«Голландец» возвращается ко мне:

— Так вот, господин Браун, вам придется пойти по этой дорожке пешком, через минут десять-пятнадцать, когда услышите сзади выстрелы, — бегите, пока не наткнетесь на саарских пограничников. А там вы сами знаете, что нужно делать. Кстати, вам придется оставить свой саквояж, вам его пришлют позже. Вы сами понимаете, что с чемоданом не переходят нелегально границу.

Откровенно говоря, мне это очень не нравится: саквояж и его содержимое для меня безвозвратно погибли. Я очень консервативен и неохотно расстаюсь со своими вещами.

Господин Форст, вам этот саквояж обойдется очень дорого, вы подпрыгнете, когда увидите мой счет.

— Да, я едва не забыл, господин Браун: доктор Банге поручил передать вам этот конверт, там, кажется, деньги. Ну, а теперь вам нужно отправляться, время самое подходящее: не особенно темно, скоро будет светать. Счастливого пути!

Я иду сначала медленно, потом невольно ускоряю шаг. Этот фокус со стрельбой мне абсолютно не нравится: беги и жди, что какой-нибудь дурак тебе нечаянно влепит заряд в спину. Проходит, по-видимому, около десяти минут. Вдруг сзади выстрел, еще два. Я бегу.

Крик:

— Стой!!

— Что здесь происходит?

— Я перебежал границу, и за мной гнались.

— Значит, это в вас стреляли?

— Да, в меня.

— У вас есть документы?

Я предъявляю паспорт на имя Мюллера.

— Отчего же вы не поехали, как все нормальные люди, поездом?

— У меня были свои соображения.

— Ну, пойдемте со мной.

Дальнейшая процедура очень проста: показываю документ, доказывающий, что я пользуюсь правом проживания во Франции, получаю удостоверение, что был задержан при переходе границы.

Плачу сто франков штрафа и оказываюсь на свободе.

Через два часа я сижу в поезде, идущем в Саарбрюккен. Я счастлив, что все благополучно закончилось и романтическое приключение осталось позади, а я спокойно сижу в купе второго класса. Вынимаю пакет, данный мне на прощанье «голландцем», пересчитываю деньги — четыре тысячи франков. Что же, я собираюсь прожить в Саарбрюккене дней пять, а потом дня три в Страсбурге.

Денег хватит. Господин Банге, вы — джентльмен. И о вас у меня осталось хорошее впечатление, господин с голландской книгой. Только я забыл спросить вас, читаете ли вы действительно по-голландски.

Я насвистываю веселый мотив. Мои соседи на меня удивленно смотрят.

Я в Саарбрюккене — одном из самых забавных уголков Европы. Здесь причудливо скрещивается покойная веймарская Германия со здравствующей Третьей империей. Жизнь проходит под знаком предстоящего в ближайшем году плебисцита. Идет ожесточенная политическая борьба. Меня чертовски смешат эти демократы и католики, они прекрасно знают, что Саарбрюккен будет германским, но в то же время в глубине души надеются на чудо.

Я встречаю двух знакомых по Парижу эмигрантов. Прошу помочь мне выехать из Саарбрюккена. Меня расспрашивают. Сначала отмалчиваюсь, потом начинаю рассказывать: я нелегально ездил в Германию в связи с одним делом. Сначала все шло прекрасно. Мне, однако, дали в Париже одно дурацкое поручение. Я посетил адвоката Оскара Бюр-

келя, которому должен был кое-что сообщить. Я отправился к нему на квартиру. Едва не попал в засаду. С большим трудом выбрался, два дня скрывался у приятелей и после очень неприятных передраг добрался до границы. Ночью я ее нелегально перешел, подвергся жестокому обстрелу и ползком добрался до пограничного поста на Саарской территории.

Для большей убедительности я показываю удостоверение о нелегальном переходе границы. На меня смотрят с уважением и сочувствием.

В тот же день отправляюсь в Саарбрюккенский комитет коммунистической партии. Рассказываю о происшедшем со мной, с моей антифашистской деятельности, о связях, которыми я располагаю, в особенности в Лондоне. Я ни на что не претендую, но хотел бы быть полезен делу борьбы с фашизмом. Я убежден, что компартия является основным фактором в этой борьбе. Потом перехожу к своим политическим взглядам, исканиям.

Меня внимательно слушают, изредка задают вопросы. Мне начинает казаться, что я применил правильную тактику и добился положительных результатов. Кажется, Банге будет мною доволен. Ну, для первого раза хватит.

Один из коммунистов, молодой парень с руками рабочего и тонким лицом, догоняет меня на улице. Нам, оказывается, по дороге. Заходим выпить по кружке пива. Мы мирно сидим за маленьким столиком, покрытым клеенкой (я, кстати, терпеть не могу запаха клеенки). Я рассказываю о своих планах, излагаю свою оценку политических событий. Мой собеседник молча слушает. Вдруг он останавливает меня и спокойно вполголоса говорит:

— Вас, Штеффен, плохо проинструктировали, от вас за несколько километров пахнет духами гестапо.

Я возмущен и оскорблен.

— Вы, Штеффен, совершенно напрасно теряете время, с нами у вас ничего не выйдет. Вот наивных демократов или пацифистов вам, к сожалению, удастся обработать. Во всяком случае, я вам рекомендую отсюда убираться, иначе могут получиться неприятности.

Подозвав кельнера, коммунист платит за пиво и уходит.

Я громко говорю ему вдогонку:

— Вы еще пожалеете, безмозглый дурак.

Я так и ожидал, у меня с этими грубыми скотами ничего не выходит. Тоже, новые Макиавелли и Игнации Лойолы, — читают в сердцах. Нет, с первым поручением полковника ничего не выйдет. Я думаю, что у меня слишком интеллектуальные внешность и психология для этих узколобых сектантов. Я чувствую, как во мне нарастают озлобление и ненависть.

Впрочем, действительно нужно отсюда уезжать, чтобы не нарваться на большую неприятность.

На другой день я получаю деньги на билет до Парижа. Благодарю своих эмигрантских друзей и прошу их никому не говорить о моем пребывании здесь: я не хотел бы, чтобы об этом узнали местные коммунисты — их организация полна агентов гестапо..

В Страсбург я решаю не заезжать. У меня теперь упадок энергии и сил, я не могу забыть разговора с коммунистом.

Нет, Штеффен, теперь тебе нужно развлечься и отдохнуть. Не будем торопиться. Ты, мой мальчик, ведешь рискованную игру, смотри, не просчитайся, а главное, не падай духом.

Опять парижские улицы, специфический запах великого города. В течение нескольких дней я обхожу моих знакомых, рассказываю им о своей поездке, вздрагиваю при воспоминании о погоне и выстрелах на границе. Устраиваю головомойку приятелю, давшему мне поручение к Бюркелю. Тот уже знает об этом аресте, сконфужен и огорчен, просит извинить его.

— Дело не в извинениях, а в том, что мне долго нельзя будет показать носа в Германию, — укоризненно констатирую я.

На другой день вечером я звоню к уважаемому доктору Мейнштедту. Прохожу в кабинет к Форсту.

— Ну, как съездили, Браун? Со щитом или на щите?

Рассказываю о данных мне поручениях, о разговоре с Николаи и Банге. Для Форста это, очевидно, является но-

востью. У него приподнимается сначала правая бровь, потом левая. Это признак удивления, смешанного с недоверием. Когда я рассказываю Форсту о романтическом переходе границы, он язвительно улыбается и спрашивает:

— Что, спина чесалась, боялись получить пулю в зад, Браун? Что?

Меня это взрывает и я ехидно отвечаю:

— Конечно, господин Форст, я очень волновался, но меня больше всего беспокоило, что в случае, если со мной случится неприятное недоразумение, я не смогу вам писать расписок и благодаря этому уменьшатся ваши доходы.

У Форста судорожно сжимаются губы.

— Слушайте, Браун, я вам даю искренний совет: не шутите со мной. Вы меня плохо знаете, иначе были бы осторожнее. Почти все те, кто когда-либо позволял себе со мной шутки, теперь сидят в концентрационном лагере. Некоторых же в виде особой чести я сам допрашивал. Не завидуйте им, Браун, зависть большой порок.

Я чувствую неприятное ощущение — как будто у меня по руке проскользнула ядовитая змея. Я недооценил этого человека. Он опаснее, чем я предполагал. Я ясно читаю в его глазах злобу, жестокость, мстительность. Да, попасть в руки этого параноика — небольшое удовольствие. Я вспоминаю, как один национал-социалист, очевидно, такой же тип, убил человека за то, что тот двадцать лет назад доставил ему неприятность.

Если бы нашелся психиатр с беллетристическим талантом, он мог бы написать прекрасную книгу под названием «Третья империя и паранойя».

Я вспоминаю, как мой новый друг, Людвиг Арнольд, объяснял победу национал-социализма и секрет его влияния на массы: бывают периоды, когда целые народы после больших потрясений подвергаются психическому заболеванию, некоторое время носящему скрытый характер. Стоит появиться психопату большого калибра, обладающему в то же время большим запасом хитрости и ловкости, человеку типа Петра Амьенского, и он может повести огромное число людей в крестовый поход, на религиозную войну, на

массовое истребление. На этой же базе строится Третья империя. Арнольд при этом заметил, что коммунисты считают его теорию несерьезной. Откровенно говоря, я не могу о них вспомнить без раздражения.

Но я отвлекся от основной темы. Я смотрю на лицо Форста и думаю: «Я с вами действительно не буду больше шутить, — вы лишены чувства юмора. С другой стороны, однако, нельзя показать, что я вас побаиваюсь».

— Видите, ли, господин Форст, когда я беседовал с доктором Банге и полковником Николаи, то они сказали, что вы будете всячески помогать мне в моей очень серьезной работе, вы же меня нервируете. Не забудьте, что мне нервная энергия нужна больше, чем вам, спокойно сидящему в мягком кресле.

Моя наглость действует, как удар хлыстом. Форст бледнеет.

Теперь надо смягчать:

— Главное, господин Форст, нам не из-за чего ссориться. Я, кстати, очень расхваливал вас в Берлине, а вы из-за безобидной шутки полезли на стенку. Давайте мириться, и будем, как прежде, добрыми друзьями.

Лицо этой крысы меняется, как маска, и делается любезно-сладким:

— Я тоже пошутил, Браун. Ну и оригинал же вы! Перейдем, однако, к делу. Что вы предполагаете делать в ближайшем будущем?

— Напишите в Берлин, что я больше к коммунистам даже не сунусь, так как из этого ничего не выйдет, кроме того, что я буду скомпрометирован. Я лучше основательно займусь Арнольдом.

— Ну, желаю вам удачи. — И Форст машет мне кистью руки: так любящие мамы, уходя, прощаются со своими детками и при этом еще говорят «па-па».

«Па-па», господин Форст. Вы не знаете, как расценить мою наглость, и опасаетесь, что у меня сильная рука в Берлине. Но я с вами все-таки не буду ссориться, мой дружок. Нужно будет преподнести вам хороший сувенир».

Что бы могло понравиться этому милому современнику?

Идея! — прекрасный порнографический альбом с учетом его особых вкусов. Такого, какой я ему раздобуду, он сам в жизни не найдет.

Да, дорогой Форст, вы получите прекрасный подарок и в минуты отдыха будете развлекаться невинными картинками. Вам это полезно, господни начальник.

Я отправляюсь в редакцию «Паризер тагеблатт», нахожу там нескольких приятелей, расспрашиваю, когда должен приехать в Париж Арнольд. Оказывается, его ждут через неделю. Узнаю, где его можно найти. У меня несколько свободных дней. Необходимо отдохнуть.

— Поедем, Штеффен, в Дьепп. Мы с тобой любим соленый воздух, запах моря, розовые закаты. Еще приятнее, конечно, лежать в шезлонге и осматривать женщин в купальных костюмах, это настраивает на поэтический лад.

В первый же день моего отпуска я изучаю публику на террасе кафе, посасывая сквозь соломинку гренадин. За соседним столиком сидит смуглая худошавая дама далеко не первой молодости. Она прекрасно одета, в ушах сверкают бриллиантовые серьги, на руках кольца и браслеты. Несомненно — Южная Америка. Дама пристально на меня смотрит. Это становится интересным. Браво, Штеффен, ты еще нравишься пожилым женщинам, они более строгие ценительницы, чем молодые девицы.

— Гарсон, за этим столиком дует.

— Остальные все заняты.

Я приближаюсь к южноамериканской даме:

— Простите меня за беспокойство, но я очень чувствителен к ветру, — не разрешите ли вы мне присесть на несколько минут за ваш столик?

— Пожалуйста, здесь много места.

Из сумочки торчит угол конверта; так оно и есть: бразильская марка.

— Мадам давно из Бразилии?

Изумленно приподнятые брови:

— Каким образом вы угадали?

— Я был в Бразилии, влюблен в эту страну и в особенности в ее женщин. Я в вас сразу узнал бразильянку.

— А вы англичанин?

— Нет, я немец.

— Вы спортсмен?

Дама из Бразилии опытным взглядом рассматривает меня; ее глаза ощупывают мою мускулатуру.

— Мадам танцует танго? Ну, конечно, мадам из Бразилии..

— Господин Штеффен, вы прекрасно танцуете и у вас мужественный профиль.

Берегись, Штеффен, твоей невинности угрожает большая опасность.

Откровенно говоря, мой отпуск был основательно испорчен этой пылкой дамой. Но Штеффен обычно не делает глупостей и не тратит напрасно времени и сил. Уже на второй день бразильская дама сообщила мне, что она вдова и богатая женщина. Надо будет это проверить. Во всяком случае, я держу себя джентльменом: плачу за нее в ресторанах и кафе. Сначала она очень изумлена, так как, очевидно, приняла меня за солидного жиголо. Накануне моего отъезда в Париж улавливаемся о встрече.

Что же, в жизни все быстро изменяется, все течет и движется, и богатая бразильянка может когда-нибудь пригодиться, несомненно так же, как и я ей. Будем поддерживать эту связь, такие инвестиции часто приносят большую ренту. Может быть, ты, Штеффен, еще раз очутишься в Бразилии, но уже на другом амплуа. Ты совершенно прав, Штеффен, нельзя все ставить на одну карту. Конечно, старушка будет тебя стеснять, с этим придется примириться.

Все в этой жизни имеет теневые стороны; дураки ухитряются постоянно оказываться в тени, одаренный же человек удачно комбинирует свет и тени.

До скорого свидания, друг моей души, твой Штеффен тебя не забудет.

Я улавливаюсь с Арнольдом о встрече, он уже, оказывается, три дня в Париже. Мы сидим за столиком в почти совершенно пустом маленьком кафе.

Малыш спрашивает:

— Я слышал, что вы ездили в Берлин и едва оттуда выбрались. — Во взгляде сверкает искорка недоверия. — Зачем вы туда ездили, Штеффен?

— Видите ли, Арнольд, я с вами буду откровенен. Дело в том, что у меня немного политических убеждений, но к числу их относится непримиримая ненависть к военщине, к казарме. Если бы вы видели, во что превратил Гитлер Германию. Это форменный экзерцир-плац. Я убежден, что в Германии теперь еще больше, чем раньше, всем вертят генералы с Бендлерштрассе. Вот кто главный враг.

Я против войны не потому, что я пацифист, но просто из трусости; а именно трусость иногда делает людей храбрыми. Я в своей жизни сталкивался с военными самых разнообразных национальностей, но более беспощадной и жестокой разновидности человечества, чем немецкие генералы, я не могу себе представить. Они не способны мыслить другими категориями, нежели солдатскими. Они еще сумеют удивить наш мир, разучившийся удивляться.

— А зачем вы все-таки ездили в Берлин, Штеффен?

— То, что я вам только что сказал, как раз и должно было объяснить вам мою психологию. Меня многие считали легкомысленным и несерьезным человеком. Может быть, это и было верно, но ведь человек меняется, в нем доминируют те или иные центры. Если бы я захотел, я мог бы быть с победителями и участвовать в дележе добычи. Я чистокровный ариец и мог бы это доказать легче, чем скажем, Геббельс. Я происхожу из военной семьи, и знал многих людей из теперешней национал-социалистической верхушки. Словом, я мог бы сделать карьеру хотя бы в качестве журналиста. В этом деле я дал бы сто очков вперед гитлеровским пачкунам. Вы не будете спорить, что у меня острое перо и превосходный стиль. Я далеко пошел бы в министерстве пропаганды. Наконец, я благодаря полученному наследству располагаю некоторыми средствами и мог бы спокойно жить без волнений и забот. Вместо этого я веду жизнь политического эмигранта, рискую собственной шкурой. Странно, не правда ли? Я сам не вполне ясно понимаю руководящие мною мотивы. Иногда мне кажется,

что это романтическая склонность к приключениям, погоня за переживаниями. Ведь ни один народ не дал миру столько авантюристов, как наш, немецкий. Правильнее, однако, сказать, что это у меня республикански-демократический атавизм: ненависть к тем, кто пытается подавить мою волю. Если бы вы знали, Арнольд, какую злобу чувствовал я при виде штурмовиков на улицах Берлина, их наглых рож и крутых задов, обтянутых галифе! Кстати, у меня есть нюх, и я чувствую, что там скоро будет грызня.

— Вы что-нибудь знаете? — спрашивает Арнольд.

— Я кое-что слышал, — уклончиво отвечаю я. — Говорю это на всякий случай. Все это мои собственные комбинации, но у меня действительно есть нюх на такие вещи, и мои выдумки часто оказываются очень удачными.

Через три недели происходят события 30 июня — убийство Рема и других. Получаю записку от Арнольда, он опять в Париже. Мы встречаемся в том же кафе.

— Знаете, Штеффен, у вас, видно, есть хорошие источники информации. Жалко, что вы не сказали мне, в чем дело, я бы это использовал.

— Этого-то я и не хотел, нужно было предоставить событиям естественно развиваться.

— Знаете, Штеффен, я начинаю вас уважать; в то же время, однако, мне кажется, что вы не умеете рационально использовать свою информацию.

— Не думаю; у меня за границей имеются недурные связи, в частности, я хорошо знаком с Уикхэмом Стидом.

— Вот как, а я давно стремился установить с ним деловые отношения, моя информация несомненно заинтересовала бы его.

— Я вам смогу быть полезен, Арнольд. Кстати, как идет ваш бюллетень?

— Перепечатывают его довольно часто, но платных подписчиков у меня мало. Я выпускаю его кустарным образом, а это плохо отражается на своевременности информации.

Я предлагаю Арнольду найти ему нескольких платных подписчиков. Он смущен. Этот смелый и настойчивый че-

ловек очень застенчив. Откровенно говоря, я чувствую к нему симпатию. Интересно, что предполагают сделать с ним мои берлинские друзья? Но в моем положении не придется выбирать, нужно брать деньги там, где их находишь.

Прощаясь, я обещал Арнольду навестить его в Страсбурге и привезти кое-какую информацию. Как будто, его недоверие ко мне улетучивается. Но это еще не все, с ним придется еще долго поработать.

В течение нескольких дней я почти не бывал у себя в отеле, так как познакомился с одной хористочкой, очень ею увлекся и в результате начал неглижировать своими обязанностями. Наконец, в один прекрасный день портье сказал мне: «Вас уже несколько дней разыскивает по телефону какой-то немец, не то дантист, не то массажист, я вам все забывал сказать».

Я спешу к телефону:

— Доктор Мейнштедт, я сегодня буду у вас. Да, у меня боль в зубе прошла, можно ставить коронку.

Через час я в кабинете у Форста.

Он с трудом сдерживает бешенство.

— Где вы, Браун, пропадаете по целым дням? Неужели вы думаете, что мы вам даем деньги только для того, чтобы вы бегали за всеми юбками в Париже?

— Я вас тоже могу познакомить кое с кем из них, господин Форст.

— Бросьте глупые шутки, нам нужно переговорить об одном очень серьезном деле. Вы способны что-нибудь сообщать, Браун? Судя по выражению вашего лица, можно в этом усомниться.

— Будьте спокойны, я весь внимание.

— Так вот что, Браун. Вам придется проехаться в Чехословакию. Вы там бывали?

— Увы, никогда.

— Тем лучше. Вы поедете под фамилией Крюгер, но никто, абсолютно никто не должен знать, что вы выехали из Парижа. В этом деле требуется максимальная осторожность.

— Пока я все понимаю. Итак, идем дальше.

- Известен ли вам некто Рудольф Урбис?
- Директор франкфуртской радиостанции?
- Тот самый.
- Он ведь национал-социалист?

— Нет, ваши сведения очень устарели. Урбис — член «Черного фронта» и правая рука Отто Штрассера, который всегда ненавидел нашего фюрера, но теперь, после того как кокнули его братца Грегора, стал совсем бешеной собакой. У нас есть очень точные сведения о том, что вблизи нашей границы в Чехословакии, этот Урбис устроил небольшую радиостанцию и почти ежедневно в течение нескольких минут передает штрассеровские воззвания штурмовикам, оскорбляет наших вождей и тому подобное. Мы долго терпели этого прохвоста, но теперь, после измены Рема, деятельность Урбиса стала для нас невыносимой. У нас имеются, по-видимому, точные агентурные сведения, говорящие, что Урбис и его станция находятся в Штеховицах, в отеле «Загоржи». Сначала нас сбили с толку и сообщали нам, что Урбиса надо искать в деревне Загоржи. Ни на одной карте мы не нашли этой деревни, и только теперь выяснилось, в чем дело.

Итак, Вольфганг Крюгер, вы сегодня вечером выедете в Штеховицы, остановитесь в отеле «Загоржи», установите, действительно ли там находится Урбис. Проверьте, чем он там занимается, и самое главное — познакомьтесь с ним как можно ближе. Если вы обнаружите Урбиса и сумеете с ним сойтись — а это вы обязаны суметь сделать, — пошлите телеграмму в Варшаву по адресу, написанному на этой бумажке. В телеграмме должно быть сказано: «Вышлите деньги чеком».

— Если я вас, господин Форст, спрошу, к чему вся эта таинственность, вы, конечно, пройдетесь насчет моего любопытства, поэтому хочу лишь знать, до каких пор я должен торчать в этой дурацкой чешской дыре? Кроме того, мне нужно знать, за кого себя выдавать.

— Этому мне вас нечего учить, Браун; вы сами придумаете какую-нибудь версию. Что касается срока пребывания, то вы все узнаете на месте в нужный момент.

— Если вы думаете, что я стал умнее от ваших слов, господин Форст, то вы жестоко ошибаетесь. Пока все напоминает детективный роман.

— Словом, вы сегодня выезжаете.

— Я в этом не уверен: для того, чтобы отправиться в путешествие, хотя бы даже столь таинственное, нужно иметь деньги, а их-то у меня и нет.

— Но я ведь недавно дал вам две тысячи франков.

— Неужели вы думаете, господин Форст, что я за свой счет буду путешествовать по Чехословакии для того, чтобы поселиться в каких-то нелепых Штеповицах, нет, простите, — Штеховицах. Я не люблю, когда меня считают наивным, доверчивым ребенком.

Форст бросает на меня злобный взгляд и шипит:

— Пишите расписку на пять тысяч франков.

— Простите, господин Форст, но мне не хватит двух с половиной тысяч.

— Вы опять начинаете свои идиотские шутки, Браун?

— Я абсолютно не предполагаю шутить, я хотел лишь написать вам расписку на десять тысяч франков.

— Пишите на восемь тысяч франков.

Я выхожу на улицу, напевая песенку о Мальбруке, собравшемся в поход. В кармане у меня пять тысяч франков: Форст, видно, снизил свою ставку.

Я разрешил себе поездку в спальном вагоне, хотя Вольфганг Крюгер только скромный банковский чиновник. В купе жарко, долго не могу заснуть, мой сосед гнусно храпит; мне хочется всунуть ему в горло носовой платок. Думаю о встрече с Урбисом. Будь я страховым агентом, я бы отказался выдать ему полис. Рекомендую вам, мой пока еще незнакомый друг, написать завещание. Я, собственно говоря, с интересом думаю о предстоящей операции. Главное — это должна быть тонкая и чистая работа.

Днем читаю иллюстрированные журналы, просматриваю газеты, позже направляюсь в вагон-ресторан. С аппетитом обедаю. Я, кажется, слишком много ем, у меня начинает расти брюшко. Это, Штеффен, не дело, тебе еще рано толстеть, ты должен заботиться о своей фигуре. Подумай, что

скажут девицы; хотя, впрочем, некоторые авторитетно уверяют, что женщины любят толстых.

8

Вильсоновский вокзал в Праге. В моем распоряжении несколько свободных часов. Оставляю свой багаж на хранение.

Кстати, мой чемодан, оставленный в Германии на границе, довольно дорого обошелся Форсту. Он рвал и метал, когда я перечислял ему ценные предметы, находившиеся в чемодане. Он даже пробовал пугнуть меня тем, что запросит Берлин о содержимом моего багажа, оставленного на границе.

— Ничего из этого не выйдет, господин Форст.

— Почему?

— Да потому, что чемодан пропал.

— Откуда вам это известно?

— Я видел выражение лица моего спутника, любителя голландской литературы.

Итак, сдав вещи на хранение, я отправился осматривать город. Прага — это забавная смесь средневековой старины и современного. Прислушиваюсь к шипящему говору на улицах: «пшишли», «пшес», «ржикал». Закусываю в колбасном магазине «Земка» на «Вацлавске намести». Это главная улица золотой Праги. Немцы называют эту улицу «Венцельплац». Я нигде не ел таких прекрасных сосисок и пирожных, как в Праге.

Внимательно приглядываюсь к чешкам. Они вовсе не так толсты, как о них говорят. Среди них очень много хорошеньких. Жалко, что я не задерживаюсь в Праге. Ничего, наверстаю на обратном пути.

О чехах мне рассказывали, что их национальной траге-

дией является диспропорция между бурным темпераментом женщин и флегматичностью мужчин.

Я никогда не был шовинистом, однако должен сказать, что, когда вижу чешских или польских офицеров, я чувствую атавистическое желание вцепиться им в горло. Проанализировав это странное состояние, я пришел к выводу, что мы, немцы, привыкли считать чехов и поляков рабами, поэтому нас теперь приводит в бешенство вид этих людей в офицерских мундирах.

Я сижу в поезде, который ночью привозит меня в пресловутые Штеховицы. Воображаю, какая это провинциальная скучная дыра. Из тебя, Штеффен, кажется, хотят сделать коммивояжера. Ты, впрочем, не имеешь оснований быть недовольным: у тебя ведь, маленький хитрец, есть все, что ты так любишь, а вкус ведь у тебя неплохой.

В купе слышна только чешская речь. Из всех славянских языков мне нравится лишь русский, он, кажется, благозвучен: «господи помилуй», «спасибо», «хорошо».

Я по натуре очень общителен и начинаю скучать. Вынимаю из кармана номер «Вю», рассматриваю иллюстрации.

Мой сосед справа — старичок, похожий на белку, — начинает меня интервьюировать. Я отвечаю, что не понимаю по-чешски. Старичок переходит на ломаный немецкий язык:

— Вы иностранец?

— Да.

— Немец?

— Да.

— Вы едете в Германию?

— Нет.

— А куда?

— В Польшу.

— Что вы там будете делать?

Интервью делается невыносимым; я углубляюсь в журнал и перестаю отвечать на вопросы. Старичок апеллирует к другим едущим в купе и, очевидно, подвергает мою личность энергичной критике. Он, видно, при этом выражается не вполне литературно, так как девица, сидящая у окна,

смущенно краснеет и прячет нос в книгу; остальные хихикают.

На всех станциях по перрону бегают мальчики в белых куртках и пронзительно кричат: «пиво-пиво», «хоуски», «горки парки». Показываю пальцем на сосиски, — это, оказывается, и есть «горки парки», «хоуски» — это особой формы булки, посыпанные крупной солью.

От нечего делать смотрю в окно, вообще же я не любитель пейзажей, природных красот и тому подобного, — я всегда был на редкость прозаичен и ценил только одну красоту — женского тела.

По обе стороны поезда — поля, покрытые высокими жердями, по которым вьется хмель. Потом начинаются картофельные поля, временами — свекловичные. Везде работают люди, преимущественно женщины. Удивляюсь, как им это не надоедает. Мне страшно подумать о такой жизни: каждый год сеять, потом убирать урожай, опять сеять, опять убирать.

Я считаю, что вообще не существует интересной работы; если люди говорят, что работа их увлекает, они либо идиоты, либо лжецы. Уж, кажется, на что разнообразен труд журналиста, а по существу он чертовски скучен и утомителен. Впрочем, возможно, у меня очень индивидуальное восприятие, заурядные же люди просто не замечают того, что так раздражает меня.

Начинает идти мелкий осенний дождик, настраивающий меня на меланхолический лад. Для того, чтобы отвлечься от грустных мыслей, я пытаюсь представить, что я сделал бы, став неожиданно миллионером. В первую очередь я устранил бы из своей жизни все, что связано с элементом личного риска. Я обеспечил бы себе абсолютное спокойствие и безопасность. Я организовал бы специальную лабораторию, в которой известнейшие ученые наблюдали бы за процессами, происходящими в моем организме. Далее, я устроил бы небольшой, но изумительный гарем, в котором были бы представлены женщины тридцати национальностей. У меня был бы бассейн из розового мрамора, спальня была бы сплошь зеркальная. Я бы обставил ее приду-

манной мной мебелью сексуально-технической конструкции. Я бы подобрал библиотеку, содержащую эротические произведения всех веков и народов. Лингвисты специально переводили бы для меня эти книги.

Мои розовые мечты прерываются неожиданным приступом кашля: проклятый старичок закурил трубку с длинным мундштуком, начал выпускать клубы зловонного дыма и превратил купе в камеру, наполненную удушливыми газами. Я открываю окно. Девица протестует.

— Ну вас всех к дьяволу!

Выхожу в коридор, сажусь на откидной стул у окна. Наступает вечер. Входит проводник. На плохом немецком языке он объясняет мне, что я должен в двенадцать часов ночи выйти из поезда на станции Штеховицы и оттуда добратся в экипаже до отеля «Загоржи». Жду двенадцать часов и клюю носом, сидя в коридоре.

Поезд приближается к Штеховицам, возвращаюсь в купе, забираю свои вещи и ухожу, не прощаясь. Старичок с трубкой посылает мне вдогонку какой-то комплимент.

С трудом нахожу носильщика, он меня усаживает в старинный экипаж, в который впряжены две клячи. Объясняя, что мне нужно в «Загоржи», он не понимает, показываю бумажку с адресом:

— А, в «Загоржи»! — и подхлестывает своих призовых рысаков.

Мы въезжаем в парк. Он плохо освещен и поэтому похож на дремучий лес. Экипаж останавливается у подъезда. Никто не выходит. Мой возница кричит:

— Франтишку! Франтишку!

Никакого результата.

— Пепику! Пепику!

Дверь открывается, и из нее высовывается чья-то голова, за ней толстое туловище в нижнем белье. Пепик вскоре исчезает, но через несколько минут возвращается уже в каком-то халате и берет мой чемодан. Я рассчитываюсь с возницей и иду за молчаливым Пепиком. В вестибюле появляется портье. Он одет в халат, но на голове у него фуражка с золотыми галунами.

Я объясняю, что хочу получить комнату во втором этаже с балконом и ванной:

— Ванн при комнатах нет, они внизу, а балкон, пожалуйста.

Поднимаюсь на второй этаж, вижу, что отель «Загоржи» по существу представляет собой небольшой пансион, в нем, по-видимому, не более двадцати номеров. Комната обставлена неплохо, но мебель очень стара и от нее идет запах ветхости и еще чего-то неуловимого. Открываю окно на балкон.

Входит горничная, стелет постель и так аппетитно взбивает подушки, что у меня начинают слипаться глаза. Сама девица, впрочем, никуда не годится. Закрываю дверь на ключ, быстро заканчиваю вечерний туалет, ложусь в постель и засыпаю.

Под утро просыпаюсь: проклятая перина! — никак ею не укроешься. То весь пух оказывается на голове, то в ногах. Укроешь спину — вылезают колени, подтянешь перину на колени — холодно спине. Я чувствую, что одновременно потею и мерзну. Какой Торквемада придумал это орудие пытки — перину? Нахожу выход: укрываюсь покрывалом и собственным пальто, а на перину ложусь. Во второй раз просыпаюсь в девять часов.

Прекрасное солнечное утро. Встаю, одеваюсь, спускаюсь в столовую.

Около дюжины столиков, половина из них без приборов, на двух видны следы съеденного завтрака. Сажусь за пустой столик. Входит девица в наkolке и просит меня зайти в канцелярию отеля.

Мой ночной знакомый портье в течение нескольких минут внимательно изучает мой паспорт и, видимо, для концентрации мыслей энергично ковыряет в носу. На этот раз он в полном параде, лицо его дышит сознанием своего величия, что, как известно, свойственно всем портье. Он записывает в книгу мою фамилию и бурчит, что я уже второй немец в отеле.

— А кто первый?

— Господин директор Рудольф Урбис.

Далее следует вопрос, не хочу ли я заплатить за неделю вперед. Вид моего пухлого бумажника сильно действует на портье, он усаживает меня в кресло, обещает дать лучшую комнату в отеле, содействовать моим развлечениям:

— Что вы, я больной человек, мне нужно отдохнуть, мне не до развлечений, на которые вы намекаете.

В свою очередь, я расспрашиваю портье о местных достопримечательностях.

— Здесь есть старинный замок, к нему ведет прелестная лесная дорожка. В речке можно удить рыбу, в отеле есть все необходимые принадлежности. Наконец, в Долине смеха, это по дорожке налево, вы найдете источник воды, ни в чем не уступающей иоакимовской — сплошной радий.

Я вернулся обратно в столовую и потребовал завтрак. Через несколько минут я получил традиционный «комплект»: кофе, яйцо, масло, джем и — главное — замечательные чешские булочки, хрустящие на зубах. Я стал все это поглощать, осматривая в то же время столовую. Это была довольно большая светлая комната, выходившая на веранду.

На стенах висели олени рога и какие-то мрачные картины, которые, видимо, по замыслу художника или владельца отеля, должны были содействовать повышению аппетита гостей. В действительности, однако, было благоразумнее во время еды на эти картины не глядеть. На одной из них была изображена дичь: висящий заяц с окровавленными усами и фазан со свернутой головой. На другой картине красовалось блюдо с рыбой, которую, по моему глубокому убеждению, забраковал бы самый либеральный санитарный контроль.

Налюбовавшись этой живописью, я приступил к изучению людей, находившихся в столовой. За одним из столиков сидел молодой человек спортивного вида в никкебоке-рах и свитере, через плечо у него висела на ремне «лейка». Напротив этого субъекта находилась девица довольно соблазнительной внешности. Это, по-видимому, молодожены, нет — скорее, студент со своей подругой. Во всяком случае, этот долговязый парень не Урбис.

За другим столиком — пожилые супруги, очень серьезно относящиеся к своему завтраку и не обменивающиеся друг с другом ни словом.

Далее — молодая мамаша с няней, худой ведьмой, и сыном дегенеративного вида, упорно выплевывающим все, что удалось всунуть ему в рот.

Да, Штеффен, ты попал в замечательно интересное место. Оно так соответствует твоим вкусам. Ты сможешь посюсюкать с ребеночком, обрадовать мамашу парой комплиментов, посвященных этому щенку. Никто не помешает тебе побеседовать с пожилой супружеской парой о ревматизме и запорах.

Я начинаю чувствовать вражду к этому Урбису. Зачем он выбрал в качестве своей резиденции эту дыру?

Кофе выпит, яйцо съедено, пора пойти погулять. В вестибюле меня приветствует человек поразительной толщины и небольшого роста. Это, очевидно, владелец отеля. У него широкое красное лицо, низкий лоб и маленькие ушки. Одет он очень забавно для своей фигуры: серый спортивный костюм, гетры с кистями и на голове голубой берет. Я подавляю на лице улыбку и жму руку господину Мори.

— Я очень рад, господин Крюгер, что вы поселились у меня, и надеюсь, что вы об этом не пожалеете. Тут, в Штеховицах, есть несколько пансионатов, но это не для вас — слишком примитивно. Есть, правда, и большой отель, но это настоящая живодерня, там нужно платить за каждый плевок. Как вы предполагаете проводить время в Штеховицах?

— Видите ли, я серьезно болен, не смотрите на меня, внешность обманчива; у меня миокардит. Я был в Мариенбаде и теперь приехал сюда отдохнуть после лечения. Здесь, говорят, тихо, спокойно и в воздухе много озона. Я буду понемногу гулять, лежать на балконе. Хорошо было бы найти партнеров для бриджа.

— О, это очень легко устроить, я сам к вашим услугам. Еще двоих игроков мы тоже найдем. У нас, кстати, есть радио, им заведует господин директор Урбис. Я не знаю, что мы сделаем, если он от нас уедет.

— А разве он у вас давно уже живет?

— Да, уже пятый месяц. Он был во Франкфурте, кажется, директором радиостанции, потом он оттуда уехал и теперь здорово ругает Гитлера. Кстати, вы, господин Крюгер, приехали из Германии?

— Нет, я теперь постоянно живу в Каттовицах, я там работаю в банке.

— Ну что же, погуляйте, господин директор банка, обед у нас в два часа. У вас будет отдельный столик, все немцы любят отдельно сидеть. Вот господин Урбис прямо меня просил никого за его столик не сажать. Хорошо, что вы приехали теперь, через десять дней у меня все будет занято.

С видом больного человека я медленным шагом направляюсь в Долину смеха. Пробую воду из источника и немедленно отплеываюсь: более отвратительной гадости я в жизни не пил. Очевидно, это действительно сплошной радий», как выражается наш портье.

Затем я сажусь на скамью, подпираю подбородок набалдашником палки и смотрю на тропинку. Вот появляется студент со своей девицей. Он ее усаживает на бугорок у источника и начинает настраивать свою «лейку», фотографирует ее со всех сторон. Девица устала, но сохраняет неземное выражение лица. Няда у ручья! — черт бы ее побрал.

Я встаю и отправляюсь в обратный путь, опираясь на палку. Неожиданно начинаю чувствовать себя действительно больным и расслабленным. Вот проклятая история! Стоит мне притвориться больным — и самый недоверчивый врач останется в дураках. Хорошо, что я не мнителен и твердо верю в свое здоровье.

По моей просьбе выносят на лужайку шезлонг. Я лежу с книгой в руках, но не читаю, а смотрю на небо.

В два часа удар гонга, привожу себя в порядок, переодеваюсь и спускаюсь в столовую. Первое блюдо уже подано, но вот является новый персонаж. Он садится за соседний столик лицом ко мне. Это широкоплечий человек лет сорока, коротко стриженный, с упрямым и несколько тупым выражением лица. Из-за роговых очков я не вижу его глаз.

На лбу — глубокая продольная морщина. Он часто поднимает вверх брови. Это, по-видимому, и есть мой Рудольф Урбис. Он ни на кого не смотрит, быстро и жадно ест, проглатывает одним глотком кофе, закуривает папиросу и выходит из столовой.

Я больше не вижу Урбиса до ужина.

На этот раз он приходит вовремя. Здоровается со всеми кивком головы, не произносит ни звука. Поспешно ест и уходит.

Да, по-видимому, познакомиться и сойтись с этим субъектом будет не легко. Недаром тебя сюда послали, Штеффен. Они, видно, уже садились в калошу.

Комната Урбиса в той же части коридора, что и моя. Я поднимаюсь по лестнице вслед за ним. В то время, как я, держась рукой за перила, медленно взбираюсь, слышу, как он закрывает дверь на ключ. Правую руку Урбис постоянно держит в кармане. Бережется.

Не будем торопиться, Штеффен, нет ничего вреднее избытка рвения.

Второй день проходит так же скучно, как и первый. Осматриваю замок: пятнадцатый век, зубчатые стены, подъемный мост, башни, холодные, сырые коридоры. Студент с девицей, конечно, тоже здесь. Он ссорится с администратором замка, не разрешающим ему фотографировать и настойчиво убеждающим его купить готовые снимки. Студент возражает, что ему необходимо иметь фотографию своей невесты на фоне остатков средневековья.

Опять обед, ужин. Кормят неплохо, но довольно тяжело: много вареного теста и капусты. Нет хорошего вина, приходится ограничиваться пивом. Впрочем, мне нельзя пить вина, у меня миокардит.

Вечером появляется Урбис. Он спускается вниз, в подвальное помещение.

Я встречаю в вестибюле господина Мори:

— Что, у вас в подвале разве тоже есть номера?

— Почему вы это решили?

— Какой-то господин недавно туда спускался.

— А, это господин Урбис, ваш соотечественник, он, видите ли, снял у меня одну из комнат в подвальном помещении, там проявляет свои снимки.

— Что же, он завязанный фотограф?

— В том-то и дело, что нет, он очень редко выходит из дому и большую часть дня сидит в своей комнате, куда он не пускает даже горничную. Он сам метет пол, и стелет себе постель. Когда приходят полотеры, он остается в комнате все время. К нему иногда приезжает его приятель, тоже немец, и тогда он выходит с аппаратом и щелкает. Несколько раз он на три дня уезжал от нас, но тогда в его комнате оставался тот приятель, о котором я вам говорил. Вообще он большой оригинал, у него в комнате много книг и рукописей.

Вы простите меня, господин Крюгер, но среди немцев встречается много чудачков.

— Ха-ха-ха, вы правы, господин Мори.

— Вы уже познакомились, господин Крюгер, с вашим компатриотом?

— Нет, не успел. Да я вообще не гонюсь за знакомствами. Мне нужны спокойствие и тишина.

Проходит еще три дня без событий. При таком положении вещей я могу бесполезно просидеть здесь несколько месяцев. Необходимо что-либо придумать.

Утром я вновь ловлю Мори в вестибюле и начинаю с ним длинный разговор. Жду появления Урбиса. Вон он тяжело спускается по лестнице.

Я не смотрю в его сторону и говорю;

— Да, господин Мори, здесь в Чехословакии я отдыхаю, но если бы вы знали, что сделал Гитлер с нашей Германией! Я теряю надежду туда вернуться.

Урбис замедляет шаг и бросает на меня исподлобья испытующий взгляд.

Я продолжаю:

— А многие сначала верили в Гитлера и в настоящий национал-социализм.

Мори эти вещи очень мало интересуют, но он сочувственно поддакивает.

Я беседую с ним еще несколько минут, потом отправляюсь в столовую и сажусь на свое место.

Урбис время от времени поглядывает в мою сторону. Я сижу с видом человека, погруженного в глубокое раздумье, потом вынимаю из жилетного кармана мятную лепешку, с серьезным видом распускаю ее в бокале воды и с гримасой отвращения выпиваю. В паузе между двумя блюдами я считаю свой пульс. Девушка в белом переднике спрашивает, дать ли мне пива.

— Нет, у меня ночью был сердечный припадок.

Обед окончен. Медленно поднимаюсь по лестнице. Меня догоняет Урбис.

— Да, у вас с сердцем, видно, неладно, — замечает он.

Я останавливаюсь и оборачиваюсь.

— Моя фамилия Рудольф Урбис. Я очень рад, что здесь, кроме меня, появился еще один немец.

— Вольфганг Крюгер, — представляюсь я. — Я тоже очень рад, так как уже успел соскучиться в одиночестве. Для меня, больного человека, жизнь вообще лишена всех прелестей. Из известной триады: женщины, вино и песни — мне, увы, остались лишь последние.

Урбис сочувственно улыбается.

— Я вас, к сожалению, не могу пригласить к себе, господин Крюгер, — у меня не убрано.

— Может быть, вы зашли бы ко мне?

— Пожалуй, посижу у вас несколько минут. У меня, видите ли, очень мало времени, я пишу книгу.

— Вы писатель, господин Урбис?

— Нет, так просто, любитель. А какая у вас профессия, господин Крюгер?

— Я доктор экономических наук и работал в конъюнктурном институте у профессора Вагеманна. Потом я предпочел уехать из Германии и теперь постоянно живу в Катовицах, где работаю в банке. Там у меня, кстати, живет двоюродный брат.

— Вы что же, политический эмигрант?

— Нет, не сказал бы. Я вообще человек далекий от политики и никогда не состоял ни в одной партии, хотя в свое время сочувствовал национал-социализму.

— Почему же вы разочаровались?

— Это довольно длинная история. Гитлер изменил программе, им вертят промышленники и банкиры, в то время как настоящих национал-социалистов расстреливают. Уехал же я потому, что критиковал в разговорах с друзьями политику Гитлера, и, когда за это начали сажать в концентрационные лагеря, я предпочел переменить климат и отправился в Каттовицы.

В политике я, правда, мало что понимаю, но, как экономист, вижу, что режим должен вылететь в трубу. А пока ничего другого не остается, как сидеть и ждать. Вы пишете книгу, я занимаюсь в банке контокоррентными операциями. Могло бы быть хуже. Простите, что я утомил вас своей болтовней. Я, видите ли, очень нуждаюсь в человеческом обществе, и беседа с вами меня очень возбудила, так что я должен буду принять мое успокаивающее лекарство. В дальнейшем мы не будем говорить о политике, тем более, что ни я, ни, кажется, вы ею не интересуемся.

— Прощайте, господин Крюгер, мы с вами еще побеседуем.

Первый шаг сделан, теперь главное — не торопиться. Впрочем, этот Урбис не особенно умен, у него в глазах что-то бычье, он, видимо, очень упрям и уверен в себе. Если мой наметанный глаз меня не обманывает, он должен быть не дурак насчет женского пола. Это заметно по глазам и губам. Я видел, как он в столовой поглядывал на девушку, сидевшую рядом со студентом. Мне кажется, что я ясно вижу, как у этого Урбиса работает в черепной коробке мозг. Он, как будто, поверил моей версии, принимает меня за простачка и вскоре попробует меня вербовать.

Теперь главное — не сорваться, Вольфганг Крюгер; вы банковский служащий, больной миокардитом. Прошу вас это твердо помнить.

Через несколько дней мы с Урбисом довольно тесно сходимся, беседуем на политические темы, критикуем чехов,

наш отель и его директора. Он пытается меня распропагандировать, я сохраняю необходимую серьезность и наивность.

— Так вот, господин Крюгер, Германию не спасут ни Гитлер, ни Тельман; коммунисты-интернационалисты, — они тоже ни к чему. Национал-социалисты уже обанкротились. Германию спасет «черный фронт».

— Это Отто Штрассер? — невинно спрашиваю я.

— Не Отто Штрассер, а сильная организация, имеющая своих людей везде в Германии: в штурмовых отрядах, во фронте труда, — словом, везде.

Я изумлен и задаю бесконечно наивные вопросы, выпячиваю глаза, удивленно восклицаю: «Ах, что вы!» Урбис терпеливо мне все разъясняет.

Проходит еще три дня, и я приглашаю Урбиса погулять по парку. Он сначала держится напряженно, оглядывается, прислушивается, но потом успокаивается.

Вечером я отправляюсь пешком на станцию и даю телеграмму в Варшаву: «Вышлите деньги чеком. Вольфганг».

9

Утром во время завтрака не вижу Урбиса, то же повторяется и за обедом. Спрашиваю у Мори, не заболел ли он.

— Нет, господин Урбис вполне здоров, только он на несколько дней уехал. Странно, что на этот раз он никого не оставил вместо себя.

Это сообщение действует на меня ошеломляюще. Сначала мне приходит в голову мысль, что этот человек с туповатым лицом оказался хитрее, чем я думал: он раскусил меня и улетучился. Нет, этого не может быть, я слишком хорошо разбираюсь в людях и не мог так грубо просчита-

ться. Урбис вернется, он должен вернуться, или ты, Штеффен, окажешься круглым дураком.

Я вспоминаю об отправленной телеграмме. Какого дьявола я торопился? Очевидно, после ее получения ко мне кто-нибудь приедет, и окажется, что я все напутал.

Спешу вновь на телеграф и на этот раз иду пешком, чтобы никого не посвящать в свою телеграфную переписку. Я сообщаю в Варшаву: «Не высылайте денег. Вольфганг».

В течение двух дней я не нахожу себе места. Утром в столовой неожиданно вижу плотную фигуру Урбиса. Очевидно, этот дурак вернулся. Здороваюсь. У него утомленный вид. Похоже на то, что он бурно провел эти дни.

Теперь нужно было бы опять отправить телеграмму в Варшаву, но это не дело почти ежедневно бегать на станцию. Из этих проклятых Штеховиц, вероятно, уходят всего две-три телеграммы в день. Это рискованное дело, в будущем такие телеграммы могут дорого обойтись.

Я решаю заменить телеграмму письмом; медленнее, но вернее. Некуда спешить.

А вдруг Урбис вновь уедет? Спросить его нельзя, приходится положиться на слова Мори, что он редко уезжает.

В течение дня мыс Урбисом не успеваем побеседовать, так как он не то занят, не то отсыпается.

После обеда я гуляю по парку, поджидая Франтишка, чтобы дать ему для отправки письмо. Неожиданно к отелю подъезжает большая закрытая машина мерседес № IP-48259, случайно вспоминаю, что это кильский номер. У руля сидит плотный человек, его лицо мне кажется смутно знакомым. Он вылезает, открывает дверь, и из автомобиля выходит прекрасно сложенная дама лет двадцати пяти. У нее фигура спортсменки — кажется, мой тип.

Мужчина поворачивается ко мне лицом, — я вздрагиваю. Это Пауль, с которым я познакомился в кабинете у Банге. Оба проходят мимо меня. Пауль держит даму под руку и бросает на меня равнодушный взгляд. Я ему подмигиваю, он не реагирует. Удивительно, до чего у него невыразительное, фельдфебельское лицо.

Я осматриваю снаружи машину. Она, видимо, прошла не более двух тысяч километров, мотор у нее мощный и дает километров сто двадцать в час.

Как всегда, медленно я направляюсь по тропинке к замку. Вечером гуляю по парку, слышу за собой чьи-то мерные, тяжелые шаги. Оборачиваюсь — Пауль.

— Ну, как дела?

— О каких делах вы говорите?

— Урбис здесь? Оболванил его?

— Да, мы почти друзья.

— Слушай, Крюгер, завтра утром я уеду, послезавтра же вечером я должен встретить Урбиса в лесу, по возможности в глухом месте.

— Зачем?

— Я с ним буду целоваться, — грубо отвечает человек с лицом фельдфебеля. — Я привез с собой нашу бабу, она тебе во многом поможет, баба первый сорт, можешь с ней недурно провести время. Ее зовут Эдита Карлебах. Запомни, что она учительница гимнастики. Меня зовут доктор Франц Мюллер из Киля. Значит, где?

— Послезавтра к шести часам я попробую привести Урбиса на лужайку за замком, где ручей сворачивает вправо.

— Найду. Но, смотри, не подведи, я шуток не терплю.

— Лучше вы не подведите меня.

Пауль плюет и уходит, не отвечая мне.

У него лицо профессионального убийцы. Я этот немецкий тип хорошо знаю. Этот человек в любой момент хладнокровно свернет мне шею. Я чувствую себя неважно и возвращаюсь в отель.

Утром направляюсь в столовую. Фрейлен Карлебах сидит за столиком одна. Я прохожу мимо нее, задеваю ее стул и прошу извинения. Она с хорошо сделанным изумлением восклицает:

— Ах, вы говорите по-немецки, как я рада, мне не будет скучно. Мои жених уехал на два дня.

Я пересаживаюсь за ее столик, мы болтаем о всякой чепухе. Эдита Карлебах рассказывает о своей работе в качестве учительницы гимнастики. Она действительно спортсмен-

ка. Урбис внимательно прислушивается к нашему разговору, и, видимо, заинтересован Карлебах.

Эта женщина действительно может понравиться, не столько лицо, сколько все остальное. Лицо ее портят маленькие глаза и некоторая асимметричность.

Я вижу, что Урбис хотел бы познакомиться с Карлебах, но не знает, как это сделать. Я иду ему навстречу, здороваюсь с ним и представляю даме.

Сначала Урбис держит себя натянуто. Очевидно, он принадлежит к той породе мужчин, которые чувствуют себя с женщинами хорошо лишь в отсутствии других мужчин.

Карлебах очень ловко его ободряет, не обращая на меня никакого внимания.

Вскоре Урбис ходит, выпятив грудь, и покровительственно подшучивает надо мной, моей болезнью. Он, видимо, не считает меня мужчиной. До ужина мы втроем гуляем. Урбис проявляет большую инициативу, берет Карлебах под руку и очень жовиально настроен.

На другой день Урбис просит придвинуть его столик к нашему, и мы за завтраком оживленно беседуем. Он не отходит от Карлебах, и за обедом я чувствую, как его тяжелая нога давит мой носок. Поджимаю ноги: не следует мешать людям в невинных развлечениях.

Приближается условленный час. Я сдерживаю волнение. Похоже на то, что человек, которого я зову Паулем, предполагает отправить Урбиса к праотцам. Это, конечно, меня мало интересует, но как мне, выпутаться из этой истории? Исчезнуть я не могу. Надо все учесть и предусмотреть. Но нельзя терять времени.

Я предлагаю пройтись до ужина к замку. Эдита Карлебах с восторгом принимает это предложение. Она страшно любит осматривать старинные здания. Это ты, моя милая, сглупила, — я не предполагаю вести вас в замок. Но дело поправимое.

Урбис колеблется, но потом соглашается. Они идут вперед, я же обещаю их догнать.

Нет, мой план никуда не годится: без меня может полу-

читься недоразумение, и Урбис не попадет на лужайку ручья. Я должен к ним присоединиться.

Я ловлю Мори.

— Вы знаете, господин Мори, наш инженер Урбис стал форменным донжуаном. Он просто ест глазами фрейлен Карлебах. Я очень беспокоен. Фрейлен мне рассказывала, что ее жених, господин Мюллер, чертовски ревнив и постоянно за ней следит. Боюсь, чтобы чего-либо не случилось. Наш добрейший Урбис ведет себя, как мальчишка.

— Ну, как-нибудь обойдется; поделится, — утешает меня Мори.

Я догоняю идущую под руку пару. Урбис очень оживлен, он, видимо, совершенно отвык от женского общества и находится в состоянии нервного возбуждения. До меня доносятся обрывки двусмысленных анекдотов. Фрейлен Эдита заразительно хохочет.

На редкость соблазнительная женщина. Я слышу, как Урбис уславливается с ней о вечерней встрече.

Вы слишком торопитесь, господин инженер, и слишком доверчивы. Разве вам можно заниматься конспиративными делами и опасной политикой?

Я нагоняю Урбиса и Карлебах. Они увлечены разговором и не обращают на меня ни малейшего внимания. Мы приближаемся к замку. Урбис предлагает его осмотреть. Я возражаю: во-первых, мы опоздаем к ужину, во-вторых, там нет ничего интересного — обыкновенный стандартный замок. Фрейлен Эдита поддерживает меня. Девочка негдуца.

Я в свою очередь предлагаю обойти замок, там мы увидим прекрасные лесные пейзажи, в особенности красива лужайка у ручья.

Мы сворачиваем на тропинку, навстречу идет проклятый студент со своей девчонкой. Надо дать этим идиотам подальше уйти. Я останавливаю моих спутников и рассказываю им исторические анекдоты, которые якобы вспомнил в связи с замком. Мои спутники зевают, и Урбис иронически спрашивает меня, не был ли я школьным учителем. Фрейлен одобрительно поглядывает на Урбиса и хихикает.

Мы медленно приближаемся к лужайке, слышно журчанье ручья. Я отстаю шагов на двести от идущей впереди меня пары. Оглядываю лужайку. В лесу довольно темно. Неожиданно замечаю за толстым дубом Пауля.

Что же, Штеффен, ты сделал свое маленькое дело, ты ведь не любишь проявления грубой жестокости и терпеть не можешь вида крови.

Я направляюсь назад по тропинке; во мне, однако, пробуждается любопытство, — я должен видеть развязку. Быстрыми шагами возвращаюсь к лужайке и прячусь за кустом.

Урбис наклоняет голову и слушает, что ему рассказывает Карлебах. Он потерял остатки осторожности и благоразумия. Мне просто обидно, как можно быть таким ослом.

Пауль, слегка согнувшись, выходит из-за дерева. Он неслышными кошачьими шагами приближается к Урбису. На расстоянии десяти шагов Пауль останавливается.

Карлебах неожиданно отпрыгивает в сторону. Урбис вздрагивает, оглядывается, опускает руку в карман. Слишком поздно: Пауль поднимает руку, в ней тяжелый автоматический пистолет с каким-то странным продолговатым стволом.

Раздается слабый выстрел, не громче хлопка ладошами. За ним следует второй.

Урбис падает набок, у него как-то странно сплетаются ноги, одна рука отброшена назад, другая закрывает лицо.

Я подхожу ближе, Пауль спокойно опускает револьвер в карман, нагибается, обыскивает тело Урбиса, находит записную книжку, прячет ее. Лицо у него, как обычно, лишено всякого выражения.

У меня по спине пробегает дрожь. Мне приходит в голову отвратительная мысль: сейчас этот человек опять вытащит револьвер и спокойно всадит в меня две-три пули.

Это, конечно, чепуха, я им нужен, и мне не угрожает со стороны этого убийцы ни малейшая опасность. Пауль оборачивается ко мне. Я вновь вздрагиваю.

— Что вы, Крюгер, стоите, как бревно? Едете с нами?

— Куда?

— В Германию.

— Нет, я останусь здесь и придумаю какую-нибудь версию.

— Слушайте, Крюгер, мне нужно полтора часа времени, поняли?

Затем Пауль, не прощаясь, вместе с Карлебах уходит по тропинке, ведущей на дорогу. Я вглядываюсь и вижу в сотне шагов «мерседес». Пауль садится за руль, Карлебах — рядом. Машина срывается и исчезает.

Я возвращаюсь на лужайку, подхожу к предмету, который еще недавно был Рудольфом Урбисом. В лесу быстро темнеет, мне делается не по себе. Я быстро шагаю по направлению к отелю. Дорога отнимает у меня сорок минут. Последние несколько метров я почти бегу, врываюсь в вестибюль с криком: «Господин Мори! Господин Мори!», затем падаю в кресло и шепотом прошу воды.

Лязгая зубами по стакану, я выпиваю несколько глотков.

— Я вам говорил, господин Мори, что это плохо кончится.

— Что случилось?

— Мюллер застрелил Урбиса. Он подкараулил их на лужайке за замком, увидел, как инженер обнимал эту девочку Карлебах, и застрелил его. Потом он затащил фрейлен Карлебах в автомобиль и уехал. Нужно немедленно сообщить в полицию.

— Где тело Урбиса?

— Оно осталось лежать на лужайке.

Мори в отчаянии:

— Эта история мне испортит весь осенний сезон.

Я, держась за сердце, поднимаюсь по лестнице, ложусь в постель и искусственно поддерживаю в себе состояние нервного возбуждения.

Из окна слышен крик: «Франтншку! Пепику!» Очевидно, Мори куда-то посылает свой персонал.

Через нас внизу раздаются громкие голоса: пискливый — господина Мори, и чей-то незнакомый — хриплый. Стук в дверь.

— Войдите.

Входит Мори, а за ним полицейский. Это «пан стражмистр», объясняет Мори. «Пан стражмистр» — высокий толстый дядя с небольшими усами и тупым тяжелым взглядом. Он подходит ко мне, не снимая фуражки и не здороваясь. Затем он извлекает из кармана записную книжку:

— Имя? Фамилия? Национальность? Паспорт?

Все это на ломаном немецком языке.

Мори поясняет:

— Господин Крюгер тяжело болен, он очень переволновался. Кстати, господин Крюгер еще раньше говорил, что это плохо кончится.

Пан стражмистр обрывает Мори и продолжает допрос, касающийся моей личности, затем переходит к обстоятельствам дела.

Я рассказываю, что убийцу Мюллера я видел лишь мельком, когда он приехал, и два часа назад на лужайке за замком.

— С его невестой, фрейлен Карлебах, я познакомился в столовой. Она мне сразу рассказала, что ее жених болезненно ревнив и, по ее мнению, страдает манией преследования, что она счастлива освободиться на несколько дней от его постоянного контроля. Потом к нам привязался Урбис, державший себя с этой девицей очень агрессивно. Я даже раз шепнул ему, что у нее есть жених и к тому же ревнивый, но Урбис не хотел и слушать. Перед ужином он пригласил фрейлен Карлебах погулять. Я присоединился к ним, хотя у меня было нехорошее предчувствие, и я сказал об этом господину Мори. Я, однако, больной человек и отстал от них шагов на пятьдесят, они же не хотели меня ожидать. Когда я подходил к лужайке, я услышал чей-то возбужденный грубый голос. Из всех сил поспешил туда. Услышал: «Ты будешь обнимать чужих невест?» Затем раздался два выстрела. Потом я увидел, как этот проклятый Мюллер потащил куда-то за руку Эдиту Карлебах, а через несколько минут раздался шум уезжающего автомобиля. Я поспешил вернуться в отель и с трудом до него добрался. Это и все, что я знаю.

— Вы подходили к телу?

— Нет, я видел, что он лежит неподвижно.

— А может быть, он был еще жив, отчего вы не оказали ему помощь?

— Я больной человек и не могу нагибаться. Кроме того, пока у меня были силы, я спешил сообщить о несчастье.

Пан стражмистр, по-видимому, не особенно близко принимает к сердцу происшедшее в его районе кровавое событие: один немец убил другого из-за немецкой девчонки, — нет повода для волнения.

Протокол допроса готов, я его подписываю, даю свой постоянный адрес — Каттовицы. Господин Мори и полицейский покидают комнату. Я с видом полного изнеможения откидываюсь на подушки.

Утром в дверь просовывается голова Мори.

— Можно?

Вслед за этим в комнату вкатывается его круглое тело в уморительных штанишках.

— Знаете, господин Крюгер, на рассвете приезжал полицейский офицер из округа. Он считает, что здесь дело пахнет не ревностью, а политикой. В комнате у бедного Урбиса и в подвале был устроен обыск. Там нашли радиостанцию и какие-то письма. Я, собственно говоря, догадывался, что тут дело не в фотографии, но я не люблю вмешиваться в дела своих гостей. Только не говорите, господин Крюгер, полицейскому офицеру, что я вам все это рассказывал. Сейчас он вас позовет к себе.

В канцелярии отеля за письменным столом сидит человек в полицейской форме. У него острые черты лица и уши, обрубленные, как у дога. Странное впечатление производят огромные ноздри.

— Вы Вольфганг Крюгер? банковский чиновник? германский гражданин?

— Да, но я эмигрант.

— Меня не интересуют ваши отношения с германским правительством. Скажите, господин Крюгер, не знаете ли вы, зачем была нужна Урбису радиостанция?

— Я впервые услышал о радиостанции десять минут тому назад от господина Мори.

Я ловлю укоризненный взгляд толстяка. Нет, дорогой мой, без дураков; в таких случаях нельзя без нужды врать.

— Что вам было раньше известно о личности Рудольфа Урбиса?

— Только то, что я слышал от него и господина Мори.

— Где вы впервые встретились с Мюллером и Эдитой Карлебах?

— С Мюллером я по-настоящему не встречался, мельком видел его у машины, когда они приехали, и второй раз издалека на лужайке. Что касается фрейлен Карлебах, то я познакомился с нею здесь и, откровенно говоря, по ее инициативе.

— Она же просила вас познакомить ее с Урбисом?

— Нет, я это сделал по своей инициативе, так как Урбис подошел ко мне.

— Что дало вам основание говорить господину Мори о ревности Мюллера и испытываемой вами тревоге?

— Раз, когда во время прогулки я взял ее под руку, она очень серьезно сказала мне: «Берегитесь, чтобы мой жених вас не убил, он более ревнив, чем мавр, иногда мне кажется, что он ненормальный, я только в его отсутствии свободно дышу».

— Почему во время прогулки вы отстали от Урбиса и Эдиты Карлебах?

— Я почувствовал сильное сердцебиение, просил их замедлить шаг, но они, не особенно дорожа, видно, моим обществом, пошли вперед.

— Каким образом вы попали в Штеховицы и в отель «Загоржи»?

— Когда я лечился в Мариенбаде, я познакомился с одним пожилым господином, больным тою же болезнью, что и я; он-то и посоветовал мне провести две недели здесь.

— Это, вероятно, был господин Лерман, он у меня жил, — заявляет Мори.

Я равнодушно говорю, что не помню фамилии.

— Вы долго пробудете здесь, господин Крюгер?

— Нет, я решил сегодня уехать в Прагу посоветоваться с хорошим специалистом, — я себя очень плохо чувствую.

— Вам придется дать подписку о невыезде в течение двух недель из пределов Чехословацкой республики.

— Меня это вполне устраивает, — я и так рассчитываю пробить в Праге около месяца.

Вечером я вновь сижу в вагоне. Я несказанно рад, что вся эта история благополучно окончилась. Мне чертовски надоело изображать из себя добродетельного дядюшку и ходить с грацией старого подагрика. Я не чувствую никакого сожаления к Урбису. Во-первых, он оказался круглым дураком, во-вторых, не принадлежал к людям симпатичного мне жанра.

Я доволен собой. Пусть Пауль работает кулаком и револьвером, он ни на что другое не способен. Ты же, Штеффен, как культурный и тонкий человек, делаешь только чистую работу.

Хорошо, впрочем, что эта история произошла в провинциальной дыре, которую я напрасно проклинал, иначе налетели бы фоторепортеры, и ваша физиономия, господин Крюгер, облетела бы газеты. Это было бы более чем неприятно,— это была бы катастрофа.

У меня начинает портиться настроение. Хорошо, что пока все сошло благополучно, а если бы я влопался в историю? Мои друзья поспешили бы забыть меня.

Ты, Штеффен, сидишь на очень норовистой лошадке, как бы не очутиться в канаве со сломанным позвоночником! Нужно подготовить позиции для отступления.

Я вспоминаю о похожей на ворону даме из Бразилии. Надо будет разыскать ее в Париже, — надеюсь, она еще не уехала. Далее, не забыть навести справку о ее имущественном цензе. В крайнем случае, придется жениться на старухе и стать примерным семьянином. Конечно, не надолго.

У меня слипаются глаза, и я засыпаю...

вновь в Париже. Моя чехословацкая экспедиция закончилась. Нужно восстановить контакт с приятелями-эмигрантами.

— Что-то вас давно не было видно, уезжали?

— Какое там, я отлеживался, вожусь с сердцем. Только сегодня опять принял вертикальное положение.

— Да, у вас действительно лицо совсем зеленое, не запускайте болезни. Кстати, вас разыскивал Людвиг Арнольд, он остановился в своем излюбленном пансионе.

Вечером я в кабинете у Форста.

— Ну что, Браун, все в порядке?

— Да, погода недурна, чувствую я себя тоже прилично.

— Бросьте паясничать, я говорю о деле.

— Ах, так, но ведь вам, вероятно, уже все сообщили, господин Форст. Вы меня недавно упрекали в любопытстве, я не хочу, чтобы вы теперь инкриминировали мне болтливость.

Я невинно поглядываю на своего собеседника, эту помесь змеи с крысой. Он злобно сжимает губы. Урок ему явно не нравится.

— Что мы делаем дальше, Браун?

— Я, видите ли, не поклонник далеко идущих планов, они суживают человека и лишают его полета мысли. Кое-что мы все же можем уже теперь зафиксировать: в первую очередь вы даете мне, а я беру, пять плюс пять тысяч франков. Вас удивляет этот несколько странный счет? Могу пояснить: пять тысяч мне, столько же, скажем, на организационные расходы по обработке Малыша. Затем я еду в Лондон, опять-таки для некоторых организационных мероприятий.

— А потом?

— Потом я возвращаюсь в Париж и десять дней отдыхаю и развлекаюсь. Вы удовлетворены, господин Форст?

Он беззвучно шевелит губами, но я ясно читаю на них бессмертный афоризм Гетца фон Берлихенгена.

Нельзя, однако, перегибать палку, я здорово наступил Форсту на мозоль, теперь нужно его погладить по шерсти, — политика кнута и пряника в миниатюре.

— А я о вас помнил, дорогой Форст, и разыскал кое-что интересное для вас лично.

Форст раскрывает альбом, медленно его перелистывает, глаза у него начинают блестеть, нижняя губа немного опускается, он ее облизывает языком.

— Хо-хо-хо, господин Форст, вы покраснели, этого я не ожидал. Ну, я доволен, что мой подарок вам понравился.

С деньгами в бумажнике я выхожу на улицу, весело навистывая. Сегодня вечером бедный Штеффен, так настрадавшийся в проклятых Штеховицах, развлекается.

Я поздно встаю, принимаю душ и после завтрака отправляюсь в пансион к Арнольду. Маленький человек, как всегда, похож на заряженный аккумулятор. Его плечи приподняты, от этого он делается еще меньше. В руках у него нож для разрезания книг. Как все нервные люди, он постоянно что-либо вертит. Очки у него сдвинуты набок, галстук висит.

— Мне говорили, Штеффен, что вы болели; действительно, вид у вас неважный: под глазами синяки, лицо желтое. А я хотел узнать, нет ли у вас чего-либо нового для меня?

— Нет, из-за болезни я был лишен возможности получать информацию. Но я на днях кое-куда уеду и надеюсь привезти нечто, представляющее, для вас, Арнольд, конкретный интерес.

— Кстати, слышали ли вы, Штеффен, что убит Урбис, правая рука Штрассера? Какая-то нелепая романическая история.

— Да, я слышал, его ведь убили агенты гестапо.

— Откуда вы знаете?

— Вы уже имели случай убедиться в том, что я располагаю неплохими источниками информации и умею комбинировать. Больше я вам не могу ничего сказать, но рекомендую очень остерегаться. Страсбург близок от границы. Вы

у себя одни, ночью пролезет некто вам неизвестный, пиф-паф — и аминь.

— Ну, это не так просто: у меня есть сторож, все на ночь закрывается; кроме того, Урбиса убили не в отеле, а куда-то заманили. Со мной это не пройдет.

— Не будьте самоуверенны, Арнольд. А теперь пойдем пить кофе.

— Знаете, Штеффен, вы меня в высшей степени интересуете. Я кое-кого о вас расспрашивал, и, скажу вам прямо, некоторые о вас плохо отзываются.

— Я знаю, о ком вы говорите, это, несомненно, кто-нибудь из немецких коммунистов. Они меня давно пытались привлечь к сотрудничеству, но я отказался.

Малыш изумлен.

— Да, они меня всячески уговаривали, но дело в том, что я не могу подчиняться их механической дисциплине, их военной организации. Я всегда ненавидел все военное, я сторонник свободного сотрудничества людей. Кроме того, я считаю, что в условиях Третьей империи организация не в состоянии ничего сделать, в нее немедленно проникают агенты гестапо, и все рушится. Гораздо целесообразнее и разумнее работать в одиночку, доверяя только самому себе.

Я убежден, что вы, Арнольд — один наносите больше вреда Гитлеру, чем большая коммунистическая организация. Наконец, я не верю в массовую работу, массу нельзя повести за собой. Когда она сама поворачивает, ее можно использовать, а это может сделать только сильная личность.

Арнольд внимательно смотрит на меня:

— Знаете, Штеффен, ваши мысли во многом совпадают с моими собственными. Я тоже предпочитаю работать самостоятельно. Я желаю всяческого успеха коммунистам, но остаюсь один.

Таковы дела, — и он похлопал меня по колену:

— А вы интересный субъект, Штеффен. Скажите, чего бы вы хотели для себя лично?

— Я хотел бы вернуться в Германию, освобожденную от фашистов, иметь в своем распоряжении небольшую сумму денег, жить в крошечной вилле в Шварцвальде и писать

там роман. Вот и все, к чему я стремлюсь: природа, тишина, ватермаиовское перо и стопка хорошей, блестящей бумаги. Здесь, в эмиграции, я не могу писать ничего, кроме памфлетов, да и к ним теряю интерес. Если все это долго продлится, я либо психически заболею, либо сделаю что-нибудь очень рискованное.

Ночью я вспоминаю беседу с Арнольдом. Как будто, я его неплохо околпачиваю, недоверие у него исчезает, и он чувствует ко мне некоторую симпатию. Но теперь нужна пауза: малейшая ошибка в дозировке — и у него опять появится настороженность. Когда вернусь из Лондона, я попробую добиться от Форста внесения ясности в мою дальнейшую работу с Арнольдом. Если они собираются проделать с ним нечто похожее на происшедшее с Урбисом, то, откровенно говоря, мне это очень неприятно, — Арнольд мне лично симпатичен.

Но в то же время я понимаю и другую сторону: что им делать с этим Малышом? Завербовать его не удастся, этот заморыш действительно, кажется, честен и не гонится за деньгами.

Но, как бы то ни было, я тебя дешево не отдам, мой дорогой Арнольд, будь спокоен. Ты дорого обойдешься господам фашистам. Штеффен на этот раз не продешевит.

Через две недели я в первый раз в жизни в Страсбурге. С некоторым трудом разыскиваю резиденцию Арнольда. Как и следовало ожидать, он живет далеко не богато.

Малыш меня тепло встречает, показывает свой архив и библиотеку. Вскоре он мрачнеет: завтра нужно платить за бумагу, и стенографистке.

— А знаете, Арнольд, я был у Стида и привез вам от него письмо.

Малыш поспешно вскрывает конверт.

— Штеффен, вы прекрасный парень: Сид подписался на год и даже приложил чек. Вы просто волшебник.

— Это не все, Арнольд, я нашел вам еще двух подписчиков; они, однако, предпочитают оставаться неизвестными и будут пересылать вам деньги через меня.

— А как же я им буду отправлять бюллетень?

— До востребования в Лондон. Они, однако, не так щедры, как Стид, и будут платить поквартально.

Я вижу, с каким трудом Арнольд скрывает свою радость. Видно, твои дела совсем швах, если жалкие две тысячи франков произвели на тебя такое впечатление.

— Знаете, Штеффен, я теперь буду выпускать мой бюллетень не четыре, а шесть раз в месяц. Еще несколько платных подписчиков, и я расширю объем бюллетеня. Вы не знаете, как я вам обязан!

Маленькая горячая рука жмет мою руку. Мне немного совестно. Это, впрочем, очень удачно, так как соответствует моей роли.

— Я найду вам еще подписчиков, Арнольд. Учтите, что я делаю это не столько из симпатии к вам, сколько в интересах близкого нам обоим дела. Это избавляет вас от необходимости быть мне обязанным.

Арнольд забывает о своей обычной сдержанности, рассказывает о своих планах. Он уверен, что даже в рейхсвере можно найти людей, отрицательно относящихся к Третей империи. Если иметь к таким людям доступ, то можно получать прекрасную информацию о германских вооружениях из первоисточника. Арнольд хотел бы выпустить специальную белую книгу, содержащую одни только неопубликованные документы.

Он чувствует, что увлекся, и бросает на меня настороженный взгляд. Я смотрю в потолок, затягиваюсь папиросой и говорю:

— Если можно было бы все забыть, погрузиться в мысли нежные, как дуновение ветра, слушать долетающую издадека музыку, вдыхать аромат ночных цветов...

— Вы, Штеффен, неисправимый эстет; из вас никогда не выйдет серьезно интересующийся политикой человек.

Затем, видя мое обиженное лицо, Арнольд добавляет:

— Пользу все же вы принесете и будете приносить, так что не сердитесь.

Я сижу у Арнольда до одиннадцати часов вечера. Мы улаиваемся встретиться в Париже через месяц, раньше он не предполагает приехать.

— Знаете, Штеффен, я очень ценю вашу тактичность и скромность, — вы ни разу не спросили меня о моих методах работы и источниках. Вы, кажется, единственный человек, к которому я питаю доверие.

— Смотрите, не разочаруйтесь. Вас ведь предупреждали, что со мной лучше не иметь дела. Я боюсь, когда меня хвалят, — потом обычно бьют. А теперь, мой друг, даю вам совет — начинайте как можно больше дел, у вас, кажется, наступила полоса везения. Я убежден, что жизнь человека идет волнами, и выигрывает только тот, кто уловил ритм волн. Я уверен, что бывают периоды, когда целесообразнее всего не вставать с дивана, даже есть поменьше, чтобы не схватить расстройства желудка. Зато в другие дни надо действовать.

Я знал одного американца, виртуоза игры в покер, он жил только на выигрыши, но играл честно. Этот американец умет определять направление волны, дураки же считали, что ему всегда везет. Я от него многому научился.

Мы наконец прощаемся. Арнольд рекомендует мне осмотреть Страсбург. Я обещаю, но решаю на другой же день уехать: те культурные развлечения, которые меня интересуют, в Страсбурге представлены слабо.

Вернемся лучше, Штеффен, в Париж, теперь же немного отдохнем.

11

Дней десять я не думаю ни об Арнольде, ни о Форсте, но вскоре замечаю, что мои денежные ресурсы начинают испаряться. Удивительно, как у меня плохо держатся деньги. Это, в то же время, меня хорошо рекомендует. Я презираю мещан, берегущих сантимы, выбирающих в ресторанах подешевле меню, торгующихся с девочками, — это отвратительно и пошло.

Что же, пойдем к уважаемому доктору Мейнштедту, я по нему и его коллеге Форсту очень соскучился.

— Я думал, Браун, что вы куда-нибудь удрали или вас раздавил автомобиль.

— Откуда у вас такие мрачные предположения, господин Форст? Я очень целесообразно провел время: с пользой для дела и с некоторым удовольствием для себя. Правда, вы держите меня в черном теле, и я вынужден вести нищенский образ жизни.

Форст приходит в ярость.

— Браун, вы — наглец. Столько денег, сколько вымогаете у нас вы, не получает ни один агент.

— Фи, господин Форст, как вам не стыдно употреблять такие грубые и пошлые слова, как «агент», «вымогаете»! Нет, если бы я был агентом, я потребовал бы втрое больше денег. Я работаю не как агент, а как верный друг, и притом немного спортсмен. Но не будем спорить о технических терминах, это скорее тема для диссертации.

Я пришел для того, чтобы информировать вас о том, что у меня установились очень неплохие отношения с Арнольдом. Хотел бы я видеть, кто другой мог бы этого добиться. Теперь вашего покорного слугу мучат сомнения: что ему делать дальше с Арнольдом и с собой. Вы прекрасно понимаете, что пережаренный шницель так же плох, как и недожаренный.

Мое заявление производит впечатление на Форста, он оживляется.

— Хорошо, я напишу, куда следует; ждите от меня новостей.

Форст протягивает мне руку.

— Видите ли, новостей я могу ждать сколько угодно, а вот в отношении презренного металла у меня, увы, очень мало терпения. Дефект нервной системы, господин Форст.

Мой собеседник явно взбешен, он закусывает нижнюю губу, от этого его рот делается еще более уродливым, подходит к несгораемому шкафу и бросает мне пачку ассигнаций.

— Чувствительно благодарен, вы, однако, напрасно так торопились, мне было не к спеху.

Я ухожу, вдогонку несется заглушенная брань.

«Хо-хо-хо, драгоценный Форст, какой вы однако оригинал. Вместо того, чтобы нервничать, вы постарались бы понять, что бедный Штеффен может простить, если его будут считать мошенником, но только не дураком. Кстати, зачем вам столько денег? Ах, простите, я забыл, что мужская любовь дорого стоит. Вы большая свинья, господин Форст», резюмирую я, спускаясь по лестнице.

Милый Штеффен, что это с тобой происходит? Ты нервничаешь и даже потерял аппетит. Главное — из-за чего? Из-за того, что тебя занимает судьба маленького человека с большой головой. Тебя интересует, что с ним предполагают сделать. Не хитри, это не просто здоровое любопытство, — тебе его немного жалко. Тебе не хочется, чтобы человек с лицом фельдфебеля нажал курок, пиф-паф, а потом чтобы на земле лежал мешок с вытянутой рукой и сплетенными ногами. Какой инфантилизм! Какая сентиментальность! Ведь все отношения между жителями земли регулируются двумя формулами: человек человеку — волк, и человек человеку — бревно.

Ты, Штеффен, должен думать не о лежащем вблизи бревне, но о себе, о единственном.

Ведь в душе, отбросив лицемерие, каждый разумный человек знает, что он единственный и что вместе с ним умирает мир. Итак, нужно продлить существование мира. Думай, Штеффен, только о себе.

При таком настроении тебе вредно оставаться дома. Ты давно не был, знаешь, где? Ты вспомнил это место, хитрец... Ну, все в порядке...

Проходит еще несколько дней. Телефонный звонок. Опять, видно, насчет коронки.

— Да, я буду через час.

Вхожу в кабинет Форста. Он не один.

— Вы меня не забыли, Браун?

— Что вы, господин Банге!

— Ну, мой друг, сядем на диван и побеседуем. Я слыхал, что вы уже снюхались с этой свиньей. Вы знаете, о ком я говорю? Если вам действительно удалось околпачить эту каналью, то примите мои поздравления. Теперь, как вы думаете, что мы предполагаем с этим Арнольдом сделать?

— Я думаю, как выражались древние латиняне, отправить его *ad patres*.

— Что вы, Браун, какие у вас кровавые мысли! Вы верите тем, кто клеветает на Третью империю и на гестапо?

— Видите ли, господин Банге, я очень недавно был в Чехословакии и там кое-что видел.

— Вам показалось или приснилось, Браун. Мы не хотим зла никому, даже такой свинье, как Арнольд.

— К чему же весь театр?

— Не торопитесь, Браун. Я повторяю: мы всячески оберегаем Арнольда для того, чтобы иметь возможность принять его, как дорогого гостя, у себя в Германии.

— Ах, вот что! Понимаю, вы хотите его похитить?

— Бросьте громкие слова из вашего вальтерскоттовского лексикона. Мы лишь хотим, чтобы Арнольд приехал в Германию.

— Это чертовски трудно. По-моему, проще его кокнуть.

— Видите ли, Браун, мы можем обойтись без ваших советов. Что касается того, что это трудно, то неужели вы думали, что мы даем вам деньги за ваши прекрасные глаза, которые, кстати, стали красными и ясно говорят, что вы ведете слишком развратный образ жизни? Итак, Браун, мы хотим, чтобы вы доставили в наше распоряжение господина Людвига Арнольда. Мы хотим с ним кое о чем побеседовать. Он не из разговорчивых, но у нас есть неплохие специалисты по оживлению молчаливых собеседников. Он не только заговорит, но и споет моцартовскую «Колыбельную».

— Форст, дайте нам хорошего коньяку, не скупитесь, не забудьте сигары, только именно те, что вы курите сами.

— Так вот, Штеффен, вам предоставляется полная свобода действий и инициативы, с тем, чтобы через два-три месяца Арнольд находился в Швейцарии, в нескольких ки-

лометрах от нашей границы. Остальное мы берем на себя. Все, однако, должно быть точно рассчитано. Малейшая ошибка все нам испортит. Вы, Браун, как будто неплохо знаете Швейцарию, кроме того, мы там себя чувствуем очень свободно и имеем на границе своих людей. Все понятно?

— Мне нужны для этого в первую очередь деньги, и к тому же немалые.

— Вы немного преувеличиваете, но мы с вами сговоримся. Скажите лучше, как вы сумели втереться в доверие к этому субъекту?

— Видите ли, господин Банге, не один повар не любит, когда к нему лезут в кастрюлю. У каждого есть свои методы. Не думайте, что я боюсь поделиться моими, но вы все равно не сумеете ими воспользоваться. Это слишком индивидуальная штука.

— Ну, как знаете, начинайте действовать, не торопитесь, но и не тяните. А теперь скажите, Браун, где можно в Париже развлечься и пережить что-нибудь интересное? Вы меня проводите, Браун?

Мы выходим на улицу и немедленно сталкиваемся с журналистом Ценкером. Он здоровается со мной, но потом присматривается к Банге, — на лице его можно прочесть изумление, смешанное с недоброжелательством.

— Этот тип вас знает, господин Банге?

— Я его также припоминаю. Это, кажется, Ценкер. Да, он удрал из концентрационного лагеря. Неприятно, что он вас встретил со мной. Какого черта вы вообще за мной увязались?

— Но ведь вы просили меня провести вас куда-нибудь.

— Браун, вы путаник и фантазер. Если встретите Ценкера и он спросит вас обо мне, скажите, что случайно со мной познакомился. Мне все же придется в ускоренном порядке уезжать.

Эта история мне не нравится: Ценкер разболтает по всему Парижу, что видел меня с Банге. Если это дойдет до Арнольда, — весь мой план сорвется.

Мои мысли переходят к данному мне поручению. Я очень доволен, что с Арнольдом не повторится происшедшее с

Урбисом. Правда, ему в гестапо придется несладко. Но, с другой стороны, при чем здесь я? Не надо делать глупостей и лезть на самую границу. Если поедет — сам виноват, пусть и пеняет на себя. Эта операция, однако, будет нелегкой, на ней можно сломать себе шею.

Кстати, нужно разыскать темпераментную бразильскую даму. Нахожу в записной книжке данный ею номер телефона. Звоню.

— Конечно, не забыла. Я вас прекрасно помню и не только помню, но и вспоминаю. Да, сегодня вечером...

На другой день вижу в кафе издалека Ценкера, подсаживаюсь к нему. Он сдержан.

— Скажите, приятель, почему вы вчера на улице так пялили глаза на меня и этого, как его зовут, фон Берга?

— Откуда вы знаете этого человека, Штеффен?

— Мы с ним познакомились у зубного врача и вместе вышли. Он тоже эмигрант, кажется, католик.

— Слушайте, Штеффен, берегитесь этого субъекта. Он вовсе не фон Берг, я не знаю его фамилии, но полгода назад он допрашивал меня в гестапо. Я ему это припомню.

— Отчего же вы вчера так скромно прошли мимо, надо было дать ему по роже. Я бы вам помог, если бы вы только намекнули, что за птица этот фон Берг, а у меня рука тяжелая, — ему больше не пришлось бы ходить к зубному врачу.

Прошло около двух недель, встречаю приятеля:

— Знаете, Браун, бедный Ценкер скоропостижно умер у себя в номере; его отправили в морг. Полицейский врач считает, что смерть произошла от паралича сердечной мышцы на почве отравления никотином. Ценкер действительно чертовски много курил.

Понимаю, господин Банге, вы очень быстро действуете. Мне это импонирует, но в то же время чувствую острое беспокойство.

Представь себе, Штеффен, что ты не угодил энергичному господину Банге. Ты спокойно приходишь домой, выпиваешь чашечку кофе, выкуриваешь папиросу и отправляешься к праотцам при помощи небольшой сердечной слабости. Мементо мори, Штеффен.

По ассоциации вспоминаю Мори из Штеховиц. Они почему-то там в отношении Урбиса не применили этого метода. Очевидно, они не любят однообразия и рутины. Помни, Штеффен, и будь мудр, аки змий.

Вечером я вызван к Форсту. К своему удивлению, вновь там нахожу Банге. Я ему рассказываю о смерти Ценкера.

Он очень удивлен и изрекает сентенцию:

— Людям с больным сердцем нельзя курить, в особенности сигары.

Я ему подмигиваю.

— Что вы, Браун, корчите гримасы, у вас, видно, нервы не в порядке. Я сегодня уезжаю в Берлин, и помните, что через два месяца Арнольд должен быть на родине.

— Ну, в крайнем случае с ним может случиться сердечный припадок, паралич сердечной мышцы или что-нибудь в этом роде.

— Браун, бросьте свои обезьяньи фокусы и позаботьтесь лучше о своем здоровье. Вы поняли меня? У вас манеры последней шлюхи, и вы шутите в самый неподходящий момент. Вот вам деньги — и исчезайте. Сюда ходите пореже. Этот идиот Ценкер мог кому-нибудь рассказать о нашей встрече до того, как догадался издохнуть. Счастливого оставаться, Браун.

Я на лестнице пересчитываю деньги — десять тысяч франков. Неплохо. Банге не скупится, но он, каналья, к тому же большой неврастеник, и садист. Я вспоминаю вечер у него на квартире в Берлине и рассказ Ценкера о допросе. Нужно, однако, серьезно взяться за работу.

В случае, если эта операция удастся, я вступлю с моими приятелями в дипломатические переговоры и предложу им любовную сделку: мы друг другу взаимно восстанавливаем девственность.

Это будет просто трогательно: девственные юноши Штеффен и Банге, хо-хо-хо-хо! Затем я получаю небольшую сумму денег, в пределах десяти тысяч долларов, за свои услуги перед родиной и отправляюсь в Южную Америку. Кстати, эта бразильянка, несмотря на свой возраст, заслу-

живает всяческого уважения. Почему бы тебе, Штеффен, не стать принцем-супругом?

12

Уже около месяца, как я не встречался с Арнольдом. Он за это время раз был в Париже, но я его пропустил. Ехать к нему в Страсбург не следует. Он будет удивлен и заподозрит неладное. Но это не страшно. Нам с тобой, Арнольд, некуда торопиться, а они подождут.

Откровенно говоря, эта операция приобрела для меня спортивный характер. Я большой любитель этого вида спорта — психологического.

Наконец, телефонный звонок. Говорит Арнольд:

— Вы меня, Штеффен, разыскивали? Заходите ко мне.

Встреча теплая и очень дружелюбная.

— Вы значительно лучше выглядите, Штеффен. Что вы делали в течение этого времени?

— Занимался разными вещами, между прочим, нашел вам трех новых подписчиков, двух в Швейцарии, одного в Англии.

— Вы мой добрый гений! Я теперь буду выпускать бюллетень через день и улучшу его внешний вид. Попробую вскоре купить собственный множительный аппарат, тогда я стану совсем независимым. Знаете, Штеффен, я в ближайшем номере пушу интересную информацию о германских подземных аэродромах. Если хотите, я вам даже скажу, из какого источника я ее получил.

— Нет, этого вы мне лучше не говорите. Я не люблю знать того, что меня не касается. Это может даже иметь неприятные последствия. Допустим, через неделю арестовывают вашего информатора. У вас сразу возникает мысль — это разболтал Штеффен.

— Вы, Штеффен, молодец, с вами можно иметь дело. Я хотел проверить, не любопытны ли вы.

— О, я давно избавился от этого порока, иначе я не мог бы делать свое маленькое дело.

— Хотите, Штеффен, работать вместе?

— Какое амплуа вы мне предназначаете?

— В основном получение информации, у вас ведь есть большие возможности.

— Я подумаю, завтра дам ответ.

Ну, господин Банге, если хотите, чтобы из нашей авантюры что-либо вышло, давайте информацию, и притом подлинную, — липовую я сфабрикую не хуже вас.

Я поговорил на эту тему с Форстом. Сначала он шипел и извивался, но потом я начал получать довольно интересные, хотя и второстепенные документы.

Арнольд одобрял мою работу. У нас с ним устанавливались все лучшие отношения. На всякий случай я решил его дополнительно разыграть.

В течение нескольких вечеров я составлял нечто вроде дневника. Этот дневник содержал рассуждения на тему о том, что эмигрантская жизнь угнетает меня своей бездейтельностью; что необходимо бороться с мрачными настроениями. Далее следовали сентенции о сублимировании сексуальной энергии в политическую и так далее в том же духе.

Все это вместе с несколькими книжками я забываю в портфеле у Арнольда. Вечером прибегаю взволнованный, спрашиваю о портфеле.

— Он лежит на диване, я его только что заметил, — отвечает Арнольд.

Хитришь, мой друг, ты несомненно осмотрел портфель и прочел дневник! Я бросаю на Арнольда сконфуженный взгляд. Он равнодушно на меня смотрит.

Подготовительный этап закончен, нужно разработать операцию топографически. Ко мне из Берлина вновь приезжает гость, на этот раз неизвестная личность.

Мы сидим над картой.

— Вот Базель, а вот наш пункт. Отсюда до границы — че-

тыре километра. Итак, я рассчитываю, что через две недели все будет в порядке. Автомобиль вы получите в Базеле.

— Надеюсь, это будет не «мерседес» с кильским номером.

— Не валяйте дурака, это будет «фиат», номер вам позже сообщит Форст. Наш человек будет ждать у сто пятьдесят восьмого километра на шоссе, он назовет себя Беренсом. Ну, кажется, все.

— У меня имеется еще один вопрос: как поступить мне, когда все будет закончено?

— Вы останетесь в Германии.

— Нет, это будет означать конец моей работе. Я лучше вернусь и попробую вывернуться.

— Пробуйте, Браун, только смотрите, не перемудрите. Я знал умных людей, которые с каждым днем становились все умнее, пока не превращались в круглых идиотов.

— Спасибо за комплимент.

— Нет, это не комплимент, а совет. До свидания.

Нет, меня не так легко провести! Если я уеду в Германию, меня немедленно разоблачат, как организатора похищения. Никакой осел не поверит, что увезли двоих сразу. Со мной в Берлине немного повозятся, потом, увидев, что я им бесполезен, выбросят как выжатый лимон, или, вернее, для собственного спокойствия, посадят в концентрационный лагерь.

Смотри, Штеффен, как бы тебя не разыграли. Конечно, лучше остаться в Швейцарии и придумать какую-нибудь мелодраму. Люди ведь в основном дураки, а швейцарской полиции бояться нечего.

Итак, дорогой Арнольд, приближается момент испытания, когда вам придется проявить максимум воли и мужества. Кстати, вы сможете проверить свою нервную систему. Вы ведь человек убежденный, не то что бедный Штеффен, для вас все это не страшно. Наконец, ореол мученика, — какая блестящая перспектива! Не все же такие, как ты, Штеффен, прозаические натуры. Есть романтики, которые стремятся пожертвовать собой во имя идеи. Твоя совесть, Штеффен, может быть совершенно спокойна.

В течение двух недель я усиленно обрабатываю Арнольда, посещаю его в Страсбурге, — привожу кое-какую информацию. Наконец я считаю, что почва подготовлена, и начинаю глубокий зондаж.

Мы сидим в кабинете Арнольда; он меня внимательно слушает.

— Я глубоко убежден, что мы мало пользуемся нашими возможностями и недостаточно энергичны, в нас обоих слишком много интеллигентского.

Арнольд перебивает меня:

— Такие рассуждения я уже не раз слышал — говорите конкретнее.

— Помните, я вам мельком рассказывал о человеке, пригласившем нас последнюю информацию? Так вот, у него есть приятель, имеющий доступ к несгораемым шкафам рейхсвера, кажется, через свою сестру. Я просил моего информатора привлечь к работе своего приятеля, назовем его «ипсилон». Тот, однако, заявил, что не хочет работать вслепую и должен знать, с кем он будет связан. Мой приятель назвал «ипсилону» мою фамилию. Тому она, оказывается, была знакома, но, к сожалению, с неважной стороны. В результате «ипсилон» заявил, что он знает Штеффена, как несерьезного, легкомысленного человека, и не будет рисковать из-за него жизнью.

Таким образом, старый, догитлеровский Штеффен мешает жить теперешнему. Мои планы провалились. Хорошо вам, Арнольд, вы всегда были серьезным человеком. Ваше имя — марка, а мне всегда приходится доказывать, что со мной можно иметь дело. Ведь и вы долгое время относились ко мне недоверчиво и пренебрежительно.

— Да, Штеффен, я к вам долго присматривался, но в конце концов прошупал, а я умею разбираться в людях.

— «Ипсилон», к сожалению, не имеет возможности меня прошупать, и из-за этого все летит в трубу. Подумайте, Арнольд, получить доступ к шкафам на Бендлерштрассе! Мы бы подобрали материал, перевезли сюда «ипсилона» и потом начали бы обстрел из тяжелых орудий.

— Почему вы, Штеффен, так уверены, что этот человек может быть нам действительно полезен?

— Вы, Арнольд, хорошо разбираетесь в людях, но и у меня дьявольский нюх, и я верхним чутьем чувствую, где нужно искать золото. Я вам говорю, Арнольд, что у нас под ногами настоящая жила. Если бы вы знали, как я ругаю себя за прежние глупости!

— Ну, а как вы думаете, Штеффен, со мной ваш «ипсилон» хотел бы работать?

— С вами? Я не уверен, знает ли он вас, но я попробую выяснить.

Через две недели Арнольд приезжает в Париж.

— Ну, как наш «ипсилон»?

— Он о вас, оказывается, слыхал и говорит, что Арнольд — это не Штеффен. Он только обо всем хочет переговорить лично с вами.

— А, это неплохо, это гораздо лучше, чем работать вслепую.

— Я напишу, чтобы он приехал в Париж.

— Хорошо, обожду его.

Через несколько дней я, огорченный, прихожу к Арнольду. Ничего не поделаешь с «ипсилоном», все вылетело в трубу. Он не может получить паспорта, если же он приедет в Париж нелегально, то не решится вернуться в Германию.

— Значит, конечно?

— Этот чудак предлагает свой, абсолютно неприемлемый вариант: встречу в Швейцарии вблизи границы, с тем, чтобы через час он имел возможность незаметно вернуться обратно. У него там есть связи с контрабандистами; их ведь на швейцарско-германской границе тьма. Они перевозят из Германии медикаменты, в особенности кокаин, а из Швейцарии часы, стрелки и тому подобное. Я написал, конечно, «ипсилону», что его предложение никуда не годится и что дело надо бросить.

— Почему вы, Штеффен, решаете такие серьезные вопросы без меня?

— Да потому, что вы ничего более умного не придумаете. Ведь вы на границу не поедете? Это было бы слишком рискованно.

— Вы, кажется, считаете меня трусом?

— Видите ли, я не трус, но на вашем месте я спокойно сидел бы в Страсбурге.

— Значит, я не похож на вас. Кроме того, я ведь не ребенок и к самой границе не приближусь, а на расстоянии, скажем, пяти километров мне ничто не может угрожать. Неужели вы думаете, что германские жандармы так далеко пролезут на чужую территорию? Вот если оказаться в сотне шагов от границы, это — другое дело.

— Этого я не сообразил, решать все же должны вы сами, Арнольд. Но раз вы назвали меня трусом, то я буду с вами при встрече.

— Простите, Штеффен, но вы меня взбесили своим легкомыслием: так легко отказываться от серьезного дела.

— Итак, завтра мы наметим все даты и разработаем стратегический план. Придется поторопиться, так как у «ипсилона» кончается отпуск, единственное время, когда он может уехать из Берлина.

Мы сидим над картой северо-восточной Швейцарии.

— Вот в этом пункте, по-моему, можно наметить встречу, это близко от границы и в то же время очень удобно.

— Простите, дорогой Арнольд, но вы очень наивно воображаете, что «ипсилон» может перейти границу в любом пункте, где вам заблагорассудится. У вас довольно своеобразное представление об этих вещах.

— Но ведь вы говорили, что граница кишит контрабандистами.

— О да, и они все, конечно, ждут не дождутся нашего приятеля. Стоит ему сказать: «Сезам, откройся», и он будет в Швейцарии.

Арнольд кусает губу.

— Что же вы предлагаете, Штеффен?

— Я считаю, что мы совершенно напрасно теряем время. Я завтра выезжаю в Базель, оттуда я через посредников сношусь с «ипсилоном», устанавливаю пункт перехода гра-

ницы и намечаю место встречи. Учтите, что я знаю Швейцарию, как свои пять пальцев.

Когда все будет в порядке, я вам телеграфирую: место в санатории обеспечено. Затем я вас встречу на вокзале, и мы окончательно утвердим наш оперативный план. В тот же день происходит свидание с «ипсилоном». Он возвращается в Берлин, а мы в Париж.

— Но представим себе, что я в Базеле не соглашусь с намеченным вами пунктом, как быть тогда?

— Очень просто — поеду я один.

— Вы меня убедили, Штеффен.

— Чтобы не забыть, Арнольд, вы должны хорошо одеться, ехать первым классом и вообще держать себя джентльменом. Ведь швейцарская полиция настороженно относится к немецким эмигрантам, видя в них коммунистов. Вы представляете, что произойдет, если при встрече с нашим другом нагрянут швейцарские агенты, арестуют нас троих, вышлют нас во Францию, а «ипсилон» — в Германию?

— Простите, дорогой Штеффен, чтобы быть, как вы выражаетесь, джентльменом, нужны деньги, а у меня их очень мало. Я приеду в третьем классе и в обычном одеянии.

— Я вам могу одолжить денег.

Это, кажется, грубая ошибка: в глазах Арнольда искорка недоверия.

— А знаете, Арнольд, вы правы, я вам, конечно, мог бы одолжить несколько сот франков, но это означало бы для меня потом некоторые лишения. Итак, до свидания в Базеле...

— Господин Форст, я сегодня уезжаю в Базель, мне нужны указания, как и с кем я оттуда буду сноситься. Наконец, мне нужны деньги, деньги и еще раз деньги.

— Я совершенно не понимаю, зачем вам так много денег. Вы пробудете в Швейцарии несколько дней, что же касается техники, то она будет организована не вами.

— Слушайте, Форст, хотел бы я видеть, кто, кроме меня, сумел бы подготовить это дело. Если вы будете меня нервировать в самый ответственный момент, я пожалуюсь доктору Банге.

Форст кипит от бешенства, но деньги дает.

Ты, Штеффен, молодец, сумел научить даже эту свинью хорошим манерам.

— На другой день после вашего приезда в Базель к вам, Штеффен, в отель явится некий Отто Ауэр. Вы с ним обо всем условитесь. Остановиться вам нужно в отеле «Мажестик». Ауэр вас там найдет...

13

 опять в Швейцарии, третий раз в своей жизни, но теперь ненадолго. Я вспоминаю Женеву, Лозанну, Базель эпохи незабвенной мировой войны.

Здесь прошли твои лучшие годы, Штеффен.

Мною овладевает грусть.

Тебе, Штеффен, уже за сорок лет. Ты лысеешь и стареешь. Пройдет еще несколько лет — и девицы будут от тебя отворачиваться, презрительно хихикая.

Но теперь ты опять в стране горных вершин и озер, не зная, где будешь через несколько дней.

Нельзя, однако, распускать себя. Довольно реминисценций. Ты жив и собираешься еще долго жить. Ты здоров и сохранил вкус к жизни. Все обстоит благополучно, исполняй свой долг, повинуйся категорическому императиву: заботиться о себе.

На другой день утром стук в дверь.

— К вам пришел господин Ауэр.

— Впустите.

На пороге высокий худощавый человек в сером пальто и шляпе с опущенными полями, в руке перчатки. Он закрывает дверь, подходит ко мне, кладет перчатки и шляпу на стол.

— Вы меня не узнаете, Браун?

Стараюсь вспомнить. Не могу.

— Помните, в Берлине в квартире у доктора Банге? Видите, вспомнили.

У Ауэра острые и удлиненные черты лица, продолговатой, странной формы череп. Когда он говорит, у него обнажается верхняя челюсть, сверкающая золотом. У него длинные руки и неприятного красного цвета лицо.

— Так вот что, Браун, запирайте дверь на ключ, включите настольную лампу. Вот здесь, видите, Базель. Здесь проходит шоссе к границе. У нас сегодня одиннадцатое, четырнадцатого, в семь часов вечера, вы садитесь с вашим другом в такси, которое будет стоять у подъезда отеля. Его номер будет 2451. Вы садитесь с шофером, другой — сзади. Вы доезжаете вот до этой точки. Здесь у столба машина остановится, можете во всем положиться на шофера. К машине подойдет человек, спросит фамилию вашего спутника и сядет с ним рядом. О дальнейшем вам нечего заботиться. Если вы решите вернуться в Швейцарию, шофер вас отвезет. Как будто, мы договорились обо всем. Главное — не забудьте доставить вовремя вашего приятеля. Грюссготт*.

Итак, мой дорогой Арнольд, вы едете навстречу событиям. Вы, как бабочка, летите к огню. У вас обгорят крылышки, но при чем здесь бедный Штеффен? Он так же виноват, как открытое окно, в которое влетела доверчивая бабочка, попавшая в огонь. В этой маленькой трагедии виновата бабочка, еще больше — огонь, но окно не несет никакой ответственности.

Это просто трогательно, Штеффен, — ты уже стал пользоваться поэтическими сравнениями и аллегориями. Ты лучше не забывай о собственных крылышках. Ведь Арнольдов много, ты же — единственный. Помни старый принцип: поэзия только после кофе и ликера.

Телеграмма Арнольду послана. Надеюсь, он не передумал, в этом случае получился бы полный скандал. Глав-

* Грюссготт — баварское приветствие; означает «благослови бог».

ное — чтобы он не проговорился кому-нибудь из коммунистов. Они его быстро убедят не иметь со мною дела.

У меня, однако, есть старая привычка не думать о возможных неприятностях. Такого рода размышления приводят к преждевременной старости и хроническим запорам. Вообще, нужно уметь быть глупым, то есть оптимистом; хотя пессимизм единственно разумное мировоззрение человека, жизненный путь которого предопределен и ведет в урну или в землю. Но — я повторяю — необходимо уметь быть глупее самого себя.

Ты, Штеффен, спокоен, не отрицай этого и не хитри. Ты думаешь не об Арнольде, а о самом себе.

У тебя нет оснований нервничать, Штеффен. Ты вернешься в Базель. Пока узнают об исчезновении Арнольда, пройдет несколько дней. Пока доберутся до тебя, ты будешь далеко, — там, где цветут лимоны. Главное — договориться с берлинскими друзьями о соответствующей пенсии, выплачиваемой одновременно. Впрочем, если операция пройдет гладко, можно будет с ними еще поработать. Предварительно ты, Штеффен, конечно, потребуешь длительный отпуск, проведешь его на Ривьере или в Шевенингене. Ты неплохо поживешь там, старый хитрец.

Я подхожу к зеркалу, открываю свет.

Ты еще похож на человека, Штеффен. Правда, под глазами морщинки, подбородок немного заплыл жиром, лоб быстро растет и скоро достигнет макушки. Но это пустяки: такой парень, как ты, еще долго будет нравиться женщинам. Нужно все же подумать о массаже.

Два дня прошли как-то глупо. Я, правда, пытался отвлечься от скучных мыслей, но мне это плохо удавалось. Даже крошка Эмми это заметила и, шлепая меня по губам, представляла с вопросом: о чем ты, поросенок, думаешь?

Четырнадцатого я на вокзале за несколько минут до прихода поезда. Мимо меня проходит локомотив, один за другим — вагоны. Вот в окне Малыш. Он приветствует меня рукой.

Ты, мой милый, неважно одет для отеля «Мажестик»:

шляпу ты, вероятно, покупал еще при Штреземане, плащ у тебя потерт, ботинки стоптаны. Эх, ты, идеалист!

Мы тепло пожимаем друг другу руки. Я беру такси, называю отель. Арнольд, как полагается конспиратору, говорит о пустяках: о дорожных впечатлениях, своем здоровье и т. п.

Мы в номере. Одни.

— Ну, как дела?

— Все в полном порядке. Сегодня он будет в условленном месте, если с ним чего-либо не случится.

Я достаю карту и показываю Арнольду точку на шоссе.

— Сколько же это километров от границы?

— Километров пять-шесть. Он сядет к нам в такси, потом мы повернем в сторону Базеля. Вы с ним побеседуете минут двадцать, а затем мы его доставим на прежнее место. Кстати, не забудьте дать ему немного монет; он, вероятно, с трудом наскреб деньги на дорогу.

— Это правильно, — одобряет Арнольд. — А знаете, Штеффен, меня очень беспокоит переход им границы: как бы они его не застукали.

— Ничего не поделаешь, человек знает, чем он рискует.

— Вы уже заказали такси?

— Конечно, нет. Так делать не полагается, нельзя давать поводов к подозрениям. Мы выйдем из отеля и возьмем первое попавшееся такси.

— Напрасно вы, Штеффен, не съездили раньше осмотреть шоссе и место встречи.

— Это было бы неблагоразумно, кроме того, я знаю район, как свои пять пальцев.

— Откуда вы его знаете, Штеффен?

Я вновь ловлю недоверчивый взгляд. Теперь каждый промах может сорвать все дело.

— Вы, Арнольд, очевидно, думаете, что я впервые встречаюсь с людьми, нелегально переходящими границу, и полагаете, что с вашего приезда в Базель начинается история мира.

— Чего вы злитесь, Штеффен?

— Ну конечно, злюсь. Я здесь набегался, истрепал нервы, а вы приезжаете на готовое и пристаёте с детскими вопросами.

Арнольд меня хлопает по плечу:

— Не будем ссориться, Штеффен, вы на редкость забавный парень. Что же мы теперь будем делать?

— В нашем распоряжении немногим больше часа. Нужно пообедать.

Я вспоминаю сомнительную внешность Арнольда и предлагаю потребовать обед в номер. Чем меньше меня с ним будут видеть, тем спокойнее.

За обедом Малыш очень оживлен и остроумен. Я ясно вижу, как он возбужден. Он мне рассказывает о своих планах. Если с «ипсилоном» все удастся, можно будет выпустить специальную брошюру, от которой на Бендлерштрассе почешут себе затылки. Я стараюсь не отставать от своего друга, но постепенно, незаметно для себя, перехожу на флигельные темы. Неожиданно чувствую удивленный взгляд Арнольда. Спешу объяснить:

— Знаете, я очень давно не пил алкоголя, и это вино подействовало на меня возбуждающе.

Мы выходим из отеля. У подъезда стоят такси. Я подхожу к первому. Это закрытая машина № 2451. У меня неожиданно возникает дурацкое сомнение — правильно ли я запомнил номер? Не был ли мне назван номер 2541? Такого совпадения быть не может, кроме того, мне память в таких случаях никогда не изменяет.

Я спрашиваю шофера, свободен ли он. Тот бросает на меня ощупывающий взгляд и отвечает — садитесь.

К такси подходит Арнольд. Он как-то смешно принюхивается к машине и близорукими глазами приглядывается к шоферу. Затем он открывает дверцу и садится в машину. Я занимаю место с шофером. Арнольд спрашивает меня, отчего я не сел с ним рядом.

— Там будет тесно, — отвечаю я и укоризненно смотрю на Арнольда. Он молча кивает головой.

В течение полчаса мы едем, не обмениваясь звуком. Вдруг Арнольд трогает меня за плечо. У него возбужденное лицо, голос слегка дрожит.

Он обращается ко мне по-английски:

— Мне не нравится этот субъект.

Я хохочу:

— Что вы, Арнольд, это самый обыкновенный швейцарский идиот, посмотрите, на его тупую рожу.

Малыш садится глубже и смотрит вверх. Я это вижу в зеркальце шофера.

Наступает молчание. Шофер, не поворачивая головы, громко спрашивает, до какого места нужно ехать. Я отвечаю, что укажу, где нужно остановиться.

Опять молчание. Арнольд волнуется и нервничает, но сдерживает себя.

— А знаете, Штеффен, мне вся эта история очень не нравится.

Я обращаюсь к шоферу:

— Едем обратно.

Арнольд вскакивает:

— Перестаньте, Штеффен, делать глупости! С вами невозможно разговаривать. Шофер, едем дальше.

Вновь молчание, на этот раз продолжительное.

Шофер начинает замедлять ход. Я замечаю это и говорю ему:

— Теперь — тише.

Арнольд с раздражением спрашивает по-английски:

— Откуда шофер знал, что мы подъезжаем?

Я, умышленно грубо:

— Ничего он не знал, а на спуске всегда меняют скорость. Если вы трусите, едем обратно.

Мы подъезжаем к условленному месту. Шофер дает мне это знать толчком ноги. Я высовываюсь из окна и приказываю остановиться.

На шоссе довольно темно. У машины появляется чей-то силуэт. Арнольд открывает дверь. Человек просовывает голову и спрашивает:

— Вы — Людвиг Арнольд?

Утвердительный ответ.

Незнакомец садится в машину.

Я говорю шоферу:

— Повернем обратно. — При этом наступаю ему на носок. Он отвечает тем же сигналом.

Машина поворачивает, но съезжает на боковое шоссе, идущее под углом к главному.

Я осторожно оборачиваюсь и пытаюсь разглядеть лицо севшего к нам человека. Слышу, он тихо спрашивает, кто сидит впереди. Арнольд ему объясняет. Дальше ничего не могу разобрать — они говорят шепотом.

Автомобиль заворачивает вправо, набирает скорость. Еще раз — вправо. Мы опять на главном шоссе.

Вдруг раздается хриплый голос Арнольда:

— Штеффен, нас везут к границе! Это...

Что-то звякнуло. Я слышу хриплое дыхание позади себя.

Я опускаю голову и больше не оборачиваюсь. Незнакомый резкий голос приказывает шоферу дать максимальный ход. Машина бешено рвется вперед.

Раздается сигнал. Мы останавливаемся. Появляется толстый человек в форме. Шофер показывает ему какую-то бумажку. Машина опять срывается.

Через несколько минут мы вновь останавливаемся. Впереди я вижу большую закрытую машину, освещающую нас своими фарами. К нам подходят трое людей. Из автомобиля вытаскивают Арнольда. Он кажется еще ниже, чем обычно, совсем цыпленок. Во рту у него что-то белое, на руках металлические кольца. Двое берут его за локти и вталкивают в большую машину.

Еще минута, автомобиль разворачивается, и мгновенно исчезает за поворотом.

— До свиданья, Арнольд!

— Вас везти обратно? — спрашивает шофер.

Мы в свою очередь разворачиваемся, едем не особенно быстро по направлению к границе. Опять остановка. Шофер вновь предъявляет все тот же документ.

Я сижу, закрыв глаза. Эта сцена на меня очень сильно подействовала. Какой у него был жалкий вид! Чувствую себя

отвратительно. Они с ним не поцеремонятся. Я начинаю думать об истязаниях и пытках. По спине ползут мурашки. Главное — этот Малыш подозревал что-то неладное, но самолюбие помешало ему вернуться.

А эти черти провели дело неплохо. Все прошло паразитально гладко. Не понимаю только, как это нас так просто пропустили через границу. Жалко Арнольда, но хорошо, что все благополучно окончилось. А впрочем, черт с ним. Не надо было быть ослом и считать себя умнее всех. Не надо было так покровительственно и свысока относиться к бедному Штеффену. Наконец, если бы мне не удалось его доставить на границу, они бы просто его кокнули. Словом, вопрос исчерпан.

Я считаю, что все обстоит превосходно. Очень возможно, что мне даже не придется выдумывать версию. Я, кажется, напрасно принял меры предосторожности, поместив свои деньги в банке в Базеле. Я убежден, что Арнольд из конспиративных соображений никому не сказал о своей поездке и не упомянул моего имени. Я правильно сделал, что нигде его не прописал. В отеле он пробыл каких-нибудь два три часа, его вряд ли заметили.

Ты, Штеффен, можешь быть совершенно спокоен. Пока выяснится, что Арнольд исчез, пройдут недели две. Его парижские друзья будут считать, что он в Страсбурге. Его домашние решат, что он задержался в Париже. Когда будет установлено, что Малыш ездил в Базель, ты, Штеффен, уже давно будешь в Париже и примешь активное участие в поисках пропавшего друга. Да, ты можешь быть доволен, это называется чистая работа. Без тебя они бы ничего не сделали. Психологическая подготовка несравненно важнее технической.

Я решаю остаться в Базеле еще на три дня. Затем я вернусь в Париж и сразу же серьезно переговорю с Форстом.

Собственно говоря, неизвестно, почему я должен покончить с этой работой. Вырвать побольше денег — это другое дело. Но эти люди должны знать тебе цену, ты же, Штеффен, должен всегда помнить, что с ними нужно быть ос-

торожным. Ты можешь покапризничать, пошуметь, но, смотри, не переходи границу.

Я провел в Базеле три прекрасных дня. Я, по-видимому, стал стареть; меня тянет к молоденьким девочкам, так лет четырнадцати-пятнадцати. Плохой признак, Штеффен. Словом, я ухитрился не скучать, даже в скучном Базеле.

14

Вечером я сообщил портье, что уезжаю на следующий день, и заказал билет до Парижа.

Утром в день отъезда спускаюсь в кафе. Беру свежие французские газеты, раскрываю первую попавшуюся. Вдруг у меня перестает биться сердце. Я чувствую, что задыхаюсь, вновь перечитываю. Вижу свою фамилию в сообщении, озаглавленном «Гестапо за работой».

Я напрягаю волю, чтобы сконцентрировать свои мысли, разбегающиеся, как шарики ртути на стекле.

Этот прохвост Арнольд, оказывается, в глубине души не доверял мне. Он оставил своему приятелю письмо с надписью: вскрыть через три дня. В этом письме он сообщал, что едет в Базель для свидания с Карлом Штеффеном, который должен был организовать на границе встречу его с лицом, приезжающим для этой цели из Германии. Если он, Арнольд, к указанному сроку не вернется, это будет означать, что его увезли в Германию и что Штеффен — агент гестапо.

Я перечитываю эти строки; мною овладевает злоба. А я еще жалел этого подлеца! Так гнусно поступить в отношении товарища. Да, именно товарища, — он ведь не имел никаких оснований подозревать меня, грязная свинья!

Какую я сделал глупость, что приехал под своей фамилией! У меня ведь был на руках паспорт на имя Крюгера. Теперь нужно немедленно уезжать.

Я подхожу к портье, прошу паспорт. Он обещает прислать его мне в номер, нужно еще его зарегистрировать.

Мне кажется, что портье на меня странно посмотрел. Вероятнее всего, чепуха. У меня не в порядке нервы, и я на каждом лице вижу злое выражение.

Я поднимаюсь к себе в номер, лихорадочно складываю свои вещи.

Сильный стук в дверь. Я вздрагиваю и оборачиваюсь. На пороге человек в штатском и в котелке, за ним еще двое. «Уголовная полиция», мелькает у меня в голове. Теперь, Штеффен, держи себя в руках.

— Господин Карл Штеффен, вы арестованы. Возьмите с собой самые необходимые вещи.

Я изображаю сцену изумления и негодования.

Один из полицейских иронически замечает:

— Вы собирались уезжать, господин Штеффен, мы вам, кажется, помешали.

В несколько минут чемодан осмотрен. Мне предлагают его закрыть на ключ.

Мы подъезжаем к полицейскому управлению, меня вводят в кабинет какого-то чиновника.

— Кто к вам приезжал четырнадцатого и куда вы с этим лицом ездили?

Я заявляю, что отказываюсь отвечать, пока меня не посетит представитель германского консульства.

— Но ведь вы эмигрант?

— Я был и остаюсь германским подданным. Я прошу передать консулу, чтобы он запросил обо мне посольство в Париже.

— Значит, вы отказываетесь отвечать на вопросы?

— Я настаиваю на свидании с консулом.

Я сижу в камере полицейского управления. В первый раз в жизни пришлось мне познакомиться этим учреждением, к которому я никогда не питал симпатий. Здесь отвратительно кормят, твердо лежать, а главное — чертовски скучно. Днем койка опускается и можно сидеть только на низком узком табурете. Всю ночь горит свет, из-за этого плохо сплю.

Я все же не теряю надежды. Я уверен, что все будет ликвидировано по-келийному — меня просто вышлют в Германию. Мои берлинские друзья заинтересованы в том, чтобы меня выручить. Они сумеют нажать на кого следует. Одновременно я все же готовлю версию для следователя. Сказать, что я ни о чем не имею представления, — немыслимо. Меня, несомненно, видели с Арнольдом и знают, что мы сели в такси.

Можно сказать, что Арнольд приехал ко мне и просил подвезти его до границы. Я решил, что он собирается нелегально попасть в Германию. Меня поэтому не удивило, что он недалеко от границы встретился с каким-то типом.

Нет, это очень дешево и неубедительно. Ведь Арнольд в своем письме недвусмысленно обвиняет меня в похищении его. Никто не поверит, Штеффен, твоей версии.

Можно рассказать почти все, как было, но изобразить себя такой же жертвой, как Арнольд, которой, однако, удалось убежать.

Почему же тогда я сидел в Базеле три дня и молчал? Все это никуда не годится. Я, действительно, перехитрил себя. Я правильно поступил, отказавшись отвечать, без помощи из Берлина я не выкарабкаюсь.

Проходят четыре дня. Меня вновь ведут в кабинет, где я уже раз был, на этот раз он выглядит не так мрачно, очевидно, по сравнению с моей камерой.

— Ну, что же, господин Штеффен, вы все еще отказываетесь отвечать на вопросы?

— Я уже заявлял, что жду представителя моего консульства.

— Ах вот оно что! Прочтите, господин Штеффен, в таком случае письмо вашего консула.

Я беру в руки лист бумаги с бланком «Германская империя» и жадно читаю.

Мною овладевает бешенство. Оказывается, германскому консульству Карл Штеффен лично неизвестен, он лишен германского подданства, как аморальный субъект.

— Вы удовлетворены, господин Штеффен, ответом вашего консульства?

— Вполне.
— И будете отвечать на вопросы?
— С полной откровенностью.
— С кем вы ездили в такси?
— С Людвигом Арнольдом.
— Где вы нашли такси? Как фамилия шофера? Когда вы познакомились с Арнольдом?

Я отвечаю на все вопросы, называю имена и даты. Мною руководят два мотива: злоба и расчет. Они бросили меня на мостовую, как корку съеденного банана. Эти прохвосты назвали меня аморальным субъектом.

Они думают, что я буду молчать и возьму всю ответственность на себя. Они увидят, на что я способен, когда меня доведут до крайности.

Кроме злобы, мною руководит и чувство самосохранения: обо мне должен знать весь мир, тогда они не решатся меня отправить к праотцам.

Тебе, Штеффен, угрожает смерть от слабости сердечной мышцы.

Я предлагаю следователю рассказать все в последовательном порядке. Его вопросы только затрудняют связное изложение.

Чиновник в грубой форме предлагает мне не читать ему лекций и отвечать на заданный вопрос.

Я понимаю. Швейцарское правительство не заинтересовано в углублении вопроса, и моя откровенность его мало радует. Я вижу, что из протокола вычеркивается несколько моих заявлений.

Смотри, Штеффен, как бы тебя не выслали в Германию.

Я чувствую, что бледнею. Потом вспоминаю: ведь консульство сообщило, что я лишен германского подданства. С этой стороны я могу быть спокоен.

Главное, чтобы они меня не отправили на тот свет. Может быть, из Берлина уже выехал какой-нибудь Пауль.

Бедный Штеффен, ты попал в грязную историю.

Допрос продолжается. Следователь пытается сбить меня с толку, но вскоре убеждается, что со мной это довольно трудно проделать.

Через час я опять у себя в камере. Наступает вечер. От нервного напряжения не могу заснуть, ворочаюсь с боку на бок на узкой жесткой койке.

Меня мучит мысль: в чем заключается моя ошибка? Даже если бы я приехал в Базель по липовому паспорту, это тоже мало бы что изменило. Нет, здесь должна быть какая-то более серьезная ошибка. Ведь есть даже теория роковых ошибок, их совершали библейские цари, Александр Великий, Наполеон.

Я вспоминаю все свои действия в течение последней недели и не нахожу, в чем я виноват: все было благоразумно, осторожно, тонко. Единственное, в ком я ошибся, — это в Арнольде, а я мог это предвидеть, я должен был считаться с этой возможностью. Да, моя грубая ошибка заключалась в том, что я должен был остаться в Германии.

Но, хорошо, что бы я там делал? Письмо Арнольда все равно было бы опубликовано, Штеффен объявлен провокатором и потерял бы для них всякую ценность. Они, конечно, поспешили бы от него избавиться. Нет, ошибки сделано не было. Я хотел бы прочесть, что пишут обо мне газеты.

Ты, Штеффен, неожиданно стал популярен, твое имя склоняется в кафе, трамваях и поездах. Это забавно, но ведь ты, Штеффен, никогда не гонялся за популярностью. Ты хотел мирно и тихо прожить свою жизнь.

Я не могу равнодушно вспомнить об Арнольде, этот негодяй мне испортил все.

Время проходит невыносимо медленно. Единственное развлечение — это допросы. Я пробую острить, но, увы, швейцарцы еще хуже моих соотечественников воспринимают юмор.

У меня возник недурной план — написать нечто вроде мемуаров. Я, конечно, не могу конкурировать с фон Бюловым, Штреземаном к другими корифеями мемуарного искусства, но я все же считаю своим священным долгом зафиксировать некоторые этапы своей скромной жизни. Это явится до известной степени страховым полисом.

Прежде ты, Штеффен, любил тень, теперь ты нуждаешься в свете, ярком свете.

Вот уже несколько месяцев, как я пишу свои воспоминания. Через неделю меня выпустят из тюрьмы и вышлют из пределов Швейцарской республики. Она слишком добродетельна и невинна для того, чтобы Карлу Штеффену было разрешено осквернять своим грязным дыханием альпийский воздух.

У меня в банке уцелело десять тысяч франков, я еду в Бразилию. Там Карл Штеффен начнет новую жизнь, у него есть ваш адрес, мадам Гуерера.

Вы выше моральных предрассудков. Вот только, боюсь, что на моей внешности плохо отразилось пребывание в камере. Да, это серьезная проблема, но не будем предрешать событий.

У меня, кроме того, возник один недурной проект. Это, конечно, на случай, если не выгорит с мадам Гуерера. Да, проект неплохой.

У тебя, Штеффен, и в тюрьме неплохо работает голова. Ты доволен собой, хитрец?..

Вместо послесловия

В каюте второго класса парохода «Колумбия», направлявшегося в Бразилию, был найден мертвым некто Вольфганг Крюгер. Пароходный врач установил смерть, наступившую в результате сердечной слабости. Никаких данных, на основании которых можно было бы разыскать родственников умершего, обнаружено не было. Среди вещей Крюгера была найдена толстая истрепанная тетрадь, содержащая неразборчивые записи на немецком языке, не имеющие, по-видимому, никакого отношения к покойному. В записной книжке был обнаружен адрес мадам Гуерера, крупной землевладелицы в Сан-Паоло, которая, однако, на запрос сообщила, что никогда не слыхала о человеке по фамилии Вольфганг Крюгер.

Примечания

Все тексты приводятся по первым журнальным публикациям с исправлением очевидных опечаток и некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

Гулливер у арийцев

Впервые: Октябрь, 1936, № 2. Отдельное изд. — М., 1936.

Единственный и гестапо

Впервые: Молодая гвардия, 1936, № 3. Отдельное изд. — М., 1936.

В журнальной публикации повесть предварялась следующим редакционным предисловием: «Название впервые публикуемого нами (пер. с немецкого) памфлета Георга Борна нуждается в разъяснении. Почему герой памфлета именует себя “единственным”? Откуда такой странный “титул”? Наименование это берет свое начало от заголовка книги известного теоретика анархизма Макса Штирнера, вышедшей в 1844 году, — “Единственный и его собственность”. В своей книге Штирнер “философски” обосновывает проповедь самого необузданного эгоизма: “Что такое добро, что такое зло!.. Я — Единственный. Для Меня нет ничего выше Меня”. Буржуазная сущность эгоистической философии Штирнера разоблачена Марксом и Энгельсом в одной из первых работ зрелого марксизма — “Немецкой идеологии”. В памфлете Георга Борна красочно показано, прикрытием каких “идей” и устремлений является сейчас индивидуалистическая идеология в фашизированной, капиталистической Германии».

Характеризуя повесть, современный фантаст Е. Лукин пишет: «Это ж надо было додуматься противопоставить гестаповской машине не героя-подпольщика, не отважного советского разведчика, а такого мерзавца, что поискать — не найдешь. Эгоист, циник, прощелыга, предатель! И ему, представьте, сочувствуешь. На фоне гестапо даже он кажется отрадным явлением.

Собственно, привлекательность плутовского романа в том и состоит, что жулик неизбежно симпатичнее государства, своего исконного противника. Мало того, любой душегуб (Стенька Разин, Робин Гуд) просто обречен на любовь народную, стоит ему противостать системе.

Однако мне всегда казалось, что для тридцать седьмого года такая манера изложения не совсем типична. Другая странность: блестящий перевод, а чей — не сказано. Хлесткие афористичные фразы, зримость и краткость характеристик. То и дело возникало впечатление, что повесть изначально написана по-русски. А еще был неуловимый момент, когда забавное повествование внезапно становилось жутким. Тоже, знаете ли, не каждому дано» («Недоразумения длиною в двадцать лет»).

Лукин также высказывает предположение, что «Георг Борн» (Д. Штерн) либо «сразу писал на русском, либо переводил сам себя», что может объяснить отсутствие имен переводчиков в приводимых текстах.

ОБ АВТОРЕ

Давид Григорьевич Штерн, писавший под псевдонимом «Георг Борн», родился в Германии в 1900 г. В 1918–1921 гг. жил в Бессарабии и Румынии, в 1922–1925 гг. — в Праге. Состоял в коммунистической партии Чехословакии, в ЦК компартии Германии (с 1927 г.), с 1930 г. в ВКП (б).

Был экономистом в советской торговой миссии в Берлине, руководил пресс-бюро советского торгпредства. В 1931 г. эмигрировал в СССР. В 1931–1932 гг. помощник заведующего, в 1932–1936 гг. заведующий 2-м (Западным) отделом Наркоминдела.

В середине 1930-х гг. опубликовал повести «Гулливер у арийцев», «Единственный и гестапо», «Дневник солдата СА Вилли Шредера (Записки штурмовика)», «Фред и его родина», «Раса и кровь» (первые три изданы отдельными книгами). Все они были напечатаны под именем Георга Борна и сопровождались — возможно, фиктивным — указанием на «перевод с немецкого».

В 1937 г. Д. Г. Штерн был арестован, обвинен в шпионаже в пользу Германии и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Оглавление

Гулливер у арийцев	7
Единственный и гестапо	110
П р и м е ч а н и я	246
Об авторе	248

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.